

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ФРЭНСИС
ДУНКАН

УБИЙСТВО
НА РОЖДЕСТВО

.....
ДЛЯ УБИЙСТВА
ЕСТЬ МОТИВ

☞ ФРЭНСИС ☞
ДУНКАН

Фрэнсис Дункан – мастер классического британского детектива 1940-х – 1960-х гг. Долгое время никто не знал, что под этим псевдонимом скрывался скромный преподаватель Уильям Андерхилл.

И только много лет спустя после смерти Андерхилла, когда его произведения о приключениях талантливого детектива-любителя Мордека Тремейна и его друга инспектора Джонатана Бойса стали широко известны, дети писателя раскрыли «тайну» Фрэнсиса Дункана прессе.

☞ ФРЭНСИС ☞
ДУНКАН

УБИЙСТВО
НА РОЖДЕСТВО

ДЛЯ УБИЙСТВА
ЕСТЬ МОТИВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д83

Серия «Золотой век английского детектива»

Francis Duncan

MURDER FOR CHRISTMAS
MURDER HAS A MOTIVE

First published by Vintage,
an imprint of The Random House Group Limited.

Перевод с английского *Т. Осиной* («Убийство на Рождество»),
У. Сапциной («Для убийства есть мотив»)

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения издательства
The Random House Group Limited и Andrew Nurnberg.

Дункан, Фрэнсис.

Д83 Убийство на Рождество ; Для убийства есть мотив :
[сборник] / Фрэнсис Дункан ; [пер. с англ. Т. Осиной,
У. Сапциной]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. —
448 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-102226-6

Мордекай Тремейн, человек тихий и одинокий, без особой охоты отправился на празднование Рождества в роскошном загородном доме Бенедикта Грейма, ведь он и знать не знал никого из присутствовавших, кроме хозяина и его секретаря. Однако долго скучать ему не пришлось — в рождественскую ночь под елкой обнаружился весьма неожиданный и мрачный подарок — труп в костюме Санта-Клауса. Что еще хуже, все указывало на то, что убийца по-прежнему в доме...

Мордекай Тремейн, приехав в тихую деревушку в гости к друзьям, внезапно оказывается втянут в расследование таинственного убийства, жертвой которого стала очаровательная Лидия Дэр. Поначалу полиция подозревает влюбленного в жертву известного археолога, с которым Лидия внезапно порвала незадолго до своей гибели. Но очень скоро за первым убийством следует и второе, причем преступник словно бы черпает вдохновение в мрачной песне, которую ставят на любительской сцене местные театралы...

**УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44**

© *Murder for Christmas*. Francis Duncan, 2017
© *Murder Has a Motive*. Francis Duncan, 2018
© Перевод. Т.А. Осина, 2017
© Перевод. У.В. Сапцина, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers,
2018

ISBN 978-5-17-102226-6

ДЛЯ УБИЙСТВА
ЕСТЬ МОТИВ

Глава 1

Лидия Дэр ужинала с убийцей.

Если ей и было страшно, это не отражалось в орехового цвета глазах, когда она смотрела на своего собеседника поверх белоснежной скатерти с искрящимся на ней грузом серебра и стекла, отполированного и выставленного, как она знала, в ее честь. Ни следа ряби на поверхности не выдавало нервную дрожь тонких пальцев, когда Лидия Дэр подносила бокал к губам.

Смакуя, она сделала глоток и повернула бокал так, что золотистые точечные блики затанцевали в ее глазах.

— Есть люди, считающие, будто шампанское не заслуживает славы, которой пользуется, — заметила Лидия, — но эта бутылка обратила бы их всех в свою веру, Мартин. От него становится легко и радостно, словно паришь над землей. Где вы умудрились его отыскать?

То, что своей похвалой она доставила удовольствие сидящему напротив мужчине, было очевидно, однако он постарался скрыть это, преувеличенно-небрежно пожав плечами.

— Свернул горы, — беспечно отозвался он. — Шампанское — напиток для особых случаев, а если случай более чем особый, то и шампанское должно ему соответствовать. — Он продолжил, понизив голос: — Дорогая моя, я не представляю, какой случай можно счесть более особенным, чем пребывание здесь, наедине с вами, пусть и краткое.

Взгляд Лидии смягчился. Она порывисто потянулась к его руке:

— Мартин, порой мне кажется, что вы самый милый убийца, какого я знаю.

Мартин Воэн улыбнулся:

— Это было забавно, Лидия. По-моему, так я еще никогда не развлекался.

В этот момент на убийцу он не походил. Поскольку убийцы встречаются в самых разных кругах и, как правило, от остальных людей не отличаются какими-либо характерными приметами или особенностями, выглядел он как по-мальчишески юный и вместе с тем незаурядный преступник. Мальчишеским видом был обязан воодушевлению, которое вспыхивало в нем мгновенно и разглаживало на лбу морщины, выдающие возраст, а незаурядностью — размерам лба и легкой седине зачесанных назад все еще густых и выющихся тугими кольцами волос.

Мартин Воэн гордился тем обстоятельством, что по его лицу невозможно определить возраст — если не присматриваться к мелким морщинкам вокруг серовато-голубых глаз, в которых отражался опыт сорокапятилетнего существования, — и его плотно сложенное тело с широкими плечами не пало жертвой мясистой тучности, порожденной опасным сочетанием средних лет и успеха.

Талию он сохранил благодаря интенсивным физическим нагрузкам и длительному пребыванию в тропиках. Археология и изучение древних цивилизаций были его увлечением, Мартин Воэн предпринял ряд масштабных экспедиций в Месопотамию и Восточное Средиземноморье. Несколько опубликованных им научных работ, посвященных нелегкому и требующему мастерства делу поиска местонахождения и проведения раскопок в городах и гробницах многовековой давности, а также извлечению из дебрей бесписьменной истории подробностей их прошлого, были признаны фундаментальными и снискали ему славу авторитета в подобных вопросах.

Мартин имел возможность отдаться своему увлечению, поскольку успех пришел к нему довольно рано. Золото, Южная Африка и сильная натура авантюриста стали ступенями, по которым он взбирался. По меркам обладателей обширного состояния, золота было не так уж много, но то, что имел, Мартин продал, получив сумму, позволившую ему выбирать образ жизни.

Отчасти его прошлое было по-прежнему очевидным, несмотря на классический смокинг и неброский, но несомненно дорогой комфорт его окружения. Авантюризм еще таился в глубине глаз, словно окрасившихся в цвет морской воды, исхлестанной штормами, в резких линиях челюсти, которая казалась выпяченной вперед более воинственно, чем требовалось, в крепких уверенных пальцах мощных рук.

Лидии, разглядывающей Мартина, на мгновение представилась панорама быстро растущих городов и энергичных, многолюдных, бурных времен, когда мужчина отстаивал свое право на жизнь кулаками, а само человечество было еще свежим и неопытным, только всплывающим на поверхность существования. Она поймала себя на мысли, что Мартин Воэн способен на жестокость, берет то, что пожелает, а месть его может быть страшна. Десять лет, проведенных среди мирных красот южной деревушки Далмеринг, обеспечили ему приличную предысторию, однако лишь прикрыли первобытное начало, не искоренив его.

Наверное, в ее глазах отразились эти мысли, потому что собеседник иронически усмехнулся, прервав череду невольных раздумий.

— Итак, вы считаете меня способным на убийство, моя дорогая?

— Конечно, нет! — поспешно воскликнула Лидия, непосредственностью своего ответа и густым румянцем выдав себя. — Я просто... подумала, какой, наверное, интересной была ваша жизнь до... до того...

Лидия замолчала, и Мартин, заметив, что она растерялась, пришел к ней на помощь.

— Прежде чем я сам себя превратил из неотшлифованного алмаза в праздного джентльмена? — забавляясь, уточнил он. — Краснеете вы очаровательно, моя дорогая, но совсем не умеете лгать. В сущности, вы правы: я побывал в неприятных местах, где мне самому было немного... не по себе. Хотя бы в те моменты, когда хотелось жить, а мне обычно хотелось. Вероятно, — лукаво добавил Мартин, — именно поэтому из меня получился такой хороший убийца!

— А теперь вы приобретаете непомерное эго преуспевающего актера, — укоризненно парировала Лидия, но ее колкость не достигла цели.

— Да, я сам в это верю, — подтвердил он. — Кстати об убийстве: мне показалось, будто на вчерашней репетиции Полин Конрой была близка к нему.

— Она считает, что вы умышленно старались переиграть ее и присвоить лавры, принадлежащие ей по праву.

— Бедная Полин! Как единственный профессионал среди нас, она относится к себе со всей серьезностью! Видимо, твердо вознамерилась приложить старания, чтобы пьеса имела успех. Наверняка созвала на премьеру половину лондонских критиков. Вообразила, что сумеет убедить их, будто они нашли на деревенской вечеринке новую Сару Бернар!

Лидия улыбнулась:

— Насколько я понимаю, под премьерой вы подразумеваете единственное представление! Но признайтесь, Мартин: игра в пьесе об убийстве вряд ли способна развлечь вас. Неужели вы не пресытились здешней жизнью? И не находите ее невыносимо скучной?

— С какой стати? — возразил он. — Я веду весьма комфортное существование. У меня есть все, что требуется: книги, музыка, мои исследования. И порой, когда возникает потребность развеяться, — поездки за границу.

— Поездки — с какой целью? Откапывать древние заплесневелые кости в какой-нибудь пустыне?

Возн откинулся на спинку стула, и его звучный голос дрогнул от неподдельного удовольствия:

— По-моему, вы прилагаете лишние усилия, пытаетесь извлечь эту устрицу из раковины. Мне нравится откапывать древние заплесневелые кости в пустынях. Это доставляет удовольствие. В любом случае кости способны поведать немало увлекательных историй. Рассказать, как выразился поэт, «о черных днях былых невзгод, о битвах прежних дней»*. О ночных разбойниках, ради обогащения готовых осквернять

* Вордсворт У. (1770—1850) Одинокая жница. (пер. И. Ивановского). — *Здесь и далее примеч. пер.*

могилы; о великих правителях, погребенных в окружении свиты и всевозможных вещей, какие им могли понадобиться в загробной жизни, — уже готовых, вложенных им в руки. Только не подумайте, дорогая моя, что я сам древнее ископаемое и меня интересуют лишь пыль и прах тысячелетней давности.

Он поднялся, подошел к окну и отдернул тяжелые бархатные шторы. В темноте, яркие, как звезды, в беспорядке осыпавшиеся с небес, виднелись огни старинных домов, разбросанные — выгоды ради, однако строителем, питающим как минимум давнее почтение к приличиям, — среди красот Далмеринга.

— Невозможно заскучать — или даже превратиться в ископаемое, — когда вокруг так много всего, что можно видеть, слышать и изучать. Взгляните: за этими освещенными окнами — живые люди. Вот, к примеру, окно Полин Конрой, раз уж мы о ней упомянули. Что она сейчас делает? Возможно, репетирует свои реплики перед зеркалом. А вон там, слева, — свет в доме, где всю неделю живет Карен Хэммонд, и по выходным появляется Филипп Хэммонд, решив отдохнуть от дел. Что-то теперь подельвает Карен? Примеряет новую шляпку, которую супруг купил ей в городе утром?

Откуда нам знать, в какие странные существа превращаются наши соседи после того, как уходят в дом и закрывают за собой двери, отгораживаясь от мира? Что думают и говорят люди за этими безобидными с виду фасадами? Нас окружают характерные атрибуты драмы — десятка два человеческих существ, и все любят, ненавидят, смеются, плачут, как те люди, некогда одушевлявшие заплесневелые древние кости, которым вы отказали в этом праве при их жизни много веков назад.

Лидия изумленно смотрела на него, слегка приоткрыв рот, захваченная его воодушевлением, хотя и заметила старания приглушить его. Прежде она никогда не видела Мартина в таком расположении духа.

— Устрицу не понадобилось выманывать долго, Мартин. Вы почти растрогались.

— Это была моя речь в защиту, — пояснил он, задергивая шторы и поворачиваясь к Лидии. — Кости — лишь часть истории. Вспомните Поупа: «На самого себя направь ты взгляд»*.

— «Всемирною загадкою представ», — подхватила она.

— На самом деле не такой уж и загадкой, дорогая моя, — произнес Мартин, и голос его прозвучал серьезно. — Все те же чувства живы и по сей день. Вы спрашивали, не скучно ли мне тут, в Далмеринге. Здесь мне еще ни разу, ни на минуту, не становилось скучно. Из всех мест, знакомых мне, Далмеринг — самое прекрасное. И вы понимаете почему, Лидия. Все это время здесь находились вы. Знаете, что я влюблен в вас?

— Да, — тихо ответила она. — Знаю. Мне жаль, Мартин...

На его лице проступило раскаяние.

— Я не хочу, чтобы вы жалели, Лидия. Я не намерен становиться «мертвецом на пиру». Просто... я ничего не смог с собой поделать. Я вообще собирался промолчать... сказать только, что считаю Фарранта везучим человеком, и надеюсь, что вы будете очень счастливы.

— Вы великодушны, Мартин.

Воэн с трудом продолжал говорить бесстрастным и ровным тоном:

— Пустое, дорогая моя. Нет ничего удивительного в том, что вы предпочли не связывать себя на всю жизнь со старым мужланом вроде меня. Я слегка пообтесался, но до сих пор способен приняться за старое в самый неподходящий момент! И я признателен за то, что вы пришли сюда сегодня, особенно потому, что вам было известно о моей безнадежной страсти.

— Она и явилась причиной моего прихода, — подтвердила Лидия, восхищаясь его стараниями говорить легким тоном и в то же время чувствуя, как щемит сердце при виде горя в его глазах, которое он скрыть не сумел.

— Надеюсь, Фаррант не возражает?

— Конечно, нет. Джералд знает, что мы давние друзья.

И потом, мне тридцать пять лет. Я старуха, а не неопытная юная девушка, чести которой грозит опасность!

* Поуп А. (1688–1744) Опыт о человеке. (пер. В. Микушевича).

Мартин Воэн взял ее правую руку в свою, широкую и мощную, и, наклонившись, поцеловал ей кончики пальцев галантным жестом, не соответствующим его массивному телосложению.

— Пока вы так же прекрасны и очаровательны, как сейчас, — сказал он, — вы ни в коем случае не стары, Лидия. — И, помолчав, добавил: — Так принято говорить в подобных случаях, но вам известно, насколько я серьезен. Если когда-нибудь я понадобится вам, если смогу сделать для вас хоть что-то, вам достаточно лишь попросить, и я приеду.

Смушение Лидии, вызванное напряжением между ними, было очевидно. Смушение, осознание опасности, которую представляет ситуация, и стремление обуздать ее, пока это еще в ее власти.

— Не буду ловить вас на слове, — шутливо произнесла она. — Не хочу вас сконфузить, когда вы встретите свою единственную.

— Я уже встретил ее! — воскликнул он, а потом, словно тоже осознав силу чувств, опасно приблизившихся к поверхности, продолжил: — Полагаю, это означает, что вы покидаете Далмеринг?

Лидия кивнула:

— Да. Джералду надо быть в Эдинбурге.

— Этого я и опасался! — с притворным смирением подхватил Мартин. — Значит, придется мне опять отправиться на поиски каких-нибудь старых костей. Одним — львы в Африке, другим — глубоководная рыбалка у берегов Флориды, а мне — кости в пустыне!

Но, видимо, усилия Воэна пропали даром, потому что Лидия не слушала его. Она нахмурилась, что было ей не свойственно.

— Раньше я думала, что вообще не захочу покидать Далмеринг, — медленно промолвила она. — А теперь радуюсь, что уезжаю. Мартин, вы ничего не замечали здесь в последнее время? Вам не кажется, что это место стало каким-то... иным?

Внимание Воэна привлекли необычно настойчивые нотки ее голоса. Он с любопытством взглянул на Лидию:

— Иным?

— Не могу объяснить. Просто нечто странное витает в атмосфере — странное и пугающее, будто все вокруг боится всех сразу и люди следят друг за другом в ожидании, когда случится что-нибудь ужасное.

— Нервы, — объяснил он. — Вы преувеличиваете: сказывается беспокойство о мелочах и перевозбуждение.

Но, похоже, эта мысль слишком укоренилась в ее голове, поэтому так легко отделаться от нее не удалось.

— Нет, это не нервы. Все уже не так, как раньше.

— Только не говорите мне, что «какая-то в Далмеринге нашем гниль»!

К огорчению Воэна, Лидия приняла его слова буквально.

— Вот именно, Мартин! Действительно гниль. Нечто уродливое, ужасное и грязное. И мне страшно. Понимаю, это звучит глупо, а с моей стороны — еще и по-женски истерично, но порой я просыпаюсь среди ночи, перепуганная и задыхающаяся, чувствуя, как некая черная сила нависает над нами и ждет подходящего случая, чтобы нанести удар.

От страха ее голос стал прерывистым, и Воэн положил широкие ладони ей на плечи.

— Успокойтесь, дорогая моя, мы никому не дадим вас в обиду! И я, признаюсь, уже начинаю винить шампанское!

Он вновь наполнил ее бокал, и Лидия приняла его со слегка пристыженной улыбкой.

— Простите, Мартин. Вот теперь «мертвецом на пиру» стала я. Наверное, всему виной перевозбуждение. Чего доброго, начну хихикать как школьница.

Не успев поднести бокал к губам, Лидия невольно вздрогнула.

— Холодно? — встрепенулся Воэн. — Сейчас включу камин.

— Нет, не холодно, — ответила она. — Просто страшно.

Лидия говорила правду: на мгновение в ее глазах мелькнул ужас. Бокал она осушила машинально, не почувствовав вкуса игристого напитка.

— Будто ледяные пальцы коснулись спины, — призналась она в попытке вернуть самообладание. — Будьте добры... можно мне еще, Мартин?

— Разумеется, дорогая моя.

Лицо Воэна стало внимательным и настороженным, он взял ее бокал и снова наполнил его. Заметил, как страх Лидии вырвался наружу. Но, несмотря на явную остроту эмоций, она вскоре успокоилась. Лидия стала прежней веселой и очаровательной собеседницей, какой Воэн знал ее. Им требовалось так много обсудить, что время утратило значение, пока Лидия не взглянула на крошечные золотые часики, поблескивающие на ее белом тонком запястье, и не ужаснулась:

— Без четверти одиннадцать! Мартин, мне пора бежать.

— Разве Золушка должна была вернуться так рано?

— Я пообещала Сандре быть к одиннадцати часам. Она ждет меня.

— О, многотерпеливая Сандра! Она станет скучать по вас, Лидия.

— Не так сильно, как я — по ней. Сандра всегда была моей феей-крестной и ангелом-хранителем в одном лице.

Воэн принес ее короткий нарядный плащ и набросил ей на плечи, лишь этим жестом выдав чувства собственника.

— Я провожу вас до дома.

— Нет, Мартин, не надо. В конце концов, следует думать в том числе и о приличиях, даже в Далмеринге. Моего прихода сюда уже достаточно, чтобы вызвать пересуды. И потом, тут всего несколько минут ходьбы; ради такой близкой прогулки не стоит утруждать вас.

Заметив, что он собирается возразить, Лидия почти умоляюще добавила:

— Прошу вас, Мартин, лишь об одном, последнем одолжении, чтобы завершить безупречный вечер.

Признавать поражение Воэну не хотелось, но это было именно поражение. Пожав плечами, он принял его, поскольку ничего иного ему не оставалось.

— Перед вашим натиском я безоружен.

— Спасибо, Мартин, — мягко произнесла она. — За сегодня и за все.

По нескольким причинам Лидия Дэр была только рада возможности одна проделать короткий обратный путь до живописного коттеджа, где жила вместе с Сандрой Борн. В голове

у нее мелькали перепутанные мысли, в которых ей хотелось как следует разобраться, пока этот хаос не свел ее с ума.

Нет, она не сомневалась, что поступает правильно, выходя замуж за Джералда Фарранта и отдав ему предпочтение перед Мартином Воэном. О том, что Воэн влюблен в нее, знала еще до того, как приняла приглашение поужинать вместе с ним. Как Лидия объяснила, она пришла в том числе и по этой причине.

Однако теперь Лидия начинала сомневаться в том, что ее поступок, порожденный смутным желанием облегчить ему участь, — нечто вроде подавленного материнского инстинкта, сыронизировала она мысленно, — можно отнести к числу мудрых. Ситуацию она недооценила. Лидия полагала, что она будет предельно простой, и справиться с ней окажется легко, а столкнулась с обилием психологических сложностей.

Мартин Воэн отнюдь не был незнакомцем. Лидия знала его так долго, что могла бы предвидеть его мысли, настроения и реакции. По крайней мере, так ей представлялось раньше. А теперь она в этом сомневалась.

Лидия поняла, что Воэн — сильная личность, и хотя его сила выглядит неявной, скрытой за фасадом мирного существования в обществе жителей небольшой деревушки, он тем не менее способен быть властным и уверенным в себе — принято считать, что именно такими женщины жаждут видеть мужчин.

Лидия вновь ощутила нечто беспокойное и тревожное, предчувствие некоей катастрофы, витающее в воздухе. Помедлив, она осмотрелась, словно стремясь обрести утешение при виде знакомой обстановки.

Была тихая и мирная ночь в начале лета. Кое-где еще мелькали огни, свидетельствующие о том, что далеко не весь Далмеринг улегся спать.

Далмеринг состоял из старой части деревни с небольшой группой коттеджей и горсткой мелких лавчонок вдоль шоссе, а также современных домов побольше, где жили в том числе временные поселенцы, отдыхающие на выходных, и дельцы из города, открывшие для себя нетронутую красоту здешних мест. В домах этих последних и горел свет. А более старый, настоящий Далмеринг, в безмятежном спокойствии простоявший на этом месте несколько веков и одинаково невозмутимо

встречающий как рождение и смерть, так и военные и природне катастрофы, был уже объят мраком и сном.

Даже луна, казалось, замечала это различие. Гряда облаков, неподвижно повисшая в небе, заслоняла лунный свет так, что если силуэты более новых домов вырисовывались отчетливо, словно указывая, что их обитатели не спешат удалиться на покой, то старая часть деревни напоминала чернильно-черную лужицу непроглядной темноты посреди этого сияния.

Похожий на вздохи шум прибоя отчетливо доносился до ушей Лидии. До моря было не более мили, и воздух, несмотря на его неподвижность, пах сыростью и солью.

Красота тоже окружала Лидию со всех сторон. Далмеринг являлся воплощением очарования, немислимой, переполняющей душу красоты Англии — пылающих закатов и серебристого моря, безлюдных вересковых пустошей и извилистых пыльных проселочных дорог, тенистых улочек, виднеющихся крыш и благоуханных живых изгородей, — красоты, которую Лидия тонко чувствовала, страдала от перехватывающей горло сладкой пытки, и все-таки не находила для нее слов.

Чтобы достичь цели, ей требовалось сначала пересечь открытое пространство — вытянутый и неровный деревенский выгон причудливой формы, вокруг которого располагались коттеджи, в том числе и дом Мартина Воэна, — затем пройти по узкой, но хорошо утоптанной тропе через рощицу ярдов двадцать-тридцать шириной и наконец выбраться на дорогу, тянувшуюся к старой части деревни и ее коттеджу.

Лидия прибавила шагу на пологом склоне, ведущем к деревянному мосту через ручей, который петлял по выгону, и через несколько минут приблизилась к рощице. Едва она вошла туда, лунный свет погас, и тени обступили ее. Первые несколько шагов Лидия проделала нерешительно, как слепая. Несмотря на то что по этой тропе она ходила множество раз, это было все равно что неприкаянно и одиноко ступать по неизвестному миру мрака. Шорох слышался совсем рядом — так близко, что напугал ее, и Лидия замерла с судорожно бьющимся сердцем.

Первой ее мыслью было, что Воэн все-таки направился следом. Лидия знала, что его не было позади, пока она шагала

через выгон, но, несмотря на то что так ему пришлось бы преодолеть большее расстояние, он легко мог двинуться в обход по дороге и попасть в рощицу раньше, чем это сделала она.

— Это вы, Мартин? Напрасно вы беспокоитесь.

Она старалась говорить легким тоном, но голос звучал неестественно, с оттенком отчаяния. И Лидия удивилась его нерешительности. В ответ не было ни звука. Ее окружала лишь неподвижность и зловещая тишина. Лидию охватил страх. Тьма немного рассеялась, но тени, отделившиеся от густой черноты, казались гротескными, уродливыми и угрожающими. Это были уже не тени знакомых и уютных вещей — они стали чуждыми, исказились, устремились к ней, протянули алчные пальцы, чтобы погубить ее.

Лидия понимала, что это обман, порожденный воображением, вышедшим из повиновения, но в эту минуту была не в состоянии мыслить логично. Сдавленно всхлипнув, она бросилась бежать.

И этим будто подала сигнал выступить против нее всем силам зла, каких втайне и так долго опасалась. Неожиданно выяснилось, что на тропе она не одна. Против собственной воли Лидия обернулась, чтобы взглянуть на этот ужас. Безумный, дьявольский ужас с ненасытными глазами на немыслимой маске демона. Невообразимый ужас, парализовавший ее тело, в который отказывался верить ее разум.

И пока Лидия смотрела, не в силах шевельнуться, все свелось к пронзительно-острой, нестерпимой боли, она прошла ее насквозь и охватила целиком. Боль стремительно пронеслась по ее нервам, достигла яростной и чудовищной кульминации, и Лидия утратила чувства. Не стало ни боли, ни страха — ничего, кроме молчания, в мягких объятиях которого она неподвижно затихла.

Глава 2

Даже в свои шестьдесят лет Мордекай Еврипид Трейейн еще сохранил часть юношеских увлечений. Одним из них были путешествия, неизменно приводившие его в восторг, несмо-

тря на то что в тех местах, где он проезжал, уже не осталось для него ненайденных сокровищ.

Другие пассажиры купе поезда, который вез его на юг от вокзала Виктория, втайне забавлялись, наблюдая, с каким энтузиазмом он изучает быстро меняющийся ландшафт. Деревни, фермы, пейзажи — его занимало решительно все, как ребенка, который впервые видит все эти чудеса.

Пассажиры забыли о традиционной для англичан сдержанности в общественном транспорте настолько, что выражали недоумение при виде его явной увлеченности, переглядываясь друг с другом. Они удивились бы гораздо сильнее, если бы узнали, что и сами попали в сферу его пристального внимания. Мордекай Тремейн развил в себе полезное умение все-сторонне и порой обескураживающе точно оценивать ближних своих так, чтобы у них не возникло ни малейшего подозрения в этой его заинтересованности.

Этот дар не свалился ему как снег на голову, а явился следствием тщательно продуманной и зачастую кропотливой стратегии, применявшейся в течение длительного времени. Подмечать так, чтобы этого никто не подметил, причем подмечать как можно точнее, стало целью, к которой Мордекай Тремейн стремился с упорством и целеустремленностью, каким позавидовал бы любой мученик.

Этому весьма оригинальному стремлению имелись, конечно, свои причины. Внутри плотской оболочки этого худощавого, безобидного с виду горожанина с седеющими волосами, в пенсне, с прискорбной и выраженной склонностью к словоохотливости обреталась личность, и черты ее резко контрастировали с заурядным и непритязательным, как шлепанцы, телом. Долгие годы, которые он провел за прилавком своего табачного магазина, торгуя сигаретами, ершиками для трубки и излюбленными у клиентов марками табака, разум Мордекая Тремейна не задерживался на этих приземленных подробностях добывания скромных средств к существованию. Его мысли следовали более мрачным, диким и бесконечно более увлекательным путем.

Убийства и Мордекай Тремейн — это сочетание выглядело неожиданно, тем не менее они являлись его хобби. Немало

вечеров после того, как был обслужен последний покупатель, он провел в уютной комнате над магазином, обсуждая очередное преступление, ужаснувшее публику, которая на словах открыто осуждала, а втайне приветствовала кровавые подробности в газете, доставленной к завтраку. То, что беседы велись с человеком, который благодаря должности судебно-медицинского эксперта в полиции был близко знаком с подробностями преступлений подобного рода, лишь усиливало удовольствие и придавало смысл рядам книг по криминологии, заполнявших книжные шкафы Тремейна.

Теперь табачный магазин остался в прошлом. Убедившись, что его накоплений хватит на скромные нужды, Мордекай Тремейн отошел от дел. Сбережения он вложил, позаботившись о максимальной доходности при минимуме беспокойства из-за переменчивого курса акций, и всерьез взялся за свое хобби.

Мордекай Тремейн был не столько отставным коммерсантом, смотревшим на мир сквозь старомодное пенсне, казалось, чудом удерживавшееся, чтобы не соскользнуть с носа, сколько проникательным криминалистом и усердным исследователем человеческой природы. Отдыха и развлечения он искал теперь не на страницах книг с убогим шрифтом после работы, а в изучении ближних своих, а также запутанных и захватывающих эмоций и страстей, какие ими управляют. А поскольку боги случая сочли уместным после отставки привлечь его к расследованию двух реальных дел об убийстве, к настоящему моменту среди друзей Тремейна были два инспектора полиции, в том числе один из самого Скотленд-Ярда, в итоге он еще больше пленился своим занятием.

Тремейн поглядывал на своих соседей по купе, вынуждая их в смущении делать вид, будто они не наблюдали за ним украдкой. В этой его манере не было ничего значительного, но когда он снова отворачивался к окну, то поглощен был не ландшафтом, а умственным упражнением, мысленной оценкой четырех человек, которых охватывал его краткий осмотр.

Это были трое мужчин и одна женщина. Последняя — средних лет, с виду жизнерадостная и, судя по набитой корзине для покупок, возвращавшаяся из поездки на рынок

в соседний город, двумя станциями далее по той же ветке, где она села в поезд. Мать семейства, воспитывающая здоровый выводок, подумал Тремейн, вероятно, жена одного из местных фермеров, которая решила дополнить разнообразной провизией деревенскую еду собственноручного приготовления.

Из мужчин двое легко поддались анализу. Один был викарием — сразу видно: его воротничок не оставлял возможности строить предположения. Второй, в опрятном костюме в тонкую полоску, чуть залоснившимся на локтях, и с полным портфелем бумаг, в чтение которых он был погружен, наверняка был городским коммерсантом. Дела повлекли его прочь из города.

Третий мужчина представлял более серьезную задачу. Этому упитанному человеку средних лет, в очках на круглом лице, одетому в хорошо скроенный, разве что слегка измятый синий костюм, полагалось бы излучать добродушие и довольство, но по какой-то причине ему это не удавалось. Вместо благополучного лоска его щекам была свойственна едва заметная обрюзглость, в их складки врезались напряженные морщины. Глаза за стеклами очков были бегающими, тревожными, словно над их хозяином навис некий неотложный вопрос, но тот стремился не столько разрешить его, сколько склониться от решения.

Мордекай Еврипид Тремейн (его имя напоминало о застрявшем в голове родителей смутном и вместе с тем страстным восхищении легендами о короле Артуре и древнегреческой литературой) уделил незнакомцу немало размышлений, но так и не был удовлетворен кристаллизацией вышеупомянутых размышлений в убедительную теорию. Он до сих пор, с сожалением признался Мордекай Тремейн себе, не достиг виртуозности Шерлока Холмса, живому уму и зоркому глазу которого понадобилось бы не более нескольких мгновений, чтобы, прибегая к шекспировской фразе, дать незнакомцу и обиталище, и имя.

Следующей была станция, где Тремейну предстояло выйти. Спустившись на перрон, он расправил плечи и сделал глубокий вдох. Тремейну уже казалось, будто он чувствует запах моря — он решил, что почует его еще до того, как покинул купе, — и хотя ему не доводилось плыть по волнам на

чем-нибудь более материальном, нежели собственное воображение, легкого присутствия морской соли в воздухе хватало, чтобы в нем разыгралась кровь.

Небольшой седан с явно внушительным пробегом, стоявший перед станцией, Тремейн узнал в то же мгновение, как узнали его самого. Он помахал рукой, приветствуя пару средних лет, несомненно мужа и жену, — которая ждала его. Пол Расселл двинулся ему навстречу и протянул руку.

— Рад видеть вас, старина! — радушно воскликнул он.

Тремейн ответил на рукопожатие, с улыбкой глядя в добрые глаза на обветренном лице давнего друга.

— Неплохо выглядите, Пол, — произнес он. — Как дела? Все ли младенцы Далмеринга теперь появляются на свет в приличное время — вместо того чтобы вытаскивать незадачливого доктора из постели среди ночи и лишать целительного сна?

Джин Расселл обошла вокруг машины, чтобы присоединиться к мужу.

— Разговоры о младенцах в общественных местах не к лицу холостяку, — с притворной строгостью заметила она. — Вижу, вы по-прежнему трудный ребенок, Мордекай, несмотря на седину!

Обширная деревенская практика и бурная волонтерская деятельность почти не оставляли Полу Расселлу и его жене места для отдыха, однако Мордекаю Тремейну посчастливилось свести с ними знакомство во время одного из редких отпусков, и с тех пор он ценил их дружбу. Терпимые и покладистые, трудолюбивые, воспринимающие близко к сердцу беды общества и делающие все ради борьбы с ними, но вместе с тем наделенные жизнерадостностью и добродушием, супруги Расселл неудержимо притягивали его. И хотя уже прошло несколько лет с тех пор, как он виделся с ними в последний раз, переписывались они регулярно.

Садясь в машину, Тремейн заметил, что Расселл приветственно кивнул кому-то из прохожих. Он обернулся и увидел, как тот приподнял шляпу, здороваясь с женой врача. Прохожим был тот самый упитанный джентльмен в синем костюме, который озадачил Тремейна в поезде.

— Местный житель? — поинтересовался он.

— И да, и нет, — ответил Расселл. — Его фамилия Шеннон. Он живет дальше, на расстоянии полумили от нас. А что? Вы с ним знакомы?

Голос врача прозвучал чуть резче, чем предполагал вопрос собеседника, но этот оттенок был настолько слабым, что Тремейн так и не понял, нужно ли придавать ему значение.

— Мы ехали с ним в одном купе от самого вокзала. Ради развлечения я пытался угадать, кто он и чем занимается.

— И как, угадали? — спросила Джин. — Если да, может, и с нами поделитесь сведениями? Говард Шеннон — одна из местных загадок.

— Судя по вашим словам, эта загадка далеко не единственная.

— Так и есть, — подтвердила она. — Население Далмеринга делится подобно Галлии, только не на три, а на две части. Есть те, кого можно было бы назвать аборигенами — люди, чьи предки жили здесь же, — и есть приезжие, которые появляются тут периодически, на выходные. Сегодня здесь, завтра уже уехали, и хотя мы привыкли видеть их, в сущности, не знаем — по крайней мере, понятия не имеем, кто они и чем зарабатывают на хлеб. Шеннон приезжает нерегулярно, когда ему вздумается. Он не чужак, но куда уезжает из деревни и чем занимается там, в других местах, мы даже не представляем.

— Послушать вас, Далмеринг — прелюбопытное место, — произнес Тремейн.

— Не исключено, — согласился Расселл все с той же странной ноткой, проскользнувшей в голосе.

Они выехали со стоянки перед станцией и покатали по озаренному солнцем шоссе, ведущему к деревне. Лето только начиналось, и пейзажи, прекрасные в этой части Суссекса во все времена года, были невероятно красивы. Зеленые поля, распространяющие благоухание; дорога в тени деревьев, с обеих сторон которой попадались рощицы, расположение которых не допускало и мысли о наличии какого-либо порядка или системы; старинные коттеджи вперемежку с современными домами, по замыслу архитектора вписывающимися в окружающую обстановку так, словно сама природа воздвигла их здесь, а не рука человека, и возле каждого буйным взры-

вом красок цвели люпины, дельфиниумы и пионы. Вся эта очарованная страна раскинулась между серебристой кромкой моря и гладкими склонами Даунса, возвышенность которого вздымалась за ней и сливалась с небесной лазурью, подернутой знойным маревом и наводящей на мысли о сонном гудении насекомых и длинных безветренных летних днях.

Как замороженный Мордекай Тремейн сидел сзади, живо вбирал всю эту сцену, словно боялся упустить хотя бы толику ее прелести, если заговорит или шевельнется, и всей своей сентиментальной и романтической душой ощущал, как поэты и художники веками стремились передать это волшебство словами или красками, чтобы хоть как-нибудь сохранить его.

Слева от дороги он увидел длинное строение из красного кирпича, с низкой соломенной крышей, возле которого стояла доска для объявлений, а на ней — приколоченная печатная афиша. Хоть доска быстро осталась позади, буквы были крупными, поэтому он успел прочитать:

ДЛЯ УБИЙСТВА ЕСТЬ МОТИВ

Пьеса в 3-х актах

Автор — Алексис Кент

— Вижу, в Далмеринге увлекаются драмой, — с улыбкой заметил он.

— Да, — подтвердил Расселл, — так и есть.

И опять в его голосе послышались те же несвойственные нотки, но развивать тему он не стал.

Через минуту они повернули, и впереди показалась деревня. Она расположилась в долине, у подножия невысокого холма, и, пока машина находилась на его гребне, Тремейн подумал, что никогда не видел более прелестной панорамы.

Легкое летнее марево придавало ей неземное очарование. Всевозможные оттенки зелени деревьев и травы, приятный рельеф выгона с вьющимся по нему ручьем и мостиком из нетесаного леса, а также полускрытыми среди деревьев коттеджами и домами побольше, — все это создавало картину какого-то зыбкого, иллюзорного очарования. Тремейну показалось, будто он видит отражение в водах пруда — еще глад-

ких, но уже не вполне, — и боится даже дышать, чтобы не потревожить зеркальную поверхность.

Машина съехала с холма на ровный участок дороги. Они пересекли безлюдное подобие площади, центр местной торговли, и через пару минут уже двигались через рощу по обе стороны от дороги, где деревья на время скрыли из виду выгон. Тремейн глубоко и прерывисто вздохнул, словно только теперь мог позволить себе это, не потревожив покоя и умиротворенности, которые казались ему почти осязаемыми.

— Изумительное место! — воскликнул он.

Врач бросил взгляд через плечо, не отвлекаясь от управления машиной.

— Вон там и обнаружили тело, — негромко сообщил он. Мордекаю Тремейну показалось, что он ослышался.

— Тело? — глуповато переспросил он.

— Да, — кивнул Расселл. — Тело Лидии Дэр. Ее нашли заколотой насмерть рано утром, на тропе через эту самую рощу, которую мы сейчас проезжаем.

Тремейн непонимающе смотрел то на доктора, то на его жену.

— Не убийство?

— Убийство, — ответила Джин Расселл так твердо, что слово прозвучало категорично и зловеще, уничтожив иллюзию безмятежности столь же бесповоротно, как стальной молот разбивает безупречно чистый лист стекла на груды острых осколков.

Она повернулась на своем сиденье маленького автомобиля лицом к Тремейну:

— Лидия была нашей подругой — близкой подругой. Вот почему мы хотим хоть что-нибудь предпринять. Поэтому не стали телеграфировать вам с просьбой не приезжать сегодня, хотя знали, что для вас это будет не отдых: ведь ясно же, что Далмеринг наводнят полиция и репортеры.

Мордекай Тремейн попытался представить страшное, зверское убийство с неизбежным шлейфом огласки и допросов, кричащих заголовков в газетах и дотошных полицейских расследований, а также с неустанным, порой отталкивающим поиском новых сведений и улик — и понял, что не в состоя-

нии увязать все это с Далмерингом. Одно и другое — диаметрально противоположные, совершенно несовместимые противоположности.

Однако было ясно, что Джин и Пол Расселл не шутят. Он знал эту семью слишком хорошо, чтобы сомневаться в их искренности. А еще ему показалось, будто он понял, о чем думала Джин Расселл, объясняя, что с умыслом не стала советовать ему отложить запланированный визит в Далмеринг.

Он ждал, не вполне уверенный, считать свою догадку верной или нет, но тут эту задачу разрешили за него.

— Вы ведь понимаете, что мы хотим вам предложить, Мордекай? — спросила Джин.

— Не совсем.

— Мы хотим, чтобы вы нашли убийцу.

Он по-прежнему осторожничал, хотя этого ответа и ожидал.

— А разве не полиция занимается такими делами? Там не любят, когда в расследование вмешиваются дилетанты.

— Вы уже не дилетант, — возразила Джин. — На этом основании не сможете отговориться — после всего хорошего, что о вас рассказал ваш друг инспектор Бойс.

Мордекай Тремейн постарался не поддаваться самодовольству, которое грозило овладеть им, и сохранить бесстрастный вид.

Инспектор Бойс из Скотленд-Ярда не имел непосредственного отношения к убийству, которое привлекло внимание общественности к деревушке Куинс-Ньюбридж на западе страны. Официально честь раскрытия этого преступления приписывалась инспектору Ричу из полиции Уэстпорта. Однако Рич, будучи честным человеком и зная, что Мордекай Еврипид Тремейн знаком с Бойсом, в частном порядке написал коллеге в Скотленд-Ярд и подробно отчитался о роли, какую Тремейн сыграл в расследовании.

— Полагаю, вы расскажете мне подробности после приезда, — произнес Тремейн. — Для меня это полная неожиданность. Похоже, об убийстве стало известно слишком поздно и в газеты оно не попало. Никаких упоминаний о нем в «Газетт» я не встречал.

К тому времени они уже почти достигли цели — одного из домов сравнительно недавней постройки, небольшого, но, подобно соседским, стоявшего посреди собственного ухоженного сада. Врач сбавил скорость, чтобы свернуть с дороги и въехать через ворота в кирпичный гараж, предусмотрительно замаскированный деревянной аркой, на которой уже начинали расцветать розы. Минувя ворота с ловкостью, несомненно порожденной большой практикой, он признательно кивнул какой-то женщине, которая остановилась, пропуская его.

Лица незнакомки Тремейн не разглядел, так как его отчасти прикрывали темные очки, но держалась она с достоинством, а ее превосходную фигуру подчеркивали простые, но не слишком строгие линии белого летнего платья. Волосы до плеч были шелковистыми и светлыми настолько, что приковывали внимание, обрамляя лицо с правильными чертами и здоровым загаром. Мордекай Тремейн, который сразу дал волю своей сентиментальности, сказал себе, что глаза у нее наверняка голубые.

Внезапно он с легким чувством вины заметил, что открыто глазееет на незнакомку, а Джин Расселл вопросительно и чуть насмешливо смотрит на него.

— Карен Хэммонд, — сообщила она, предупреждая вопрос, и лукаво добавила: — Увы, она замужем.

Они остановились у гаража, и пока Тремейн выбирался из машины, ему удалось вернуть самообладание.

— Она из постоянных жителей или из тех, кто приезжает на выходные? — спросил он небрежным тоном.

— И то и другое, — ответила Джин. — Карен проводит здесь много времени, а ее муж скорее перелетная пташка. Работа держит его в городе. Порой мы видим его в выходные, а иногда и среди недели, но его приезды непредсказуемы. Невозможно угадать, здесь он или нет.

— А чем он занимается? — поинтересовался Тремейн, и Джин улыбнулась.

— Вы же детектив, — напомнила она. — А нам известно только, что он работает где-то в городе, но толку от этих сведений мало.

Тремейн уже формулировал следующий вопрос, когда гравий на дорожке захрустел под чьими-то ногами и со стороны сада к дому кто-то приблизился.

— Привет, Пол, — раздался незнакомый голос, — я только зашла спросить Джин, нет ли... — Заметив постороннего, незнакомка осеклась. — Прошу прощения, не знала, что у вас гости.

— Ничего, Санди, — весело отозвался Расселл. — Идите сюда, побеседуем. Мы хотим, чтобы Мордекай познакомился с Далмерингом, а из всех соседей собирались представить его в первую очередь вам. Ведь вы в некотором роде здешняя достопримечательность!

Он подвел гостью к Тремейну.

— Мордекай, это Сандра Борн, одна из наших соседок. Мы зовем ее Санди, как она сама предпочитает. Санди, познакомьтесь с Мордекаем Тремейном, нашим давним другом.

Тремейн обменялся рукопожатием с миниатюрной женщиной, над которой возвышался словно башня, хотя его рост был не выше среднего. Сандре Борн было лет сорок, однако он прекрасно понимал, насколько рискованны догадки о возрасте женщины, какой бы она ни была. Считаться миловидной она ни в коем случае не могла, однако от нее исходила некая притягательная живость. Сандра Борн держалась с уверенностью деятельной, бойкой, занятой особы из числа старательных и трудолюбивых энтузиастов, берущих на себя ответственность за организацию церковных праздников, конкурсов и прочих многочисленных мероприятий сельской жизни.

Ее лоб был широким, это подчеркивали высоко поднятые над ним темные волосы, пронизанные сединой, поэтому голова казалось немного великоватой для небольшого тела. Маленький прямой нос с широкими ноздрями, большой подвижный рот, округлый, но твердый подбородок и карие глаза с еле заметным зеленоватым оттенком, который Тремейн не мог оценить из-за ее очков в роговой оправе, довершили общее впечатление, полученное им в первые моменты знакомства.

Пока их представляли друг другу, у него появилась возможность присмотреться к ней, и он увидел, что живость Сандры напускная: она старается поддерживать ее, словно считает, что этого от нее ждут, — требует от нее постоянных

усилий. Глаза оказались не такими ясными, как ему виделось поначалу: в их глубинах таились напряжение, тревога и другие эмоции, которые Тремейн не смог прочесть, а под глазами залегли тени. Когда ее заставляли врасплох, улыбка становилась принужденной, машинальной, и причина вскоре стала ему понятна.

— Санди и Лидия Дэр жили в одном коттедже, — сказал Пол Расселл.

Эти сведения он сообщил будто невзначай, с выражением, как запоздало сообразил Тремейн, нарочитого равнодушия. Сандра Борн отреагировала на его тон быстрее, чем Тремейн, и сразу перевела взгляд с нового знакомого — тихого, ничем не примечательного, в старомодном пенсне, — снова на врача.

— Он знает... про Лидию?

— Да, — подтвердил Пол Расселл.

— Мне только что рассказали, — вмешался Тремейн, к которому наконец вернулся дар речи. — Я прибыл из Лондона несколько минут назад, а перед тем, как выехал, в газетах еще ничего не было. Насколько я понимаю, мисс Дэр... была не замужем? — уточнил он у Расселла.

Тот кивнул, и Тремейн продолжил:

— Вы с мисс Дэр были близкими подругами? Для вас, наверное, случившееся стало страшным потрясением.

— Да, — негромко ответила Сандра Борн.

По ее лицу было видно, что этот разговор для нее мучителен и ей требуется напряжение сил, чтобы сохранить самообладание. Сандра повернулась к Джин, словно искала у нее поддержки:

— К сожалению, мне уже пора. Слишком... много дел предстоит.

— Мы понимаем, — тихо промолвила Джин Расселл. — Если чем-нибудь можем помочь — дайте знать, не стесняйтесь.

— Это приказ, Санди, — подхватил ее муж.

Глаза Сандры Борн увлажнились.

— Какие вы замечательные! — воскликнула она.

Ее голос дрогнул. Внезапно Сандра повернулась и направилась прочь по садовой дорожке, словно опасаясь, что если промедлит лишнюю секунду, то ее эмоции выйдут из-под кон-

троля. Чувствуя на себе взгляды, она распрямила плечи и приготовилась смело выдержать встречу с миром.

— Пожалуй, — задумчиво произнес Мордекай Тремейн, — я хотел бы узнать всю эту историю.

Джин Расселл многозначительно переглянулась с мужем.

— Я пока приготовлю чай, — сказала она, — а вы поговорите наедине.

Доктор провел гостя в прохладную гостиную, которую полуопущенные жалюзи защищали от солнечных лучей и преобразовали слепящий свет в приятные сумерки, и усадил в удобный шезлонг.

— Постараюсь излагать факты так беспристрастно, как только смогу, — пообещал он, садясь напротив Тремейна. — Я был знаком с Лидией, и меня вызвали первым, когда нашли ее этим утром. Прошу принять это во внимание, если моя горячность покажется вам чрезмерной.

— Не сдерживайте себя, Пол, — попросил Тремейн, — и не бойтесь рассказать обо всем, что знаете и чувствуете.

Его собеседник кивнул, но рассказ начал не сразу. На его лице отразилась нерешительность.

— Мы ведь знали, что вы приедете, — запинаясь, заговорил он, — и мы оба, Джин и я, весь день с нетерпением ждали возможности побеседовать с вами. А теперь, когда вы здесь, я не знаю, с чего начать.

— Попробуйте с самого начала. Убийства начинаются гораздо раньше, чем собственно преступление, — по крайней мере, это справедливо для большинства случаев. Долго Лидия Дэр прожила в Далмеринге?

— Лет восемь-девять. Ее родные из Йоркшира — обычно она ездила туда в гости несколько раз в год.

— Значит, Лидия из старожилов? Большинство домов в округе выглядят так, будто построены сравнительно недавно.

— Полагаю, да. Она жила в доме, который можно назвать самым старым из всех новых домов. Коттедж, ее и Санди, возвели до того, как началась основная застройка. Дома построили лет шесть назад, в рамках коммерческой программы некой частной компании.

Определившись с исходной точкой повествования, доктор продолжил рассказ, а Мордекай Тремейн, время от времени задавая вопросы, внимательно слушал все, что Пол Расселл мог сообщить ему о Лидии Дэр: о ее образе жизни и о том, как прошли ее последние часы, — и постепенно наполнялся уверенностью, что с помощью полиции или независимо от нее должен сделать все, чтобы найти убийцу, жестокая рука и извращенный разум которого стали причиной ужаса, охватившего Лидию Дэр во тьме на безлюдной тропе, поскольку это убийство казалось настолько же беспричинным, насколько и отвратительным, бессмысленным и злодейским.

Возможно, Тремейн даже сам этого не сознавал, но решающую роль для него сыграл факт, что Лидия Дэр была помолвлена и ее убили накануне свадьбы. Склонный к сентиментальности, он и негодовал, и ужасался.

Мордекай Тремейн, холостяк, неизменно вставал на сторону романтики. Он был преданным другом влюбленных. Одним из самых больших удовольствий считал чтение чересчур цветистой, но вместе с тем отраднo идеалистической прозы из очередного выпуска «Романтических историй». Данной привычкой Тремейн не раз навлекал на себя подозрения циничных горничных, находивших экземпляры этого журнала у него в комнате, однако не собирался стыдиться своего романтизма.

Удар, нанесенный по счастью влюбленных, возмутил Тремейна, пробудил глубоко укоренившийся, затаенный рыцарский дух Галахада, живущий в нем. Слушая, как безжалостно и стремительно были уничтожены надежды, ярко пылающие в сердцах Лидии Дэр и человека, за которого она собиралась замуж, и как стылый мрак савана беспощадно вытеснил уютное тепло подвенечного платья, он понял, что разозлился не на шутку.

Тремейн даже не заметил, как выпил чай, который Джин принесла им. Машинальным жестом он поставил чашку на сервировочный столик и перевел взгляд на хозяйку дома:

— Джин, вы не будете возражать, если я на полчаса выйду? Хотелось бы осмотреться.

— Разумеется, нет. А может, и Пол пойдет с вами?

— Нет-нет, не беспокойтесь! — Он повернулся к доктору. — Вам, наверное, вскоре предстоит прием пациентов, а я не прочь немного прогуляться в одиночестве. И заодно навести порядок у себя в голове.

Тремейн вышел из калитки и направился по дороге в сторону деревни и рощи, где было найдено тело убитой Лидии Дэр. Он шагал как человек, разум которого не затуманен сомнениями, но его друзья удивились бы, узнав, что четкого плана действий у него нет. А имеется лишь смутное намерение в качестве отправной точки увидеть место, где было совершено преступление.

Тремейн прошагал ярдов двести, прежде чем тревожная мысль возникла у него в голове и произвела столь же отрезвляющий эффект, как погружение в холодную воду.

Тремейн невольно остановился. Произошло убийство. Он направлялся обследовать место преступления. Полиция, разумеется, промолчит. Она преспокойно позволит постороннему в этой деревне человеку, заплутавшему гостю, не облеченному никакими полномочиями, осмотреть то самое место, помеченное крестом, и ни слова ему не скажет.

Или нет?

Мордекай Тремейн укоризненно и скорбно покачал головой, раскаиваясь и жалея самого себя. Несмотря на все свои знания и опыт, он повел себя как дилетант и в бездумных блужданиях чуть не попал в беду.

Шаг, которым он продолжил путь, был уже не столь бодрым. Холод сомнений начал парализовывать его мозг. Да, он действительно участвовал в расследовании двух убийств. Да, этим ему удалось снискать (по крайней мере, у него имелись основания полагать это) уважение и местного констебля, инспектора Рича из Уэстпорта, и инспектора Бойса из Скотленд-Ярда.

Да, дружба с сотрудником Скотленд-Ярда продолжалась — и в переписке, и во время редких встреч — с тех самых пор, как первое дело с его участием было раскрыто; благодаря этому делу он и познакомился с Бойсом. Да, инспектор Рич со своей стороны так оценил Мордекаю Тремейна, что взял на себя труд написать Бойсу и воспеть Тремейну хвалу.

Но это еще не делало Тремейна своим в кругу полицейских Великобритании. И открывало перед ним далеко не все официальные двери. Это не означало, что он вправе считать себя уполномоченным вести любые расследования, какие вздумается.

Вдобавок, несмотря на предположения, что инспектор Бойс снова обратится к нему за советом, здесь его ходатайство было бы бесполезным. Распоряжения Скотленд-Ярда в Далмеринге не действовали — по крайней мере, до тех пор, пока местная полиция не попросит о помощи.

Рошица располагалась между домом, где жили Расселлы, и деревней, и через несколько минут Тремейн поравнялся с ней. За деревянной калиткой, выходявшей на дорогу, начиналась тропа, петлявшая между деревьями. Вокруг не было ни души. За время, которое потребовалось, чтобы дойти от дома до роши, он никого не встретил. Деревня словно обезлюдела. Тремейн удивился и понял, что подсознательно ожидал увидеть место преступления оцепленным кордоном дюжих и несговорчивых полицейских.

Он бросил взгляд поверх калитки. Тропа, ведущая мимо ясеня, вяза и орешника, через пять-шесть ярдов делала крутой поворот вправо и становилась невидимой с дороги. Само безлюдие этих мест выглядело заманчиво. Мордекай Тремейн поймал себя на нестерпимом желании войти в калитку и выяснить, куда ведет тропа. Захваченный новыми бурными эмоциями, он почувствовал, как его нерешительность исчезла. И потянулся к деревянной щеколде.

Неожиданно он услышал покашливание — предостерегающее, официальное, преднамеренное. И заметил среди деревьев и папоротников пару ботинок, попиравших землю с властной основательностью. Начиная от ботинок, его удивленный взгляд пропутешествовал вверх по серым саржевым брюкам, затем выше и наконец достиг лица их владельца. Где и застыл неподвижно. Рот Тремейна недоверчиво приоткрылся. На него смотрел, словно вызванный его мыслями из пространства и времени, коренастый и круглоголовый инспектор Бойс из Скотленд-Ярда!

Глава 3

Еще несколько мгновений Бойс стоял неподвижно, внимательные глаза на его бесстрастном официальном лице были непроницаемыми. А потом он спросил:

— Так вы человек или вурдалак?

И пока Мордекай Тремейн глазел на него молча, не понимая, с кем имеет дело — с другом или с врагом, — инспектор добавил:

— Надо бы дать вам прозвище «магнит для убийств». — В голосе Бойса прозвучала горечь. — Вы, похоже, притягиваете преступления. Стоит где-нибудь произойти убийству, как оказывается, что вы либо нашли труп, либо очутились поблизости. Как вам это удается? Я служу в полиции двадцать лет, и за все это время ни разу не обнаружил труп и даже не жил по соседству с убийцей.

— Я только что приехал, — оправдываясь, произнес Тремейн. — Когда все произошло, я находился в Лондоне. Убийство совершилось задолго до моего приезда.

— Полагаю, вы получили телепатическое известие, что где-то в этих краях совершено убийство, потому и явились сюда, как почтовый голубь?

Тремейн уже оправился от шока и перешел в наступление.

— А кстати, что здесь делаете вы? — спросил он. — Я думал, Скотленд-Ярд не занимается подобными делами без официальной просьбы о содействии.

— Вот она и поступила, — негромко ответил Бойс.

Огромный камень свалился с души Мордекая Тремейна и увлек за собой в бездну былые тревоги.

— То есть, — уточнил он, — вы здесь главный?

Ликование в его голосе было настолько явным, что на лице инспектора Скотленд-Ярда отразилась подозрительность.

— Допустим, я, — настороженно подтвердил он. — И что это нам дает?

— Хотите сказать, что это дает мне? Я намерен помочь вам найти того, кто убил Лидию Дэр.

— Что вам известно о ней?

— Ее убили в нескольких шагах от места, где мы сейчас стоим. Орудие убийства было острым, с лезвием длиной девять-десять дюймов, но его до сих пор не нашли. Смерть наступила мгновенно, это произошло вчера до полуночи. Человеком, который последним видел ее живой, был Мартин Воэн. Его дом находится минутах в десяти ходьбы отсюда. У нее не было явных врагов. Полиция, кажется, в затруднительном положении.

Инспектор нахмурился:

— Откуда вы все это узнали?

— От врача, которого вызвали на освидетельствование, — сообщил Тремейн, с предельной точностью бросая бомбу в самое уязвимое место официальной брони инспектора.

— Какого дьявола! — Бойс шагнул вперед и теперь стоял лицом к лицу с собеседником, по другую сторону калитки. — Ну и задам же я трепку этому разговорчивому болвану! Он что, уже всей деревне это разболтал?

— Не думаю, — кротко отозвался Тремейн. — И считаю, что вы вряд ли решите задать ему трепку, когда я объясню, почему он поделился сведениями со мной. Доктор Расселл — мой друг, я остановился у него. Он рассказал мне о том, что ему известно, поскольку знает, как меня интересуют подробности такого рода.

— Неслыханно, — проворчал Бойс, но было уже ясно, что он смягчился.

Будь Мордекай Тремейн самым обычным гостем Далмеринга, усмирить гнев инспектора ему бы не удалось. Однако Бойс просто не мог подолгу злиться на бывшего хозяина табачного магазина, который выглядел таким безобидным и вместе с тем демонстрировал хватку чистокровного бульдога. Кроме того, Тремейн не был заурядным и патологически назойливым любителем совать нос не в свое дело — из тех, что лишь путаются под ногами и создают помехи, — его увлеченность расследованием преступлений была почти профессиональной. Вдобавок, с оттенком иронии напомнил себе Бойс, Тремейну свойственна пронизательность, когда речь идет о разгадке тайны убийств.

Из всего этого следовало, что, несмотря на прохладный прием, в сердце Бойса был отведен теплый уголок для Мордекай Еврипида Тремейна, и его способности инспектор по-прежнему ценит высоко.

— Полагаю, — усмехнувшись, добавил он, — теперь вы ждете, что и я расскажу вам все, что мне известно?

Намеренно пропустив мимо ушей сарказм, Тремейн сделал вид, будто принял вопрос буквально.

— Знаете, — беззлобно начал он, — наша откровенность друг с другом пойдет на пользу делу. Мы оба хотим докопаться до истины: вы — потому что в этом состоит ваша работа; я — потому что желаю помочь друзьям. Они любили Лидию Дэр, а с ней случилась страшная трагедия. Она ведь собиралась замуж.

Бойс прекрасно знал, что его друг неисправимый романтик. Он устремил на Тремейна пронизательный и понимающий взгляд.

— Это и вывело вас из себя?

Мгновение Мордекай Тремейн оценивал свои позиции. И наконец решил, что сейчас он на нейтральной территории.

— Вряд ли у вас есть время на сбор сведений, — задумчиво произнес он. — А я мог бы сообщить вам что-нибудь полезное. Пол Расселл представил мне исчерпывающий отчет о том, что произошло. Пол прожил здесь несколько лет, а поскольку он местный врач, мало что найдется в окрестностях, чего бы он не знал.

— Вам незачем двигаться окольными путями. Хоть это и вопиющее нарушение правил и я болван, если поступаю таким образом, я намерен разрешить вам приложить к следствию руку и осмотреться здесь, если хотите. Только, ради всего святого, будьте осторожны. Не допустите, чтобы кто-нибудь из местных жителей заподозрил, будто я оказываю вам содействие или поощряю вас, иначе меня ждет выговор от начальника, а в Скотленд-Ярд отправятся полные яда послания о том, что я позволил лицу, не обладающему полномочиями, вмешаться в дела полиции.

— Благодарю вас, Джонатан, — произнес Тремейн. Он назвал инспектора по имени, и это означало, что, по его мне-

нию, все сомнения рассеялись. — Вы же знаете, что можете рассчитывать на мою осторожность. Я понимаю, в каком вы сложном положении.

И, осмелев от вновь обретенного чувства уверенности, Тремейн сразу перешел к вопросу, который не давал ему покоя:

— Вот вы обвинили меня в том, что убийства притягивают меня как магнит, а как получилось, что вы приехали сюда настолько быстро? Если не ошибаюсь, об убийстве стало известно не раньше сегодняшнего утра.

— Да, — подтвердил Бойс. — Но у майора Реннолдса, местного начальника полиции, тонкое чутье. Он позвонил в Скотленд-Ярд сразу же, не дожидаясь, пока остынет след и дело безнадежно запутается.

— Хотите сказать, ему не понадобилось много времени, чтобы прийти к выводу, что его люди столкнулись с задачей, с какой вряд ли справятся?

— Не совсем так. Это место, как вам уже известно, — начал объяснять инспектор, невольно отреагировав на колкость, — примечательно тем, что здешнее население может считаться оседлым лишь отчасти и проводит значительную часть времени в Лондоне, где его удерживают дела. И поскольку среди друзей Лидии Дэр немало тех, кто принадлежит к лондонской «колонии», майор Реннолдс решил, что в расследовании ему так или иначе понадобится содействие Скотленд-Ярда. И сразу позвонил нам.

— Весьма разумное решение, — одобрил Тремейн и после паузы добавил: — Нельзя ли мне пройти вместе с вами по этой тропе?

— А вы, смотрю, времени даром не теряете, — проворчал Бойс, но его глаза блеснули, и он открыл калитку, пропуская своего собеседника.

Инспектор первым направился по узкой тропе к месту на расстоянии полдюжины ярдов от ее поворота под прямым углом. Тут было тихо, свежо и деревья росли так густо, что ни один выход из рощи не был виден.

Тремейн вопросительно взглянул на инспектора.

— Здесь?

— Да, — подтвердил Бойс. — Если быть точным — вот здесь.

Он указал на место сбоку от тропы, где, судя по сломанным папоротникам, что-то лежало. Тремейн с любопытством осмотрелся.

— Вы, разумеется, уже прочесали всю округу. Нашли что-нибудь?

— Довольно мало, — ответил инспектор. — Тот, кто совершил это, наверное, ждал за кустом, когда жертва поравняется с ним. — Он указал на кусты ежевики у края тропы. — Там валялся окурок, точнее, наполовину выкуренная сигарета. Ее сдавили пальцами так, словно тушили в спешке, не успев докурить, а не сплющили, погасив о какую-нибудь плоскую поверхность или об землю.

— Следы ног есть?

— Земля слишком твердая, чтобы на ней что-нибудь осталось. Но пару следов мы все-таки обнаружили. — Инспектор отвел в сторону раскидистые ветки ежевики. — Вон там пяточок мягкой почвы — в ней дольше застаивается вода, — и на ней видны два отпечатка каблука. Не бог весть, но хоть что-то.

Тремейн наклонился, чтобы рассмотреть едва заметные на земле углубления. Клочок сырой земли примерно в фут шириной находился за кустом, на нем можно было различить отпечатки пары каблуков — более глубокие сзади, чем спереди, — и никаких следов от подошв.

— Похоже, их оставил мужчина, — произнес Тремейн, выпрямляясь. Взмахом руки он обвел ближайшие окрестности. — Судя по виду этого места, все закончилось очень быстро. Следов борьбы нет.

— У нее не было никаких шансов оказать сопротивление, — объяснил Бойс. — Кем бы ни был убийца, он застал ее врасплох и нанес удар до того, как она успела понять, что происходит.

Тремейн посмотрел по сторонам, взгляделся в деревья, растущие у тропы по обе стороны от места, где он стоял.

— А я думал, что увижу здесь повсюду полицейских. Разве тропу не закрыли для публики?

— Временно — да, — кивнул Бойс. — Хотя мы уже сделали все необходимые снимки и замеры. Одного полицейского

я оставил там, где тропа выходит на выгон. А второго — возле калитки, но сейчас я отпустил его выпить чаю. По сути дела, подменил его.

— Ясно. Так вот почему вы стояли там, когда я подошел! Вы смотрели, не попробует ли кто-нибудь пройти по этой тропе, но так, чтобы он вас не заметил до того момента, как его намерения станут явными.

— Так и было задумано. Вести уже разнеслись по деревне, и, конечно, всем известно, что мы здесь, но всегда есть надежда выяснить что-нибудь еще. К счастью для вас, здесь оказался я, — добавил он. — Иначе вам было бы не избежать допроса с пристрастием от Ньюленда, того малого, который стоял тут на страже, и он отправил бы вас восвояси.

— Я родился под счастливой звездой, — беспечно отозвался Мордекай Трмейн.

Он извлек из глубин жилетного кармана старомодные карманные часы и открыл их.

— Мне пора обратно. Я обещал отсутствовать не более получаса. — Трмейн вернул часы на место и вопросительно взглянул на своего спутника. — Вы остаетесь в деревне, Джонатан?

— Да. Я снял номер в «Адмирале». В пабе, дальше по дороге. Только не приходите туда и не спрашивайте меня, — предостерегающе добавил он. — Во-первых, нам лучше не показываться вместе, чтобы местные не подняли шум, а во-вторых, у вас будет больше шансов что-нибудь выяснить, если никто не заподозрит в вас моего друга. Люди охотнее поделаются с вами сплетнями, если будут считать, что вы не передадите их мне.

— Значит, мне предстоит стать вашим наперсником, — промолвил Трмейн. — Ладно, «Баркис согласен»*. Буду держать ухо востро. Но, разумеется, не задаром.

— Не беспокойтесь. Какой бы оборот ни приняло дело, вы о нем узнаете. Однако нам понадобится место для встреч. Есть предложения?

Трмейн задумался, а потом вспомнил здание из красного кирпича у самой окраины деревни, возле которого видел афишу постановки. Он описал это место Бойсу, и тот кивнул.

* Диккенс Ч. (1812–1870) Дэвид Копперфилд.

— Я знаю его, это деревенский клуб. Встретимся там в одиннадцать часов. И обменяемся мнениями. А теперь мне нужно убедиться, что путь свободен.

Инспектор направился в обратный путь по тропе в сторону дороги. Тремейн следовал за ним на расстоянии, и правильно делал, потому что смог скрыться из виду за деревьями по поспешному сигналу Бойса, который умышленным шумом заглушил звуки его поспешного бегства.

Причина, по которой Тремейну пришлось затаиться, вскоре стала очевидна. Раздался чей-то голос. Высокомерный, с грубоватыми нотками.

— Это вы — приезжий из Скотленд-Ярда?

— Да, я из Скотленд-Ярда, — спокойно подтвердил Бойс.

— Отлично. Я слышал, что вы здесь. Моя фамилия Воэн.

Человек замолчал, словно рассчитывал на некую реакцию. Если он и вправду ждал, то его постигло разочарование. Бойс не произнес больше ни слова. Тремейн осторожно выглянул из-за деревьев и подлеска. Инспектор стоял у калитки, лицом к человеку, который обратился к нему. К счастью, все внимание мужчины было устремлено на детектива, в сторону Тремейна он даже не смотрел, и тот воспользовался этой возможностью, чтобы изучить его. Как последнему, кто видел Лидию Дэр живой, Мартину Воэну явно было суждено сыграть важную роль в этом деле. Следовательно, он заслуживал пристального внимания.

Пол Расселл довольно точно описал его — мужчину средних лет, могучего сложения, выше среднего роста, способного, если пожелает, оказаться крепким орешком. К этой весьма неопределенной детали Тремейн присовокупил мощную челюсть — признак сильного и решительного характера, прямой нос, придающий лицу оттенок жестокости, а под широкими густыми бровями — темные глаза, испытующе смотрящие на Джонатана Бойса.

— Я Воэн, — повторил рослый мужчина, словно решив, что инспектор не отреагировал на это заявление в первый раз лишь потому, что не услышал его. — Я был последним, кто видел мисс Дэр живой.

— Я так и понял, — спокойно отозвался инспектор.

— И это все? — Вопрос прозвучал резко. — Разве вы не собираетесь допросить меня?

Бойс слегка оживился и ответил с легким оттенком иронии:

— Всему свое время, мистер Воэн. Мы стараемся делать все по порядку.

— А мне казалось, — возразил его собеседник так, словно ровный тон давался ему с трудом, — что в этом случае вам следовало бы сначала допросить меня, чтобы сузить круг обстоятельств данного преступления.

— Мы ничего не упустили и не проглядели, — заверил Бойс. — Мы сознаем, что ваши показания могут оказаться важными, и намерены задать вам ряд вопросов, но позднее.

Крупная фигура Мартина Воэна метнулась к калитке, одним плавным движением, словно волна, преодолев расстояние.

— Разрази меня гром, приятель! Вы что, не понимаете? Убили женщину! И ее убийца разгуливает где-то, свободный, как вы и я, хранит свою страшную тайну и смеется над нами, а вы стоите здесь так, словно время ничего не значит, и ни черта не делаете!

А потом буря стихла. присутствующие увидели, как он с трудом берет себя в руки, как сильные пальцы сжимаются на планках калитки. Воэн посмотрел Бойсу в лицо:

— Простите, инспектор... Вы ведь инспектор, да? Боюсь, я немного не в себе. В шоке, ведь мы ужинали с ней прошлым вечером... — Он сделал глубокий вдох, словно стараясь привести себя в равновесие. — Вы уже выяснили что-нибудь?

— Это моя работа, — ответил Бойс, — искать и выяснять.

Воэн взглянул на тропу через рощу и снова настороженно уставился в лицо инспектору.

— Если я вам понадобится, — произнес он, — вы, наверное, уже знаете, где меня найти. Я живу в «Хоум-лодже», за выгоном.

— Да, знаю, — кивнул Бойс.

Воэн продолжал стоять, глядя на него, словно не решаясь высказать, что у него на уме. Потом добавил:

— Здесь, в Далмеринге, скрывается какое-то зло. Внешне все мирно, чудесно и обычно, но если копнуть, гниль, гной

и скверна. Там смердят силы тьмы и зла. И Лидия это понимала. Она пыталась объяснить мне, но я не слушал. Господи, если бы только я поверил ей! Если бы настоял на своем и проводил, когда она сказала, что предпочитает пройти одна!

Воэн подался вперед. Голос звучал сравнительно ровно, но взгляд был диким.

— А теперь уже слишком поздно, инспектор. Нельзя перевести часы назад и снова прожить вчерашний день. Зато можно выяснить, кто ее убил. Найти его, взять обеими руками за горло, — сильные пальцы Воэна начали сжиматься, — и услышать, как он молит о пощаде, увидеть, как мерзкие глаза преступника наливаются страхом, как выкатываются из орбит, когда он понимает, что его лишают жизни!

Бойс стоял не шелохнувшись. Его лицо осталось бесстрастным.

— Вынужден напомнить, мистер Воэн, — негромко произнес инспектор, — что у закона есть свои способы решать подобные вопросы.

Мартин Воэн отпрянул и засмеялся. Этот странный, чуть язвительный звук исходил откуда-то из глубины.

— Разумеется, — согласился он. — Я только хотел сказать, инспектор, что вы можете рассчитывать на мою помощь во всем. И я буду рад любой возможностью помочь вам. Но вы наверняка заняты, а я отнимаю у вас время. Простите меня за недавнюю вспышку.

— Извиняться незачем, — ответил Бойс. — Я понимаю, каково вам сейчас.

— Правда?

Вопрос прозвучал совсем тихо. Воэн искоса бросил на инспектора взгляд, кивнул и направился прочь. Бойс смотрел ему вслед, пока не решил, что его недавний собеседник покинул пределы слышимости, а потом обернулся и поискал Мордекаю Трмейна.

— Ну и как вам наш мистер Воэн?

— Даже не знаю... — задумчиво ответил Трмейн. — Безумно зол — или умен?

— Не надо, — терпеливо попросил Бойс, — не изображайте таинственного и великого детектива. Просто объясните, что вы имеете в виду.

Лицо Мордекая Тремейна стало виноватым.

— Я хочу сказать, что вам, похоже, предстоит получить много предложений помощи. Сначала — от меня, теперь вот — от Мартина Воэна. Что касается меня, то это объяснить легко, — скромно добавил он. — А вот почему Воэн?

— Ну, вы-то опытный, неординарно мыслящий следователь, — усмехнулся Бойс. — Итак, почему же?

— Возможно, потому, что он зол. И одержим единственной мыслью — найти убийцу Лидии Дэр и отомстить за ее смерть. Потому и предложил помощь, что рассчитывает через вас выяснить хоть что-нибудь, желая скорее достичь этой цели. Или же все дело в том, что Воэн умен. И он сам убил Лидию Дэр. Потому и стремится быть в курсе вашего расследования, чтобы подстраховаться.

— Иными словами, вы полагаете, что прямо сейчас он ломал комедию? — Бойс покачал головой. — Вы намного опережаете меня, Мордекай. Я лишь полицейский. И вынужден придерживаться фактов. Я не могу позволить себе фантазировать. Но в этом вашем предположении, что Воэн безумно зол, что-то есть. Он ведь археолог, провел много времени на раскопках, написал книги о том, каким был мир тысячи лет назад. Такой человек, зарывшийся в прошлое, вполне может быть одержим странными и жестокими идеями — о мести, человеческих жертвах и так далее. Например, разговоры насчет сил тьмы не похожи на рассуждения психически здорового человека.

— Вот-вот, — подхватил Мордекай Тремейн, хотя его ответ мог означать что угодно.

Бойс хмурился и раздраженно ворошил мыском ботинка папоротники.

— Но где же мотив? — спросил он. — По какой причине Воэн либо убил Лидию Дэр, либо страстно желает отомстить за ее убийство? Знаете, Мордекай, — продолжил инспектор в неожиданном приступе откровенности, — чего я всегда больше

всего опасался? С незапамятных времен я боялся когда-нибудь столкнуться с преступлением без мотива. Боялся, что мне поручат расследование, за которым не кроется никаких причин, что-нибудь совершенно бессмысленное, что поставит меня в тупик. И у меня такое чувство, что это оно.

Мордекай Тремейн внимательно посмотрел на дорогу сначала в одну сторону, затем в другую. Путь был свободен. Он открыл калитку и вышел.

— Вы впадаете в меланхолию, Джонатан. А все потому, что дело только началось и вы пока не нашли, за что можно зацепиться. Это же убийство. А для убийства, — нравоучительно заключил он, — всегда есть мотив.

Глава 4

Мордекай Тремейн ловко держался в тени. Как только неизбежные церемонии знакомства завершились, он мало-помалу вышел из разговора, и собственные действия в сочетании с тем, что помыслы его собеседников занимал один и тот же предмет, обеспечили ему именно то положение, к которому он и стремился, — незаметного наблюдателя.

Местом действия являлась гостиная в «Стране роз» — такое красивое название дали супруги Расселл своему живописному, манящему уютом дому. Восемь человек расположились в этой комнате, пристроившись на подлокотниках кресел с удобством, легкостью и непринужденностью близких знакомых. Было ясно, что Джин и Пол Расселл привыкли держать двери дома открытыми и «Страна роз» служит неофициальным центром светской жизни Далмеринга.

На первый взгляд казалось, будто это просто дружеская встреча. Но Мордекаю Тремейну не понадобилось много времени, чтобы заметить: под внешним спокойствием атмосфера опасно насыщена электричеством. Корочка, покрывающая отношения между этими людьми, болтающими так непринужденно, была опасно ломкой. Порой она трескалась, открывая безобразную смесь страха и недоверия, бурлившую под ней.

Причина крылась в единственном зловещем слове: «убийство». Все эти люди знали Лидию Дэр. В той или иной степени жизнь присутствующих была связана с ее жизнью. Теперь она мертва, а ее убийца разгуливал, никем не обнаруженный, и, вероятно, находился среди них, поэтому в любом общении с соседями преобладало подозрение. Виновные и невинные, осознанно или подсознательно, они держались друг с другом настороженно, напряженно ждали, что в случайно брошенном слове прозвучит мрачный смысл, спешили уловить пагубное значение в, казалось бы, ничем не примечательной фразе.

Женщины, как отметил Мордекай Тремейн, здесь составляли большинство. Помимо него самого и Пола Расселла среди собравшихся находился только один мужчина — Расселл представил его как Джеффри Маннинга. По мнению Тремейна, ему было лет двадцать пять; грубые черты и широкая кость этого молодого человека с тихим голосом не давали никаких оснований назвать его красавцем, однако он располагал к себе искренней улыбкой.

Бесспорно, на нем сказывалось то же напряжение, которое охватило присутствующих, но, несмотря на это, его обаятельная улыбка на время рассеивала ощущение натянутости, и разговор велся свободнее, не так скованно, как раньше. Мордекаю Тремейну всегда импонировала молодость, и он сразу проникся к Маннингу симпатией. Ему пришлось напомнить себе: со стороны следователя, занятого поисками истины, неблагоприятно строить суждения, полагаясь на первое впечатление и личные предпочтения.

Та же самодисциплина потребовалась ему в отношении к девушке, сидящей на подлокотнике кресла, к которой пристроился Маннинг. Филлис Голуэй, привлекательная брюнетка, обладала внешностью того типа — как правило, неудачно называемого «свежей и неиспорченной», — жертвой какого был склонен пасть Мордекай Тремейн. Слишком уж близка она оказалась к очаровательному, бережно хранимому в сердце идеальному образу дочери, которую он хотел бы иметь.

Сейчас Филлис Голуэй хмурилась, но это не портило ее внешности. Мордекай Тремейн думал, что она просто прелесть.

— Это трудно, — с сомнением произнесла Филлис, — решить, как лучше поступить. А вы как думаете, Полин?

Вопрос был адресован женщине, сидящей напротив нее. Тремейн ловил себя на том, что слишком уж часто поглядывает на Полин Конрой. Если красота Филлис Голуэй была типичной для пылкой и благоуханной молодости, то внешняя привлекательность Полин Конрой принадлежала к виду, который наилучшим образом описывает избитое слово «эффектная».

В ней чувствуется, решил Мордекай Тремейн, нечто большее, нежели просто жизнь. Бесспорно, она красива, но ее красота чуть более очевидна, чем подразумевает хороший вкус. Темные волосы, подвитые на концах, едва достающие до изящных плеч и при каждом повороте головы открывающие стройную шею, были жгуче черными. Безупречная кожа, яркие живые глаза, затененные длинными ресницами, способными трепетать, вызывая неизъяснимое волнение, полные алые губы, обнажавшие в улыбке ровные белые зубы, напомнили Мордекаю Тремейну глянцевого снимок в журнале о кино.

«Фотогеничная». Это слово вспыхнуло у него в памяти словно по щелчку затвора фотоаппарата. Она Голливуд со всеми его атрибутами: томная грация на фоне бархатной роскоши.

Неудивительно, что она производит такое впечатление. Полин Конрой — актриса, но пока не звезда; еще не ослепительное светило на небосводе, сияние которого притягивает к билетным кассам восхищенные толпы, но обладающая амбициями и снedaемая желанием взобраться по крутым склонам к обиталищу ангелов.

А это означало, что Полин Конрой постоянно работает на публику — точнее, непрестанно переигрывает, чтобы привлечь к себе внимание. Ей приходилось щедро расточать свои таланты, пока не получившие признания. Она не могла позволить себе скромно прятать за темными очками и псевдонимом успех в размере миллиона долларов.

На вопрос Филлис Голуэй она ответила не сразу. Тремейн не понял, было ли ее замешательство отчасти позой или объяснялось тем, что она и вправду затруднилась, облекая ответ в слова.

— Полагаю, с постановкой мы должны продолжить, — медленно промолвила Полин. — Ведь это наш долг перед зрителями. Мне кажется, именно этого хотела бы от нас Лидия.

Она замолчала и огляделась. Держалась Полин немного виновато, будто чувствовала, что выразилась шаблонно, слишком строго следуя репликам своей роли, придерживаясь традиции.

Мордекай Тремейн услышал достаточно, чтобы понять, о чем идет речь. Перед его мысленным взором возникла доска объявлений, которую он видел возле строения, названного Джонатаном Бойсом деревенским клубом. Пьесу «Для убийства есть мотив», указанную на афише, ставила «колония» Далмеринга в пользу местных благотворительных организаций — сиротского приюта на окраине Кингсхэмптона и приморского курорта на расстоянии пяти миль от деревни. Постановку широко рекламировали в округе, представление должно было состояться через две недели. Вопрос заключался в том, следует ли ее отложить — или даже отменить — в связи с тем, что вся деревня потрясена убийством.

Лидия Дэр не играла в пьесе, а выполняла обязанности помощника режиссера и брала на себя львиную долю неизбежной закулисной работы. Ее смерть в любом случае повергла бы в ужас труппу, а поскольку она свершилась жестоким и страшным образом, ее воздействие ощущалось вдвойне.

После того как Полин Конрой высказала свое мнение, наступила тишина, а затем нерешительно прозвучал еще один голос:

— А по-моему... лучше все отменить.

Голос подала Карен Хэммонд. Темные очки она сняла, и Мордекай Тремейн убедился, что не ошибся в своих предположениях: у нее действительно голубые глаза. Кроме того, первое впечатление, оставленное ее красотой, подтвердилось — Далмерингу определенно повезло с внешностью местных жительниц, — вдобавок Тремейн заметил, что нервы Карен Хэммонд вконец расстроены.

Он видел, как уголки ее губ судорожно подергиваются, руки непрестанно двигаются. Сама Карен этого не сознавала, а если и сознавала, то движения эти были настолько при-

вычны ей, что она воспринимала их как само собой разумеющееся. Ранее этим днем, глядя на нее из машины, подъехавшей к дому, Тремейн успел обратить внимание лишь на очевидное — то есть внешность, платье и изящные манеры, — но теперь не сомневался, что если кто-нибудь из присутствующих и пал жертвой затяжной тревоги, то именно Карен Хэммонд.

Во взгляде Полин Конрой на женщину, прелесть которой резко контрастировала с ее собственной яркой и броской красотой, внезапно мелькнула враждебность.

— Почему? — резко спросила она.

Тонкие пальцы правой руки Карен Хэммонд нервно крутили украшенное искусной резьбой золотое колечко на безымянном пальце. Ответила она нехотя:

— Все это... так ужасно. Теперь все иначе, когда Лидия... мертва. Будут допросы... огласка. К нам съедутся газетчики, начнут задавать вопросы, совать всюду нос, следить за каждым нашим словом и шагом. Неужели вы не понимаете? Если мы не отменим пьесу, о ней наверняка напишут в газетах. Решат, что это интересный материал... захотят выяснить, чем занималась в постановке она, кто займет ее место и прочие детали. В итоге все будет выглядеть... сомнительно.

— С какой стати? — холодно возразила Полин Конрой. — Допустим, газеты действительно узнают о пьесе и пожелают подготовить о ней материал. Реклама — как раз то, что нам требуется. Мы ведь мечтаем, чтобы пьеса имела успех, верно? Знаем, что и Лидия хотела того же самого. А что касается газетчиков, задающих всевозможные вопросы, — голос приобрел оттенок злого ехидства, — нам незачем бояться их. Ведь нам же нечего скрывать — никому из нас, так?

Последний вопрос прозвучал как вызов. Еще чуть-чуть — и шпага была бы выхвачена. Карен Хэммонд замерла. Опять возник тик, порожденный смятением, ее лицо под загаром побелело.

— Конечно! Я совсем не это имела в виду. Просто мне хотелось избавиться от лишних бед, каких у нас и без того немало. Я думала, так будет лучше для всех — для нас, присутствующих здесь, для мистера Воэна и мистера Шеннона... и для мистера Галески.

По тому, как выжидательно и виновато Карен Хэммонд произнесла последнюю фамилию, стало ясно, что она ждет реакции на нее.

И она не ошиблась. Глаза Полин Конрой полыхнули гневным огнем, прежде чем она сумела сдержаться и благоразумно скрыла его, опустив длинные ресницы.

— По-моему, — выговорила она губами, которые вдруг утратили свою манящую пухлость и превратились в тонкую жесткую линию, — мистер Галески вряд ли откажется отвечать на вопросы, какими бы они ни были — и кто бы их ни задал.

Последние слова она подчеркнула так, что было понятно: она имела в виду Скотленд-Ярд. Враждебность между двумя женщинами нарастала.

Пол Расселл подался вперед и сделал жест рукой:

— Разумеется, он не откажется. Серж готов помочь всем, чем может, так же как и мы.

Предостерегающий звончек эхом отдался в голове Мордека Тремейна. Но прежде чем он сумел уловить смысл происходящего, успел надежно приколоть его к воображаемой стене у себя в голове, все уже прекратилось. Расселлу удалось разрядить обстановку. Он повернулся к Сандре Борн и заметил:

— Лучшее, что мы можем сделать, Сандра, — оставить это на ваше усмотрение. Ведь вы были ближе к Лидии, чем кто-либо из нас. Значит, вам и решать.

До сих пор Сандра Борн почти не принимала участия в разговоре. Тремейн наблюдал, как она с печальным видом сидит в углу комнаты. Взгляд беспокойно скользил по лицам присутствующих, но высказаться она даже не пыталась. В ней ощущалась какая-то вялость, словно некая эмоциональная буря лишила ее жизненных сил.

Сердце Мордека Тремейна переполнялось сочувствием к ней. Сандра Борн и Лидия Дэр были не просто подругами, не только жили вместе, но и имели одинаковые вкусы и интересы, чуть ли не мыслили одинаково. Казалось, Сандра раздавлена судьбой, в которую беззаветно верила и которая вдруг обманула ее доверие.

Замечание Расселла, адресованное Сандре, побудило ее повернуться к нему. Вид дружелюбного, загорелого и обве-

тренного лица доктора, похоже, придал ей смелости, и Тремейну показалось, будто он наблюдает, как жизнь медленно вливается обратно в ее безвольное тело.

— Нам надо продолжить, — заявила она. — Мы так старались, многого добились, что было бы жаль взять и остановиться. Лидии... хотелось, чтобы пьеса имела успех.

— В таком случае решено, Санди, — произнес Расселл и обвел взглядом присутствующих. — Согласны?

Все одобрительно зашумели. Даже Карен Хэммонд, явно готовая к тому, что окажется в меньшинстве, согласно кивнула. Полин Конрой метнула в нее торжествующий взгляд.

— Санди права, — сказала она. — В память о Лидии мы должны продолжать работу и стараться изо всех сил.

— Значит, завтра репетиция состоится как обычно? — уточнила Филлис Голуэй. — Надо известить мистера Воэна и мистера Шеннона.

Услышав это, Сандра Борн нахмурилась:

— Я совсем забыла про Мартина и мистера Шеннона. Надо было сначала посоветоваться с ними.

— А я нисколько не сомневаюсь, что они охотно поддержат наше решение! — уверенно отозвался Расселл.

— Шеннон — возможно, — вмешался Джеффри Маннинг. — Обычно он согласен с любыми предложениями. А вот с Воэном будет потруднее. Ведь он же был...

Он вдруг осекся, сообразив, что чуть не сказал то, что могло вызвать взрыв. Покраснев, Маннинг сделал неловкую попытку исправить положение.

— Когда я видел его сегодня вечером, он был не в себе. Видимо, принял случившееся слишком близко к сердцу.

В комнате воцарилось неловкое молчание, ставшее тревожным и гнетущим. А вскоре сразу несколько человек заговорили одновременно. Пол Расселл в отчаянии подал знак жене. Джин поднялась.

— Пора пить кофе, — объявила она.

— Я помогу вам, Джин, — предложила Карен Хэммонд.

Несколько минут суеты с отодвиганием стульев, которой сопровождался их выход, благополучно помогли преодолеть явно опасный поворот. Незаметно озираясь по сторонам, Тре-

мейн заметил, как на еще недавно напряженных лицах возникает выражение облегчения. Он уже понял, что смерть Лидии Дэр была не просто камнем, бездумно брошенным в стоячую заводь деревенской жизни. Она расшевелила все мрачное и тайное, что уже давно скрывалось под внешним спокойствием. Не пробудила зло к жизни, а продемонстрировала, что оно рядом.

Только один человек в этой комнате не попал под влияние гнетущей атмосферы. Тремейн заметил, что Эдит Лоррингтон не просто не поддавалась ему, но и в блаженном неведении будто бы вообще не замечала напряжения.

Негустые седые волосы этой пожилой незамужней женщины были убраны в старомодный пучок; наглухо застегнутый высокий ворот блузки, украшенный большой узорной брошью, подчеркивал ее чопорность и невзрачность. Эдит Лоррингтон казалась поблекшим викторианским коттеджем, стыдливо приютившимся среди красочных современных зданий.

Однако в ней не чувствовалось неудачного девичества, надежды которого так и не сбылись, и теперь оно не прочь запустить коготки в более удачливых сестер. Лицо было маской трагедии, а не зависти, маскирующейся под праведное негодование. Человек, который должен был стать ее мужем, умер от малярии в Западной Африке, пока Эдит готовила приданое, и второго шанса ей уже не представилось.

Юность оборвалась с приходом телеграммы, положившей конец мечтам. Шли годы, Эдит становилась все более скучной и унылой, невзрачной лицом и одеждой, пока не превратилась в подобие безобидной тени, на которую не обращали внимание при жизни и вряд ли хватились бы, если бы она незаметно ушла из нее.

Какую именно роль мисс Лоррингтон играла в постановке «Для убийства есть мотив», Мордекай Тремейн так и не понял. Она принадлежала к тем людям, кого в таких случаях неизбежно оттесняют на задний план и они вряд ли служат какой-то конкретной цели.

Странно, именно из-за нее — все в том же безмятежном неведении не подозревающей, каким силам она помогла вырваться на свободу, — возникла угроза напряженной, чреватой взрывом атмосферы, которая едва успела развеяться.

— Все мы друзья Лидии, — неожиданно объявила Эдит. — Наша задача — помочь полиции.

Казалось, она открыла присутствующим глаза на надвигающуюся катастрофу. Никто не шелохнулся и не заговорил. Даже Пол Расселл на минуту растерялся.

— Что вы имеете в виду, Эдит? — вскоре негромко спросила Сандра Борн.

— То, что мы обязаны сделать все возможное, чтобы выяснить, кто совершил это ужасное преступление. — Мисс Лоррингтон сидела на стуле очень прямо. Руки она сложила на коленях, на ее лице застыло восторженное, невинно-сосредоточенное выражение ребенка, которому окружающий мир видится простым и совершенно ясным. — Лидию убили. Она была нашим другом. Мы должны отомстить за нее.

— Как?

Это был голос Полин Конрой — чуть хриловатый, даже испуганный. Мордекай Тремейн не был уверен в этом, но все-таки продолжал пробираться ощупью в потемках, собирать факты, искать путь через трясины человеческих эмоций, в какую умышленно старался погрузиться.

Эдит Лоррингтон повернулась к Полин Конрой. Ее глаза сияли. Глубоко в ее душе проснулись давние чувства. Тень обретала плоть. А потом внезапно огонь угас. Привычка слушаться, укоренившаяся за более чем сорок лет, подавила прилив решимости. Эдит развела руками.

— Я... я не знаю, — беспомощно пробормотала она.

Пол Расселл переглянулся с Мордекаем поверх темной макушки Полин Конрой.

— Пожалуй, — начал Пол, — Эдит высказала дельную мысль. Мы действительно должны помочь полиции. Мы же знаем Далмеринг, знаем, кто в нем живет. Полиция раскрывает преступления, складывая вместе самые простые детали, вроде бы несущественные мелочи. Это все равно что собирать головоломку. Достаточно одного фрагмента, чтобы целое обрело смысл. Если мы объединим наши знания, возможно, обнаружим то, что подскажет нам, кто убил Лидию.

— Но кому, — вмешалась Сандра Борн, в голосе которой растерянность боролась с ужасом, — могло понадобиться ее убивать? У Лидии же не было врагов.

— Вы хотите сказать, — негромко уточнил Расселл, — что у нее не было врагов, насколько нам известно. — Последние слова он подчеркнул голосом, вложив в них зловещий смысл. — Боюсь, для вас это будет мучительно, Санди, но если мы хотим установить истину, нам придется задать друг другу немало вопросов. В какое время Лидия ушла из дома вчера вечером?

— Вопросы будет задавать полиция, — произнесла Сандра. — Вообще-то они уже взялись за дело. Так что обо мне не беспокойтесь, Пол. Ответить на вопросы в кругу друзей будет полезно. Нечто вроде генеральной репетиции, — усмехнувшись, добавила она. — Лидия ушла перед тем, как пробило семь.

— Вы знали, куда она направляется?

— Разумеется. Ужинать с Мартином. Когда Лидия ушла, было еще светло. Наверняка кто-нибудь заметил ее по пути туда.

— Я видела, как она шла через выгон, — сообщила Карен Хэммонд. — Из окна своей спальни. — Она вздрогнула. — Это был последний раз, когда я видела Лидию.

И она ушла. Пол Расселл проводил ее заинтересованным взглядом, а Мордекай Тремейн задумался о том, зачем Карен добавила последнюю фразу. Она прозвучала как алиби.

— Лидия говорила, в какое время вернется? — спросил Пол Расселл.

Сандра Борн помедлила с ответом и покачала головой:

— Нет. Я осталась дома: вязала и слушала радио — и не заметила, как пролетело время. Меня стало клонить в сон, я поднялась в спальню — наверное, был уже двенадцатый час. У Лидии был свой ключ. Только утром мне сообщили... я услышала, что случилось. Когда пришел Бригган и сказал, что... Лидию нашли...

Местного констебля Бриггана разбудил работник фермы, нашедший труп рано утром по пути на работу.

Расселл кивнул:

— С этим все ясно, Санди.

Но Мордекай Тремейн так не считал. Он задал бы Сандре Борн как минимум еще два вопроса. Он спросил бы: «Для Лидии задерживаться допоздна было обычным делом?» И еще: «Неужели вы совсем не встревожились, не дождавшись ее возвращения?»

Ему казалось, что в рассказе Сандры Борн чего-то недостает. Если Лидия Дэр приходилась ей близкой подругой, как она могла спокойно лечь спать, даже не попытавшись выяснить, почему в столь поздний час Лидия еще не вернулась? В конце концов, логичным было предположить, что Лидия сообщила Сандре хотя бы приблизительное время своего возвращения. Тремейн заключил, что рассказ Сандры Борн требует множества уточнений.

Карен Хэммонд вернулась с подносом кофейных чашек и принялась расставлять их на маленьком столике, положив конец вопросам, учиненным Расселлом. Возникла пауза, во время которой все смотрели на фарфор с напряженным вниманием людей, ищущих хоть какой-нибудь способ скрыть неловкость.

— А Филипп прошлым вечером был здесь, Карен?

Послышался звон посуды. Чашечка громко звякнула о блюдце. Рука Карен Хэммонд еще дрожала, пока она поправляла чашку. Прошло время, прежде чем Карен ответила на явно небрежный вопрос Пола Расселла, и Тремейн отметил, что даже теперь она нервничает.

— Да, он находился здесь. А почему вы спрашиваете?

— Просто из дружеского любопытства. — Пол улыбнулся. — Мы же соседи. А сегодня сумел вырваться?

— Сейчас он дома. Пришлось захватить с собой работу из конторы. Потому Филипп и не пришел вместе со мной.

Объяснялась она поспешно, словно опасаясь, что ей не поверят. И все это время на ее лице сохранялось то же затравленное выражение, как во время краткой дуэли с Полин Конрой. Затем Карен нарочито хлопотливо продолжила заниматься сервировкой. Ее страх отчетливо просматривался в каждой напряженной линии тела.

Полин Конрой бросила на нее удивленный взгляд.

— Я видела этим вечером подъезжающую машину Филиппа, — заметила она. — Он пробыл в городе весь день?

Карен Хэммонд заставила себя обернуться к ней с безразличным видом.

— Да. Сказать по правде, в последнее время он очень занят. Филипп не знал даже, сможет ли вернуться домой сегодня.

— Наверное, утром он уехал рано. Обычно я слышу шум его машины.

Темные глаза Полин Конрой были широко раскрыты, взгляд — невинный. Однако Мордекай Тремейн проницательно отметил, что она выглядит чуточку более невинной и озадаченной, чем требовала ситуация. Обольстительница Полин вновь переигрывала.

Но к тому времени Карен Хэммонд уже удалось взять себя в руки.

— Вряд ли вы бы услышали его этим утром, — произнесла она. — Ему пришлось уезжать гораздо раньше обычного, и он сделал все, чтобы никого не потревожить.

Подозрение вытеснило из темных глаз наигранную наивность, но положение было, несомненно, тупиковым и допытываться Полин Конрой не решилась.

Через несколько минут внесли кофе, и пока раздавали чашки, представилась еще одна возможность сбросить напряжение, но стихийно возникшие эмоции были слишком очевидны, чтобы удалось их скрыть. Мордекай Тремейна вновь охватило чувство, будто на прелестную панораму Далмеринга легла густая тень зла, и красота этих мест оказалась под угрозой ужаса.

К его удивлению, ему вдруг отчетливо представился Мартин Воэн, в ушах зазвучало эхо его слов. Тремейн как наяву увидел этого крупного и рослого мужчину стоящим лицом к лицу с Джонатаном Бойсом: Воэн крепко сжимал мощные кулаки, на его лице застыло странное, полубезумное выражение.

Сандра Борн медленно помешивала свой кофе. Она отчасти утратила внешнее сходство с какой-то птицей, которое Тремейн заметил при их первой встрече. Бледное лицо Сандры заострилось и осунулось.

— Лидию что-то тревожило, — произнесла она. — Какие-то мысли не давали ей покоя. Она радовалась, что уезжает из Далмеринга. И боялась... — Сандра вдруг вскинула голову, ее голос стал резким, пронзительным на грани истерики: — Вот именно — боялась! Лидия знала: что-то должно случиться! И говорила, что на самом деле Далмеринг — зло и гниль!

Мордекай Тремейн вновь услышал эхо слов Мартина Воэна. И был бы не прочь задать вопросы, которые теснились у него в голове. Хотел бы уточнить, чего именно боялась Лидия Дэр. Но понимал, что, заговорив, неизбежно привлечет к себе внимание, в итоге все вспомнят, что среди них есть чужой, и на этом дружеский разговор прервется.

Джеффри Маннинг во внезапном порыве волнения подался вперед.

— Санди, когда вы говорите, что Лидия боялась, вы имеете в виду, что она боялась кого-то?

Сандра Борн покачала головой:

— Не совсем так. Ни о ком конкретно Лидия не говорила. Просто у нее возникали некие смутные мысли.

— О чем вы, Джеффри? — удивился Пол Расселл.

— Кто-нибудь из вас видел в округе незнакомца? — спросил тот. — Коротышку с лицом как у хорька, в серых фланелевых брюках и спортивном пиджаке?

— По-моему, нет, — пожал плечами Пол Расселл. — По крайней мере, не припоминаю такого. Я настолько занят своими пациентами, что мне некогда озираться по сторонам в поисках новых! — Он улыбнулся.

— Да, я вспомнила его, Джеффри! — воскликнула Сандра Борн. — Я видела, как он разговаривал с Лидией. Это было несколько дней назад. Они стояли около коттеджа.

— Лидия вам о нем не рассказала? — спросила Маннинг.

— Нет, и это странно. Как будто ей не хотелось упоминать о нем. Так что я, разумеется, не стала спрашивать.

— И я тоже видела его, — подала голос Эдит Лоррингтон, вновь привлекая к себе всеобщее внимание. — На прошлой неделе. Он спросил меня, где живет мистер Хэммонд.

Все были настолько озадачены ее словами, что Мордекаю Тремейну показалось, будто лишь он один услышал, как

кто-то рядом тихо и сдавленно ахнул. Он бросил осторожный взгляд в сторону, стараясь ничем не выдать себя. Над сервировочным столиком склонилась Карен Хэммонд. Она делала вид, что убирает пустые чашки; ее светлые волосы свесились вперед, закрывая лицо.

Но со своего места Трмейн увидел, как на ее лице проступила напряженно-мертвенная бледность, а в голубых глазах застыли мольба и ужас существа, увидевшего, как ловушка безжалостно захлопнулась.

Глава 5

Было еще достаточно светло, чтобы совершить приятную прогулку, не натыкаясь вслепую на канавы и живые изгороди, и в то же время уже настолько сумеречно, чтобы погрузиться в размышления. По крайней мере, так казалось Мордекаю Трмейну, пока он шагал в сторону деревенского клуба на встречу с инспектором Бойсом из Скотленд-Ярда. Его рассеянный взгляд был обращен к мерцающим звездам. Несомненно, первый вечер в Далмеринге выдался интригующим и насыщенным. И не в последнюю очередь благодаря прибытию в «Страну роз» Мартина Воэна и Говарда Шеннона.

Эти двое явились как раз вовремя, чтобы спасти Карен Хэммонд от замешательства. Заявление Эдит Лоррингтон о том, что незнакомец в серых фланелевых брюках спрашивал о Филиппе Хэммонде, пробудило любопытство всех присутствующих. Испытующие взгляды устремились на ее лицо. Трмейн с восхищением признал, что, несмотря на измученный и затравленный вид, удививший его, Карен отважно держала всеобщее внимание.

— Странно, — заметила она. — К нам он не заходил. А вы уверены, что он спрашивал про Филиппа?

И все-таки момент для нее был отчаянный. Могли последовать и другие вопросы. Полин Конрой, к примеру, могла ухватиться за такой шанс и пафосно, но убедительно, а также хитро и коварно сыграть на туго натянутых нервах, выжимая

драму до последней капли, выискивая малейшую щель в обороне, куда мог бы хлынуть поток ее злобы.

Внезапный и пронзительный звонок в дверь, наверное, прозвучал для Карен Хэммонд сигналом о неожиданной отсрочке исполнения приговора. Он остановил расспросы на несколько мучительных секунд, а потом задавать их было уже слишком поздно, поскольку явился Мартин Воэн.

Этот рослый мужчина вошел в гостиную так, словно бросил всему миру вызов. На пороге он застыл и обвел взглядом собравшихся как потенциальных врагов, которых решил запугать, сразу ринувшись в атаку. А потом улыбнулся и заговорил непринужденным тоном, без малейшего намека на враждебность:

— Всем привет. Извините, что я так поздно: принимал сотрудника Скотленд-Ярда. По дороге столкнулся с Шенноном, и остаток пути мы прошли вдвоем.

Пол Расселл вопросительно уставился на него.

— Принимали сотрудника Скотленд-Ярда, Мартин? — произнес он, и Воэн небрежно взмахнул рукой.

— Меня навестил детектив, которому поручено расследование. Полагаю, таков порядок. Его фамилия Бойс, инспектор Бойс. На случай, когда очередь дойдет до вас.

Оценивать эффект, произведенный этими словами, Воэн не стал, но пока шел через комнату, в ней воцарилось неловкое молчание. Как ни в чем не бывало он расположился на маленьком складном стуле, слишком неудобном и потому деликатно отвергнутым остальными. Под Воэном, рослым и громоздким, стул был почти не виден, и казалось, будто он висит в воздухе.

Его соседкой стала Сандра Борн. Воэн приветствовал ее так, что ее хрупкая ручка на мгновение совсем исчезла в его огромной, но бережно сжавшейся ладони, и Тремейн заметил, что жесткий взгляд серых глаз нового гостя слегка смягчился.

— Как вы, Санди?

Сандра Борн улыбнулась и ответила, назвав Воэна по имени. Но ее голос почему-то прозвучал не совсем искренне. По мнению Тремейна, так, словно к собеседнику она относилась неприязненно.

Однако Пол Расселл сообщил Тремейну, что Мартин Воэн и Сандра Борн близкие друзья. Неужели Тремейн ошибся и ему просто почудилась враждебность со стороны энергичной миниатюрной женщины, самой близкой подруги Лидии Дэр? Неужели неверно истолковал то, что можно было объяснить гораздо проще и понятнее? Или же ему представился случай одним глазком взглянуть на еще одну тайную междоусобицу, скрытую под мнимой безмятежностью жизни деревенского общества?

Мордекай Тремейн невольно прислушивался к тихим звукам собственных шагов, пересекая открытое пространство в центре старого Далмеринга, проходя мимо «Адмирала» с темными окнами и закрытыми ставнями и направляясь дальше по дороге к назначенному месту встречи. Это было все равно что слушать размеренный ритм неумолимых фактов у него в голове — фактов, которые словно маршировали по замкнутому кругу, манили его последовать за ними, но никуда не вели.

Говард Шеннон вместе с Карен Хэммонд пополнил список лиц, которые озадачили Тремейна. Этот пухлолицый, одетый в синий костюм мужчина, которого он видел в поезде, если и обладал агрессивностью Воэна, то выражалась она отрицательной величиной. Говард Шеннон не пытался привлечь к себе внимание, как было свойственно Воэну. Как и предсказывал Джеффри Маннинг, он и не подумал спорить, сразу согласившись с решением продолжать постановку пьесы. Казалось, Шеннон старается пореже подавать голос, чтобы к нему не приставали с расспросами.

А верно ли это умозаключение? Тремейн обдумал поставленный вопрос так беспристрастно, как только мог. Да, Шеннон выказывал нервозность и явно стремился замкнуться в своем коконе молчания, как только назревали очередные вопросы. С другой стороны, он охотно объяснил, что во время убийства Лидии Дэр его не было в Далмеринге.

— Вчера мне пришлось съездить в город, — сообщил Говард Шеннон. — По делам. Вообще-то не очень хотелось, но такой шанс я просто не мог упустить. Оказалось, что человек, с которым я пытался связаться вот уже несколько недель, на-

ходится в Лондоне и у него есть пара свободных часов. В городе я и переночевал, а сюда вернулся лишь сегодня днем.

— Мне говорили, вчера вечером там разыгралась сильная гроза, — небрежным тоном промолвил Воэн. — Я созванивался с одним из своих друзей из Кингсхэмптона, которого она как раз застигла в городе. Он сказал, что в считанные минуты промок до нитки — он ведь не ожидал дождя и не захватил с собой ни дождевик, ни зонт. Вот чем плохо оно, наше неожиданное английское лето. Никогда не знаешь, какой будет погода через пять минут. Надеюсь, вы не попали в число тех, кому не повезло, Шеннон?

— Н-нет, — с запинкой ответил тот. — Нет, я... я поймал у вокзала такси, так что худшее меня миновало.

И вдруг глаза его блеснули, остановив взгляд на Мордекае Тремейне. Шеннон уставился на него, явно сомневаясь, а потом убедился, что не ошибся, и его рыхлое лицо расплылось в улыбке. Это была улыбка невероятного, невыразимого облегчения — улыбка человека, которого со всех сторон окружали опасности, а он вдруг обнаружил путь к спасению.

— Позвольте, а разве не с вами мы ехали в одном купе сегодня от самого вокзала, мистер... э-э... мистер Тремейн?

Пол Расселл представил их друг другу, когда Шеннон вошел в гостиную, однако он был настолько поглощен чем-то, что не узнал недавнего попутчика. Его приветственные слова прозвучали машинально, мысли явно витали где-то далеко.

— Совершенно верно, мистер Шеннон, — подтвердил Тремейн. — Жаль, что мы не знали, что пункт назначения у нас один и тот же! Когда увидел, что вы сошли с поезда здесь же, в Далмеринге, я спросил Пола, не соседи ли вы с ним.

Его собеседник, кажется, был застигнут этими словами врасплох. Пухлая рука принялась разглаживать складки на измятой одежде.

— А, да... да, конечно. Мы с Полом давние соседи.

Только и всего: нечему настораживаться, нечего улавливать, — но тем не менее у Тремейна возникло ощущение, что тут что-то не так. Странно, что Шеннон смутился, с такой явной поспешностью схватился за возможность подтвердить свое алиби с помощью беспристрастного свидетеля. Если он

действительно уехал из Далмеринга в Лондон задолго до того, как убили Лидию Дэр, и вернулся лишь на следующий день, тогда ему нечего опасаться. Если он и вправду уезжал...

Тремейн остановился. Безусловно, это фантазии, досужее измышление ни на чем не основанных версий, которые навлекут на его голову гнев Джонатана Бойса.

Он решительно ускорил шаг и чуть поодаль, в густой тени живой изгороди напротив деревенского клуба, увидел красную точку — горящий кончик сигары.

— Это вы, Джонатан?

Красная точка шевельнулась.

— Да, — раздался голос инспектора.

Кончик сигары ярко вспыхнул, Бойс шагнул вперед, покинув тень изгороди и принес с собой насыщенный аромат листового табака.

— Я сглупил, явившись сюда, — угрюмо объявил он. — Нарушаю все правила и рискую быть изгнанным в отставку с позором. С перспективой получить хорошую пенсию я уже распрощался. Как думаете, что скажет комиссар, узнав, что я встречался с вами для того, чтобы разгласить конфиденциальную информацию?

— Наверное, он решит, что вы продемонстрировали инициативность, и порекомендует вас на должность старшего инспектора. Опять вы накручиваете себя, Джонатан, расстраиваете нервы. Не забывайте, что уже сообщили комиссару насчет меня. В одном из ваших писем говорилось, что вам представился случай упомянуть обо мне, когда он был в хорошем расположении духа. Я не буду лезть на рожон и постараюсь избежать огласки, а он не станет возражать, если время от времени я буду составлять вам компанию. Вы упоминали, что комиссар предприимчивый и неординарно мыслящий человек, не боится выходить за рамки, если считает, что дело того стоит.

— Я действительно все это говорил? — В притворном удивлении Бойс покачал головой. — Мордекай, ваша беда в том, что у вас слишком хорошая память.

— Воэн рассказал вам что-нибудь?

— С чего вы взяли, что я виделся с ним?

— Сегодня вечером он приходил к Расселлу, — объяснил Тремейн, — и сообщил нам, что вы навестили его.

— Вот только мало чего добился, — вздохнул Бойс. — Лидия Дэр пришла к нему примерно между семью часами и половиной восьмого — точное время Воэн не помнит — и ушла около одиннадцати. Он хотел проводить ее до дома, но она отказалась. Воэн пожелал ей спокойной ночи в дверях «Хоум-лоджа», и там он видел ее в последний раз.

— Воэн не говорил, случайно, не упоминала ли Лидия Дэр, в какое время обещала Сандре Борн вернуться?

— По его словам, она ушла в спешке, сказав, что пообещала мисс Борн вернуться к одиннадцати.

— Хм.

Отклик Тремейна прозвучал неопределенно и невнятно. Возможно, он скрывал нечто важное. Инспектор внимательно посмотрел на него.

— Это означает что-нибудь особенное? — требовательно спросил он.

— Не знаю, — пожал плечами Тремейн.

И он вкратце рассказал Бойсу о подозрениях, возникших у него, пока он слушал Сандру Борн. Детектив был само внимание. Его взгляд стал задумчивым, он дал Тремейну закончить рассказ, не перебивая его.

— У вас, похоже, выдался насыщенный вечер, — заметил Бойс. — Я имею в виду — с точки зрения изучения публики, живущей неподалеку. Полагаю, вы расскажете мне обо всем, что было сказано и кем именно.

— Попытаюсь, — пообещал Тремейн. — По крайней мере, передам суть, хотя за точность слов не поручусь.

Он передал инспектору содержание разговора, состоявшегося в «Стране роз», прибавив к нему личные наблюдения. Особое внимание уделил подробному описанию запомнившегося ему внешне вежливого, но на самом деле гневного и враждебного диалога Карен Хэммонд и Полин Конрой. И подчеркнул, что Карен Хэммонд несомненно нервничала.

Однако, несмотря на акцент, сделанный им на роли, какую сыграли в этой небольшой вечерней драме обе женщины, Бойса интересовал прежде всего Мартин Воэн.

— Когда Воэн появился в гостиной, в каком он был состоянии?

— Он был настроен... воинственно. Будто считал, что попал под подозрение, и старался найти способ отвести его от себя.

Бойс издал удовлетворенный возглас.

— Точно так же Воэн держался, когда мы встретили его у дороги, и позднее, когда этим вечером я зашел к нему домой! Он отвечал на мои вопросы, даже не думая возмущаться, но у меня сложилось впечатление, что он постоянно начеку и пытается скрыть это, переходя в наступление.

— Воэн чем-нибудь подтвердил свои показания? — спросил Тремейн.

— Напрямую — нет. Однако указал, что с ним в доме живет слуга.

— Похоже на старания обеспечить себе алиби.

— Вот и мне так показалось, — кивнул инспектор. — Я допросил Бленкинсона — так зовут этого малого, — и он заявил, что видел, как мисс Дэр покинула дом одна.

— Определенно алиби. — Тремейн принялся к дыму сигары собеседника, словно рассчитывал, что ее аромат облегчит ему мыслительный процесс. — Вы не спросили Бленкинсона, не уходил ли куда-нибудь его хозяин после того, как попрощался с Лидией Дэр?

— Насколько ему известно, Воэн не покидал дом.

— Но поручиться он не может, — подхватил Тремейн, — поскольку, в сущности, не видел его, так?

Бойс осторожно стряхнул пепел с кончика сигары и посмотрел на Тремейна:

— Бленкинсон объяснил, что находился внизу — «наводил чистоту», как он выразился. Воэн направился к себе в кабинет, и Бленкинсон увидел его примерно через полчаса, когда тот вышел из кабинета, пожелал слуге спокойной ночи и двинулся в спальню.

— Кабинет на нижнем этаже?

— Да. — Судя по тону, инспектор уже знал, что последует дальше.

— Значит, Воэн мог покинуть кабинет через окно, пробраться в рощу — либо опередив Лидию Дэр на тропе че-

рез выгон, либо двинувшись в обход по шоссе и достигнув роши раньше, чем она, — мог убить ее и вернуться домой. Все это время Бленкинсон ничего не знал и считал, будто хозяин по-прежнему находится у себя в кабинете.

— Не исключено. Но доказательств нет.

— Пока нет, — уточнил Мордекай Тремейн.

Он догадывался, что его собеседник вот-вот задаст вопрос по существу, и колеблется лишь потому, что еще не знает, в какие слова его облечь. Тремейн поспешно продолжал:

— У кого-нибудь еще есть алиби?

— У двоих, — нехотя признал Бойс. — Или у троих, если считать алиби Хэммондов за два. Проверить пока не удалось — все это что-то вроде предварительной разведки. Мистер и миссис Хэммонд вообще не выходили из дома прошлым вечером. Миссис Хэммонд утверждает, что мистер Хэммонд устал после напряженной работы в конторе. Они рано легли спать, потому что утром ему предстояло уехать ни свет ни заря.

— То же самое она сказала в присутствии остальных, — произнес Тремейн. — Видимо, между Карен Хэммонд и Полин Конрой существуют какие-то скрытые разногласия, и Полин не убедили ее слова.

— Еще одно алиби, о котором я говорил, — у нее, — сказал Бойс. — К ней наведалься Ньюленд. Она тоже никуда не выходила. Устроила себе прошлой ночью что-то вроде каникул в четырех стенах. Горничная это подтверждает. По словам Ньюленда... — Он вдруг замолчал, уставился вперед, на темную дорогу, потом оглянулся. — Вы ничего не слышали?

— Нет, — покачал головой Тремейн. — Я внимательно слушал вас. А в чем дело? Что это было?

Еще несколько мгновений Бойс стоял неподвижно и прислушивался. Над их головами тихо гудели телефонные провода. Вдалеке прозвучал автомобильный клаксон — раз, другой. Листьями живой изгороди зашуршал легкий бриз.

— Мне показалось, кто-то идет, — объяснил инспектор Бойс. — Померещилось, наверное. Так о чем я? Ах да: по словам Ньюленда, эта мисс Конрой прямо-таки неотразима.

— Она актриса.

— Кстати, об актрисах, — продолжил Бойс. — Пожалуй, нам даже на пользу, что они решили не отменять постановку. — Он выразительным жестом ткнул большим пальцем в сторону темного деревенского клуба на противоположной стороне дороги. — Это не позволит им разбежаться. И мы будем знать, где их искать в случае необходимости.

— В этом определенно что-то есть. Джонатан, вам уже приходилось иметь дело с неким Галески?

— Галески? — Бойс нахмурился. — Что-то не припоминаю это имя, а оно не из тех, которые легко забыть, однажды услышав. Кто он?

— Понятия не имею, — бодро сообщил Тремейн. — Кроме того, что он как-то связан с Полин Конрой. Полагаю, рано или поздно мы с ним встретимся. — Он вышел из тени живой изгороди на дорогу. — Похоже, на сегодня это все. Я вроде как вышел пройтись и подышать свежим воздухом перед сном. И мне лучше вернуться, пока Пол не организовал розыск, чтобы я не стал второй жертвой Далмеринга!

— Врач и его жена не знают, что вы ушли на встречу со мной?

— Нет. Им известно, что я состою с вами в переписке. Сегодня Воэн упоминал вашу фамилию, когда сказал, что вы расспрашивали его. Но поскольку никаких замечаний они не сделали, значит, могли ничего и не заметить.

— Рано или поздно сообразят, — усмехнулся Бойс. — И вам придется просить их не распускать слухи по всей деревне, иначе ваши новые знакомые замкнутся в себе, как моллюски в раковинах.

— Насчет Джин и Пола не беспокойтесь. Они достаточно надежны. Ну, я пойду, Джонатан.

Они пожелали друг другу спокойной ночи, и Тремейн быстрым шагом двинулся в обратный путь по дороге. Из разговора с инспектором он не узнал ничего нового, если не считать показаний Мартина Воэна, но почему-то у него возникло ощущение, будто кое-что прояснилось. Ему удалось выстроить из собранных на данный момент фактов некую цепочку. Разобраться в своих впечатлениях о людях, с которыми встретился. Тремейн считал, что даже если не сумел расставить

так, как надо, замысловатые детали этой головоломки, то по крайней мере избежал риска и не дал им попасть туда, куда не следовало. Все эти детали сейчас были надежно закреплены каждая на своем месте, где он мог без спешки, тщательно изучить и обдумать их.

Погруженный в свои мысли, Тремейн прошагал еще ярдов сто, когда вдруг заметил быстрое движение в густой тени вдоль дороги. Возникла темная фигура, послышались торопливые шаги.

— Мистер Тремейн!

Этот голос, хоть и прозвучал настойчиво, был тихим, чуть хрипловатым. Сердце Мордека Тремейна скользнуло обратно, на привычное место. Он обернулся:

— А, миссис Хэммонд!

Узнав ее, Тремейн даже не пытался скрыть удивления. Она приблизилась к нему.

— Я должна была повидаться с вами! — Миссис Хэммонд говорила торопливо и сбивчиво, словно боялась, что иначе он не станет слушать. — Я слышала, как вы сказали Джин, перед тем как все разошлись, что позднее пойдете прогуляться, и стала ждать вас снаружи, возле дома, а когда вы вышли, последовала за вами.

Тремейн присмотрелся, пытаясь разгадать выражение ее лица.

— Но почему вы не заговорили со мной, увидев, что я вышел из дома?

Карен Хэммонд уклонилась от ответа на его вопрос.

— Вы ведь друг инспектора Бойса? — быстро спросила она. — Того детектива из Скотленд-Ярда? Вы только что беседовали с ним.

Мордекаю Тремейну вдруг стало зябко.

— Почему вы решили, будто я знаком с инспектором Бойсом?

— Джин часто о вас рассказывала. Мол, вы знаете детектива из Скотленд-Ярда по фамилии Бойс и уже помогли раскрыть несколько убийств. А когда вы появились сегодня, а потом Мартин сообщил, что его расспрашивал детектив Бойс, я догадалась, что это тот самый инспектор. Вы только

что беседовали с ним неподалеку, у дороги. Я... я хотела посмотреть, не к нему ли вы идете.

Значит, Джонатан Бойс не ошибся, говоря, что слышал какой-то подозрительный шум. Его острый слух различил звуки приближения Карен Хэммонд. Наверное, она стояла совсем рядом, скрываясь в темноте у живой изгороди. Эта мысль внушала тревогу. Тремейн задумался: что скажет инспектор, когда узнает об этом? Если Карен Хэммонд известно об интересе Тремейна к расследованию преступлений и его знакомстве с инспектором Скотленд-Ярда, сколько еще жителей деревни об этом знают?

— Допустим, — медленно начал он, — я действительно беседовал с инспектором Бойсом. И что же?

— Они... нашли что-нибудь?

— Полицейские, — укоризненно напомнил Тремейн, — о таких вещах не рассказывают налево и направо.

Миссис Хэммонд порывисто схватила его за руку:

— Вы должны помочь: должны выяснить, кто убил Лидию!

— Для этого сюда и прибыл инспектор, миссис Хэммонд.

И он справится со своей работой, сколько бы времени она ни заняла.

— Как вы не понимаете! Нельзя, чтобы она затянулась надолго! Нужно выполнить ее сразу, как можно быстрее!

Она стояла слишком близко к нему. Тремейн чувствовал тепло ее дыхания на своей щеке. От волнения красота миссис Хэммонд лишь расцвела, приобрела какой-то необычный оттенок, сделалась ускользающе-желанной. Странно, но закоренелый холостяк Мордекай Тремейн на мгновение позабывал мужчине, о благополучии которого так заботилось это удивительное создание.

Но о мужчине ли? Этого Тремейн не знал. Его предположение могло оказаться ошибочным.

— Почему же так важно как можно скорее найти убийцу? — поинтересовался он. — Я имею в виду, важно для вас?

— Чем дольше это будет продолжаться, тем больше начнется расспросов, — объяснила она. — Вопросы, вопросы — и так постоянно. Сюда съедутся газетчики, фотографы, станут всюду рыскать и во все совать нос. Нам уже ничто не будет

принадлежать. У нас не останется ни прав, ни даже мыслей. Все выгнать на свет, покажут публике, только ради материала в газете. Не останется никакой частной жизни. Ни малейшего уважения к ней. Филипп...

Миссис Хэммонд замолчала, словно сообразила, что чуть не выдала себя.

— И что же? — спросил Тремейн, ожидая продолжения, но она опять уклонилась от ответа и задала ему новый вопрос:

— Вы ведь поможете, правда? Это чрезвычайно важно.

— Уверен, инспектор Бойс сделает все, что в его силах. Это его работа — найти преступника как можно быстрее.

Карен Хэммонд смотрела на него в упор, и у него вновь возникло ощущение, что ее красота подчиняет себе его разум.

— Я имела в виду вас, — объяснила она. — Вы могли бы выяснить, кто это совершил.

От таких слов сентиментальное сердце Тремейна дрогнуло.

— Сделаю все, что смогу, миссис Хэммонд, — пообещал он и вдруг почувствовал, как она взяла его за руку.

— Спасибо, — с легким вздохом промолвила она. — По тому, что рассказывала о вас Джин, я знала, что вы согласитесь. Вы не представляете, что это значит... вы представить не можете...

Он ощутил нежное пожатие ее пальцев, а затем миссис Хэммонд отстранилась. Не добавив ни слова, она отвернулась и поспешила прочь. Догонять ее не имело смысла. Карен Хэммонд уже сказала все, что хотела, — по крайней мере сейчас.

Тремейн медленно продолжил путь. Зачем миссис Хэммонд последовала за ним? Она так ничего и не сказала ему, ничем не оправдала свое желание встретиться с ним наедине, но, судя по ее волнению, у нее на то имелась веская причина.

«Филипп...» Очевидно, она имела в виду своего мужа. Что она чуть не выпалила, прежде чем благоразумие в ней перебороло беспокойство? Что скрывал Филипп Хэммонд, если его жене настоятельно требовалось, чтобы тайну смерти Лидии Дэр раскрыли как можно быстрее, вдобавок чтобы это сделала не полиция?

Это указывало — на первый взгляд, разумеется, — что Карен и Филипп Хэммонд никоим образом не причастны

к убийству. Но, с другой стороны, ее поступок мог быть частью плана, продуманного ими, чтобы скрыть свою вину. По словам Джонатана Бойса, они заявили, что ночь, когда совершилось преступление, провели дома вместе, — каждый из них, таким образом, обеспечивал алиби другому. Вероятно, своими действиями Карен Хэммонд рассчитывала обвести вокруг пальца блюстителей закона. Ведь она обратилась не к профессионалу Бойсу, а к дилетанту Мордекаю Тремейну.

Неужели она поступила так, потому что втайне верила: дилетант представляет меньшую опасность, чем беспристрастный полицейский, который безжалостно разнесет ее алиби в клочки, если понадобится?

Мысль отнюдь не лестная. Тремейн поморщился, словно проглотил дозу особо горького лекарства. Он надеялся лишь на то, что не выставил себя полным болваном. Даже теперь, в зрелом возрасте, его стремление ни в коем случае не показаться красивой женщине смешным и нелепым не ослабело.

Внезапно Тремейн остановился, вздрогнул и сделал шаг назад. Еще одна фигура вышла навстречу ему из тени на обочине дороги.

Перед его мысленным взором мелькнуло распростертое тело, найденное рано утром. Сердце заколотилось, однако он сумел сжать кулаки и призвал на помощь решимость дорого продать свою жизнь. А вскоре внезапно вспыхнувший страх сменился облегчением.

— Прошу прощения, огонька не найдется?

Голос звучал тихо и застенчиво. Тон был виноватый.

— Да, конечно, — ответил Тремейн, надеясь, что голос не выдаст его нервозности.

Порывшись в карманах, он достал спички и неловко чиркнул одной, сложив ладони ковшиком, чтобы загородить пламя от ветра. Человек с сигаретой наклонился над спичкой. Тремейн ощутил на себе чужой внимательный взгляд, увидел, как незнакомец всматривается в него в трепещущем свете спички, словно стараясь запомнить, чтобы узнать в случае необходимости.

Тремейн ответил ему пристальным взглядом. И увидел пару прищуренных пытливых глаз, острый крючковатый нос,

лицо с тонкими, но резкими чертами, морщинистое и хитрое. Владелец его был в спортивном пиджаке и серых фланелевых брюках. Мысленно Мордекай Тремейн перенесся обратно в «Страну роз» и услышал голос Джеффри Маннинга: «Коротышку с лицом как у хорька, в серых фланелевых брюках и спортивном пиджаке...»

— Спасибо.

Хорек, похоже, завершил осмотр и повернулся к живой изгороди. Тремейн сообразил, что незнакомец отошел от лесенки, ведущей к калитке для перехода через изгородь вокруг полей, и туда же собирался вернуться. Тремейн застыл в нерешительности. Вне всяких сомнений, это и есть тот человек, о котором говорили в гостиной: тот самый, кто спрашивал про Филиппа Хэммонда и при упоминании о котором Карен Хэммонд невольно выдала свой страх — или, по крайней мере, сильное волнение. И незнакомец явно следил за ней, а огонька попросил, чтобы разглядеть человека, с которым она говорила.

Тремейн уставился на темную фигуру у лесенки.

— Славная ночь.

— Да. Спасибо за огонек.

Хорек недвусмысленно дал понять, что не намерен продолжать разговор. Поскольку настаивать означало бы возбудить у незнакомца подозрения и в итоге ничего не добиться, Тремейн с сожалением пожал плечами и прошел мимо.

Несмотря на всю таинственность этой двойной встречи, думал он не о мужчине, с которым только что расстался, и даже не о Карен Хэммонд. В сущности, он временно забыл о них, не успев сделать и десятка шагов.

Некая мысль засела у него глубоко в голове с тех пор, как он покинул «Страну роз», и теперь свербела, тревожила, не давая покоя. С Бойсом он не поделился ею, потому что не сумел выразить словами. Но теперь Тремейн вдруг понял, в чем дело. Разгадка тайны, позабытой на время, явилась к нему сама собой.

Как наяву, он снова услышал разговор Мартина Воэна и Говарда Шеннона. Услышал опять, как рослый мужчина рассказывает о грозе, обрушившейся на Лондон, как шутит

о капризах погоды английским летом, когда грозовые тучи разверзаются без предупреждения, и как спрашивает: «Надеюсь, вы не попали в число тех, кому не повезло, Шеннон?»

А потом услышал ответ Шеннона. Его слова о том, что худшее миновало его, поскольку он поймал у вокзала такси.

Так вот в чем все дело! Вот она, фальшивая нота!

В то время Мордекай Тремейн сам находился в Лондоне и знал, что во всем городе не пролилось ни единой капли дождя.

Глава 6

Далмеринг очутился в центре внимания публики. С первых полос ежедневных газет история убийства Лидии Дэр подавала знаки миру суетливых человечков, из анонимной толпы которых жестокая смерть вырвала одного. По времени это преступление совпало с периодом затишья во внутренней и внешней политике, и утренние газеты раздули из эпизода криминальной хроники сенсацию. Главных заголовков оно не удостоилось, но, судя по обилию деталей, фундамент для продолжительных и подробных отчетов о следствии уже был заложен.

На следующий день после прибытия в «Страну роз» Мордекай Тремейн после завтрака удалился в сад, прихватив с собой полдюжины номеров самых авторитетных лондонских газет. Джин Расселл предугадала его желание прочитать как можно больше мнений, которые наверняка будут высказаны по поводу убийства, и спросила у хозяина местного газетного киоска (он же был бакалейщиком и аптекарем; в тихую заводь Далмеринга еще не успела проникнуть специализация) все газеты, какие у него только нашлись. Несмотря на ожидание повышенного спроса, киоскер с благодарностью исполнил ее пожелание.

Утро выдалось чудесное — в лучшем смысле этого привычного выражения. Солнце поднялось в чистое голубое небо, и хотя легкий намек на излишнюю ослепительность мог бы послужить предостережением о досадной дневной жаре, в настоящий момент деревня с наслаждением купалась в теплых и ласковых лучах.

Извинившись, что вынужден предоставить гостя самому себе, Пол Расселл удалился в свою приемную — навстречу сегодняшней порции грудных хрипов, мышечных ревматизмов и бесчисленных, хоть и привычных, мелких недомоганий, какими изобилует жизнь врача общей практики. Тремейну осталось лишь посочувствовать другу. Он знал, что Пол предпочел бы жизнь ученого, увлекательное времяпрепровождение с микроскопом в лаборатории, радостный трепет вобретении и шлифовке навыков поиска мельчайших организмов, угрожающих разрушить чудо человеческого нерва, кости или мышцы, и победу, одержанную над очередным малопонятным проявлением болезни. Но финансовая ситуация и ответственность в браке вынудили Пола заменить микроскоп стетоскопом и расстаться с туманной перспективой славы ученого-медика ради стабильного, хоть и не особо вдохновляющего, дохода врача-терапевта.

Тремейн расположился в шезлонге и приступил к чтению. Как и ожидалось, ничего нового из газет он не почерпнул. Репортеры были осведомлены лишь о тех фактах, какие он знал и сам, и он не сомневался, что в целом знает гораздо больше, чем они. Однако чтение придало мыслям желаемое направление, облегчило размышления в той манере, которая для этого требовалась.

Тремейн вынул трубку и немного неловко раскурил ее. Как обычно, этот процесс стоил ему трех спичек и обожженного пальца. Трубку он курил из принципа. В течение длительного времени его курение было ограничено тремя ритуальными сигаретами в день после еды. Освоить трубку ему не удалось: при каждой попытке желудок поднимал бунт, — однако Тремейн не сдавался. Без трубки никак нельзя. Он считал, что именно курения трубки ждут от детектива. В конце концов он укротил свою природу до такой степени, что мог в процессе курения сохранять самообладание, но подлинно профессионального удовольствия ему по-прежнему не доставало и постоянным источником раздражения, придавшим ему вид дилетанта, оставались его неизменно неуклюжие старания уплотнить и поджечь табак. Порой дым, жгучей волной хлынув Тремейну в горло, вызывал неудержимый приступ кашля.

Вот и сейчас он закашлялся. А когда поднял голову, то увидел, что на него смотрит Джин, и в ее глазах мелькают насмешливые искры.

— Дрянной табак, — объяснил Трмейн. — Не удалось купить ту марку, какую я обычно курю.

Лукавый блеск в ее глазах сменился широкой улыбкой.

— Не обращайтесь на меня внимания, Мордекай, — посоветовала Джин снисходительным тоном женщины, знающей о том, что в душе большинства взрослых мужчин живут вечные мальчишки. — Я привыкла наблюдать за Полом. Ему нравится выкурить трубочку, когда викарий заходит обсудить дела прихода. Он говорит, что это придает ему достоинства.

Мордекай Трмейн обвел взглядом руины воображаемых оборонительных стен, которыми окружил себя, уловил юмор ситуации и тоже улыбнулся:

— Только не выдавайте меня, Джин. Я играю в великого детектива.

Он прилежно попыхивал трубкой, позволив мыслям свободно блуждать и без спешки перебирать в памяти действующие лица драмы. Карен Хэммонд, Говард Шеннон... Мартин Воэн.

Воэн. Ему вспомнился этот рослый и крепкий мужчина — властный, какой-то безжалостный. Словно наяву, Трмейн увидел, как крепкие пальцы Воэна сжались на калитке, преграждающей вход на тропу, где убили Лидию Дэр. Воэн выглядел человеком, страсть которого могла с легкостью разорвать оковы самообладания и довести его до крайности, человеком, кому жилось нелегко, и отчасти поэтому способным бурно отреагировать на любое эмоциональное напряжение. Но зачем ему убивать Лидию Дэр? Трмейн выпустил облачко дыма и признал, что этого он не понимает.

Трмейн приятно, но почти без пользы провел пару часов за курением, чтением и размышлениями. И дошел до точки, когда сообразил: если он будет и впредь выстраивать версии на фундаменте своих ограниченных познаний, они приведут его в опасную сферу чистейшего вымысла. В этот момент к нему подошел Пол.

— Привет, Пол! Исцеление состоялось?

— Ну, я уже прописал все пилюли и укрепляющие средства с железом, какие только мог, — с улыбкой отозвался врач. — Обычно в такой час я выхожу покопаться в саду. Это не дает мне расплываться в талии и избавляет от необходимости назначать самому себе таблетки для пищеварения.

В дальнем конце сада находился небольшой сарай для хранения садовых и прочих инструментов. Расселл толкнул дверь.

— Вооружусь-ка я лопаткой! — воскликнул он. — Понаклоняться немного мне не повредит.

До Тремейна вдруг донесся его сдавленный возглас из сарая.

— Что такое? — крикнул Тремейн.

— На меня обрушилось проклятие полтергейста! — заявил врач, появляясь в дверях. — Вы только посмотрите!

Тремейн поднялся с шезлонга, подошел и заглянул в сарай:

— Что же он натворил, этот полтергейст?

— Видите башмаки? Два дня назад я искал их везде, но они как сквозь землю провалились. А теперь — вот, пожалуйста, стоят на самом видном месте, словно издеваются надо мной!

— Вы, наверное, смотрели прямо на них, но не замечали. Подобное часто случается.

— Нет, я точно помню: в последний раз, когда я смотрел, их здесь не было.

Мордекай Тремейн перевел взгляд на упомянутую обувь, валявшуюся как попало там, где ее небрежно бросили, — посреди деревянного пола в сарае. Это были просторные сомersetские башмаки на ремешках и деревянных подошвах. Тремейн наклонился, чтобы рассмотреть их.

— Лучше обуви для того, чтобы весной и осенью работать в саду, и придумать невозможно, — произнес он.

Обведя беспечным взглядом сарай, Мордекай постарался спрятать улыбку. Оставалось лишь надеяться, что Пол гораздо бережнее, чем с садовым инвентарем, обращается со своими медицинскими инструментами, когда его вызывают на консультацию в больницу на окраине Кингсхэмптона. Грабли, вилы, лопаты, садовые совки разных размеров были кучей

свалены в одном углу, а в другом собирало пыль и паутину покосившееся нагромождение цветочных горшков и леек. Повсюду валялись деревянные ящики для рассады.

Посмотрев в полуоткрытое окно, Тремейн заметил, как Джин с сумкой в руке выходит из дома и шагает к калитке, явно направляясь за покупками в деревню.

— Вон ваш полтергейст, Пол, — сказал он. — Наверное, Джин поставила их на место.

— Вероятно, — жизнерадостно откликнулся Расселл. — Но я предпочел бы считать, что это был все-таки полтергейст. Вот это алиби так алиби! И незачем объяснять, почему я вечно устраиваю беспорядок и что-нибудь теряю!

Он занялся ближайшей цветочной клумбой: принялся рыхлить почву и полоть сорняки с быстротой и точностью хирурга, обходя высокие люпины и львиный зев.

— Ну как, версии уже есть? — спросил Пол, оглядываясь через плечо.

— Десятки, — ответил Тремейн. — И все никуда не годятся. Я тут размышлял о Воэне.

— О Воэне? — Расселл вскинул голову. — В каком смысле?

— Да пока ни в каком. Они с Лидией Дэр были, видимо, близкими друзьями.

— Полагаю, то же самое можно сказать почти обо всех нас. Раньше мы были веселой и дружной маленькой компанией.

Неужели ему почудилась нотка неискренности в словах доктора, какой-то оттенок фальши? Тремейн не мог дать определенного ответа, вспомнив страсти, которые он мельком видел вчера вечером. Наверное, Пол проявил осторожность в словах из преданности друзьям и нежелания признавать, что и в этом райском саду водятся змеи.

— Пожалуй, — произнес Тремейн. — Как вы думаете, можно сказать, что его... ну, допустим, встревожило известие о помолвке Лидии?

— Нет, что вы! Воэн был рад, как и все мы.

— Ее жених, Джералд Фаррант, виделся с Воэном?

— Да, несколько раз. А что? — Пол Расселл оторвался от прополки, выпрямился и уставился на Тремейна озадаченно

и с сомнением. — Уж не хотите ли вы сказать, что ваш подозреваемый — Воэн?

В последнее слово он вложил все свое недоверие, будто это предположение казалось ему совершенно невыносимым.

— Я и не говорил, что кого-то подозреваю, — возразил Мордекай Тремейн. — Просто задаю вопросы на случай, если ответы на какие-нибудь из них будут полезными. — И он сменил тему, не дожидаясь дальнейших расспросов: — Пол, я не прочь познакомиться с Филиппом Хэммондом. Когда может представиться случай?

— Это легко устроить. Сегодня репетиция. Почему бы вам не побывать на ней? Там вы и увидите со всеми, в том числе и с Филиппом. По крайней мере, если он придет. Репетиции он порой пропускает. Это не всегда удобно, но дела часто удерживают его в Лондоне. Обычно Филипп звонит Карен днем и сообщает, если не сможет вырваться.

Продолжая разговор, они зашагали рядом по садовой дорожке. Доктор, похоже, забыл о своих намерениях разделаться с сорняками на цветочных клумбах.

— Как дела с постановкой? — поинтересовался Тремейн. — Пока вас все устраивает? «Для убийства есть мотив» — не припоминаю пьесу с таким названием... Это не ее, случайно, ставили в Уэст-Энде?

— Честно говоря, не знаю. Воэн, наверное, расскажет вам о пьесе больше, чем я.

— Воэн? Он тоже играет в ней?

— Да, причем хорошо. За эту постановку мы взялись по его предложению. Он подумал, что было бы неплохо организовать что-нибудь по этой части в пользу сиротского приюта, и мы согласились. И сам где-то раздобыл пьесу. Мы выбрали комитет, распределили роли — так все и началось.

Они уже дошли до конца дорожки, находились в нескольких ярдах от шоссе и собирались двинуться обратно, как вдруг раздался голос:

— Доброе утро, Пол!

Доктор обернулся:

— О, приветствую, Эдит! Доброе утро.

Эдит Лоррингтон одарила Мордекая Тремейна улыбкой и дружеским кивком, и тот улыбнулся ей в ответ.

— Доброе утро, мисс Лоррингтон. Вижу, вы решили выйти и порадоваться солнышку.

— Да, красота какая, верно? А я как раз собиралась выяснить, дома ли Сандра. Я только что дочитала роман, который ей наверняка понравится. Я беру книги у своих друзей в Кингсхэмптоне. У них книжный магазин, и они всегда извещают меня, когда к ним поступает что-нибудь интересное.

Мордекай Тремейн задумался, что подразумевала Эдит Лоррингтон под «чем-нибудь интересным». У него сложилось впечатление, что круг ее чтения весьма узок.

— Как вам спалось прошлой ночью? — спросил Расселл.

— Гораздо лучше, — ответила она. — То лекарство, которое вы дали мне вчера, действует прекрасно, не то что таблетки, какие я пила раньше. От них вообще не было толку. А тут я проспала семь часов, хотя предыдущей ночью мне пришлось встать и выйти на прогулку, чтобы уснуть. Лишь к полуночи я вернулась домой.

— Впредь будьте осторожны, Эдит, — предостерег доктор. — По-моему, неблагоприятно бродить одной в такой поздний час.

— Да кому придет в голову приставать к старухе вроде меня? — беспечно отозвалась она. — А прогулка получилась не такой уж одинокой. Люди ложатся спать совсем не так рано, как может показаться. Мистер Галески еще не спал. Как и миссис Хэммонд. И, конечно, Сандра. Она ждала Лидию и слушала радио — передавали свинг. Мне всегда кажется, будто поздний вечер не самое подходящее время для такой музыки.

Внезапно до Мордекая Тремейна дошел весь смысл сказанного ею. Эдит Лоррингтон спокойно гуляла по окрестностям в то время, когда убили Лидию Дэр!

— Вы никого не видели, пока гуляли, мисс Лоррингтон? — спросил он.

— Нет. Было очень тихо, как обычно. — Она перевела взгляд с Тремейна на Расселла. — Мне, пожалуй, пора. В прошлый раз я не застала Сандру, когда заходила к ней, а потом

случился этот ужас с бедняжкой Лидией, и у меня все вылетело из головы.

Эдит Лоррингтон кивнула и снова улыбнулась. Друзья смотрели, как она уходит прочь по дороге.

— Что вам известно обо всем этом? — спросил Тремейн.

Пол Расселл пожал плечами:

— Эдит страдает бессонницей. Когда ей не спится, прогулки для нее — обычное дело. В ней сочетается несочетаемое. Порой она кажется доверчивой и невинной, как дитя, а потом высказывает какое-нибудь настолько пронизательное наблюдение, что остается лишь гадать, что творится у нее в голове. Взять хотя бы прогулки по окрестностям поздно ночью. Большинство женщин дрожали бы, как котята, очутившись одни на местных темных дорогах, но Эдит темнота нисколько не пугает. Однажды я встретил ее, возвращаясь с позднего вызова, — собственно, так я и узнал про привычку Эдит гулять по ночам, — и она держалась невозмутимо, будто прохаживалась среди бела дня по главной улице Кингсхэмптона.

Тремейн задумчиво посмотрел вслед худошавой, старомодно одетой женщине, которая уже почти скрылась из виду.

— Давно вы лечите ее от бессонницы?

— Несколько месяцев, — рассеянным тоном отозвался Расселл. — На самом деле в подобных случаях мало чем можно помочь.

— Как вы считаете, ей действительно гораздо лучше спалось прошлой ночью? Я знаю, что врачу не полагается обсуждать проблемы своих пациентов, — поспешно добавил он. — Не хочу ставить вас в неловкое положение.

— С учетом обстоятельств вряд ли это можно назвать разглашением, — улыбнулся Расселл. — Вероятность того, что Эдит действительно хорошо спала, очень велика. До вчерашнего дня я назначал ей фенобарбитал, а недостаток барбитуратов в том, что они обладают наркотическим эффектом, люди привыкают к ним.

— Значит, вчера вы попробовали другое средство?

— Да. Я дал ей хлоральгидрат. У него на редкость неприятный вкус.

— Принято считать, что чем ужаснее лекарство на вкус, тем эффективнее действует. — Глаза Мордекая Тремейна насмешливо заблестели. — По-вашему, это психология усыпила ее?

— Так или иначе, это произошло, — дипломатично проговорил Расселл.

Они прошли обратным путем через сад, а когда достигли клумбы, на которой осталась лопатка, доктор наклонился, чтобы подобрать ее и отнести в садовый сарай.

— Боюсь, Мордекай, на сегодня мои упражнения закончены. До обеда мне нужно еще нанести несколько визитов.

Тремейн понимающе кивнул.

— Было время, когда и мне приходилось работать, — заметил он.

Остаток утра Тремейн провел в саду, никем не потревоженный, но к обеду вышел со смутным ощущением недовольства собой. Ему казалось, будто он так ничего и не добился и бесценные часы утекли сквозь пальцы, вызвав раздражение.

Но об этом твердило только его сознание. В глубине души Тремейн понимал, что вовсе не потратил утро впустую. Хотя никаких определенных результатов он не достиг, его мозг активно работал над решением вопросов, поставленных смертью Лидии Дэри, и ценность этой работы рано или поздно должна была подтвердиться. Рано или поздно — вероятно, когда он задумается над чем-нибудь совершенно другим, — прежние размышления принесут плоды.

За обедом Джин поделилась известием:

— Джералд Фаррант здесь.

Тремейн вскинул голову, забыв о салате.

— Жених?

— Он самый, — подтвердила она. — Остановился в «Адмирале». Приехал сегодня.

— Насколько я понимаю, — сказал ее муж, потянувшись за заправкой для салата, — этот лакомый кусочек сплетни — итог твоего похода в деревню сегодня утром?

— Да, — кивнула Джин и без стеснения добавила: — За сплетнями я туда и ходила.

— А я как раз думал о Фарранте, — вступил в разговор Тремейн. — Не далее как сегодня утром удивлялся, почему его до сих пор здесь нет. Ведь свадьба, если не ошибаюсь, должна была состояться совсем скоро?

— Все объясняется просто, — произнесла Джин. — Вчера, когда Фаррант получил телеграмму, он находился в Шотландии. Его дом в Стерлинге, точнее — неподалеку от него. Фаррант выехал ночным поездом из Эдинбурга и сегодня рано утром уже был в Кингс-Кроссе. Как видите, он отправился сюда немедленно.

— Фаррант... сильно страдает? — спросил Расселл.

Джин сочувственно опустила голову.

— Увы, да. Я мельком видела его. Бедный... — Она осеклась. — Разумеется, он уже не ребенок, а взрослый человек, ему под сорок. Но выглядит так молодо, что невольно относишься к нему как к юноше. Фаррант побывал здесь вместе с Лидией две недели назад и казался таким веселым и воодушевленным, совсем как мальчишка. Ясно было, что он безумно в нее влюблен. А теперь... его не узнать: сильно изменился.

— Для него это трагедия, — тихо произнес Тремейн. — Представляю, каково ему сейчас.

Во время утренних размышлений он рассматривал убийство бесстрастно, как абстрактную задачу, которую требуется решать согласно определенным правилам. Упоминание о Фарранте внезапно напомнило ему о другой стороне дела, где приходилось считаться с человеческой болью и страданиями. В нем вновь пробудилась сентиментальность.

Заметив выражение его лица, Джин Расселл не сказала то, что собиралась, — не выразила надежду, что Джералд Фаррант будет отомщен, а преступник предан в руки правосудия. Эта решимость была уже рядом: в напряженном лице Мордека Тремейна, в тревожных глубинах его глаз.

После обеда Тремейн не вернулся к своему шезлонгу в саду. Было жарко — слишком жарко. Солнце стояло высоко над головой, заливая лучами деревню. Над медленно плавящимся асфальтом дорог висело знойное марево. Од-

нако Тремейн водрузил на голову свою поношенную панаму и покинул дом.

Ему требовалось пройти, притом быстро, даже если его бросит в жар; так быстро, чтобы и мысли завертелись как можно стремительнее... и в голове наконец-то прояснилось. В сторону деревни Тремейн не пошел. Встречаться с людьми ему не хотелось. Он не желал праздной болтовни, не собирався поддерживать видимость разговора, пока его мысли, мучительно петляя, ищут путь через пространство и время.

Некий ужас охватил Тремейна. Некий тайный страх Далмеринга тяжким грузом лег ему на сердце, окутал и укрыл чудовишной злобной тенью. Он понимал, что все это игра воображения. И знал, что причина тому — заведенный Джин Расселл разговор о Джералде Фарранте, о трагедии, внезапно обрушившейся на него, а также отвращение к страшному злодеянию, которое, свершившись, вызвало прилив романтических чувств, таившихся в душе самого Тремейна.

Но несмотря на то что он разбирался — или считал, что разбирается, — в механизмах собственной психологии, его воли было недостаточно для подавления инстинктивных реакций. Тремейн постоянно видел перед собой неподвижное, внушающее сострадание тело жертвы, лежавшее в темноте, осколки разбитых вдребезги надежд. И ни на минуту не забывал о гибели, крушении и людском горе.

«Белое к свадьбе, — вертелось у него в голове бессвязно и вместе с тем с мучительным, пульсирующим смыслом, — все белое забрызгано и запачкано черным...»

Он прибавил шагу. Блестящие капли пота проступили под краем его панамы там, где она касалась лба. Пенсне, обычно с трудом державшееся на носу, теперь едва не свалилось, и почувствовав, что оно соскальзывает, Тремейн вернул его на место дрожащей рукой.

Солнце плавилось в небе, ослепительно сияло, со всей яростью метая лучи в Тремейна. Как и зло, не поддающееся описанию. Он чувствовал, как ужас обступает его со всех сторон, отнимает воздух, медленно, но неуклонно душил его, затягивает...

Тремейн пошатнулся, и чья-то рука поспешно поддержала его.

— В чем дело, Мордекай? Вам нездоровится?

Он догадался, что это инспектор Бойс из Скотленд-Ярда. Обстоятельный Бойс. Надежный. Голос медленно проникал сквозь окутавший его туман зла. Он стоял, пошатываясь и пытаясь понять смысл сказанного. И вдруг ужас рассеялся, и оказалось, что он стоит на солнце, а мир снова стал обычным.

— Что стряслось, старина? — с беспокойством произнес Бойс. — Вид у вас такой, словно вы восстали из мертвых!

— По-моему, так все и было, — пробормотал Мордекай Тремейн.

Инспектор отметил болезненную бледность его лица, естественно натянувшуюся кожу на выступающих скулах, лоснящуюся от пота, криво сидящее на носу пенсне, все еще блуждающий взгляд.

— Лучше бы вам присесть и передохнуть немного, — посоветовал он. — Вы еле держитесь на ногах.

Тремейн позволил усадить себя на травянистый откос у обочины и подвинулся, освобождая Бойсу место рядом с собой.

— Все в порядке, Джонатан. Уже все прошло.

— Что же стряслось? На вас лица нет.

— Перегрелся. Слишком напряженно размышлял и долго был на солнце. — Тремейн глубоко вздохнул. — Джонатан, вы не замечаете здесь, в Далмеринге, ничего странного?

— В каком смысле?

Тремейн медлил, подыскивая слова.

— Не чувствуете, как в воздухе витает зло? Что здесь всюду ненависть, ужас и убийство?

Инспектор Бойс издал резкий возглас:

— Нет! Только не начинайте о том же самом!

Мордекай Тремейн улыбнулся. Его лицо стало виноватым.

— Простите, Джонатан. Понимаю, звучит как ахинея, но на минуту я, шагая по этой дороге, вдруг ощутил, что все вокруг буквально пропитано злом — как говорила Лидия Дэр, по уверениям Возна. Есть тут что-то ненормальное, какая-то скверна.

— Вот в этом я бы с вами согласился, — рассудительно произнес Бойс. — Звучит как точное описание убийства. Но...

— Вас интересуют только факты, а мой бред сумасшедшего не имеет в суде никакой ценности. — Тремейн вопросительно взглянул на друга. Он уже полностью оправился. — Вы знаете, что Джералд Фаррант здесь?

— Да. Я видел его сегодня утром. Полагаю, он приехал, чтобы помочь разобраться с делами мисс Дэр. Фаррант в шоке, что неудивительно.

— Он не выдвигал никаких предположений, кто мог быть замешан в преступлении?

Инспектор покачал головой:

— Нет. Фаррант ошеломлен случившимся. Мне он сказал, что не представляет, у кого могли найтись хоть какие-нибудь причины убивать мисс Дэр. — Он помолчал, а потом сухо добавил: — Вы успели пообщаться еще кое с кем после того, как мы расстались вчера вечером.

— А, вы про миссис Хэммонд и того малого, который остановил меня и попросил огонька?

— Так вот что ему было нужно! Издалека я не слышал, что происходит.

— По его словам, — возразил Тремейн. — А на самом деле он хотел разглядеть меня, потому что следил за миссис Хэммонд и видел, как она беседовала со мной. Я как раз гадал, видели ли вы, что произошло.

— Я шел почти за вами, — объяснил Бойс, — но отстал и скрылся из виду, когда вас остановила миссис Хэммонд. Чего она хотела?

— Чтобы я выяснил, кто убил Лидию Дэр.

— Прямо вот так?

— Да. Настаивала, чтобы я узнал это как можно скорее.

Тремейн рассказал инспектору, как волновалась Карен Хэммонд, как потом, бросив несколько невнятных слов, поспешно скрылась в темноте.

— Вы правы, — кивнул Бойс. — Все это какая-то бессмыслица. Если ее муж находился с ней, ей известно, что он не имеет к преступлению никакого отношения, а следовательно, у нее нет причин тревожиться.

— Вот именно, — подхватил Мордекай Тремейн. — Если он находился с ней.

Инспектор рассеянно выдернул длинную травинку, росшую рядом с тем местом, куда он упирался левой ладонью.

— Сегодня я виделся с Сандрой Борн, — сообщил он. — Побеседовал с ней как следует.

— Каково ваше мнение?

— Вы совершенно правы: она что-то скрывает. Ее рассказ рассыплется, стоит только копнуть поглубже и начать задавать неудобные вопросы. И вправду, почему она не встревожилась, не дождавшись мисс Дэр? Почему хотя бы не позвонила Воэну домой и не спросила, все ли в порядке с ее подругой? Телефон есть и в коттедже, и в доме Воэна. Вы об этом знали?

— Нет. Не обратил внимания.

— Сандра Борн рассказывает лишь часть правды. При этом небольшую, а самую важную обходит. Она вовсе не легла преспокойно в постель, не тревожась о Лидии Дэр и представив ей самой открыть дверь. Но я, кажется, напугал ее. Я намекнул, что не верю ей. И меня не покидает ощущение, что вскоре этот поступок принесет плоды.

— Ну что ж, вы не теряли времени даром, Джонатан.

— Мы трудились не покладая рук, как полагается полицейским, и нашли орудие убийства.

Эти слова он произнес так небрежно и спокойно, что до Мордекая Тремейна не сразу дошел их смысл, а когда дошел, он рывком выпрямился:

— Где оно было?

— Лежало в зарослях на расстоянии нескольких ярдов от того места, где было совершено убийство. Преступник, похоже, только вытер с него отпечатки пальцев, а потом просто швырнул в кусты. Естественно, я распорядился прочесать рощу, что мои помощники и сделали сегодня рано утром. Орудие убийства — очень острый нож с длинным лезвием, как раз такой, какой мы и рассчитывали найти. С виду он похож на антикварный.

— Вот это уже кое-что! — Тремейн не скрывал воодушевления. — Осталось отыскать хозяина, и можно считать, что преступление раскрыто!

— Мы нашли хозяина.

Мордекай Тремейн снова выпрямился, не спуская с инспектора внимательного взгляда.

— Вам что-то известно. Я должен был сразу догадаться. Теперь все симптомы налицо. И чей же это нож?

— Он принадлежит Мартину Воэну, — бесстрастно ответил Джонатан Бойс.

Глава 7

Никаких сомнений не оставалось: теперь Мартин Воэн занимал положение подозреваемого номер один. Шагая обратно к деревне после расставания с инспектором Бойсом, Мордекай Тремейн поймал себя на том, что взвешивает свидетельства против Воэна. Возможности у Воэна, несомненно, имелись. Орудие убийства, как выяснилось, принадлежит ему. Оставался мотив. Тремейн поджал губы. Где-то там, в сердце тьмы, должен быть мотив. Даже если не у Воэна, то у кого-нибудь другого. Лидия Дэр умерла не без причины.

Он шагал медленно, погруженный в раздумья, опустив голову и сцепив руки за спиной. А вскоре увидел, что к нему приближаются двое. Одной из них была Полин Конрой в летнем платье из какой-то тонкой ткани в цветочек, выгодно подчеркивающей ее обольстительное изящество. Ее спутника Тремейн не узнал, но судя по тому, как смотрела на него Полин, было ясно: весь ее тщательно продуманный шарм направлен на этого человека.

Пока они сближались, Тремейн с любопытством изучал его. «Рослый, смуглый и привлекательный» — вот описание, которое сложилось у него в голове. Так он думал поначалу, а когда расстояние между ними сократилось и вид издалика наложился на крупный план, ему пришлось пересмотреть свое мнение.

Да, незнакомец действительно оказался рослым, но оставшиеся два определения к нему были едва ли применимы. Если он и выглядел смуглым, то из-за неопрятности. У него было лицо человека, который бреется небрежно, подбородок — сизый и шершавый. Волосы, густые и нуждающиеся в стрижке,

топорщились над воротником. А некая грубость очертаний лица, заметная лишь вблизи, свидетельствовала скорее о смазливости, оставшейся в недавнем прошлом, чем о подлинной привлекательности.

На лице Полин Конрой проступила досада: похоже, ей не хотелось останавливаться и заводить беседу, — но поскольку встреча была неизбежна, не хватило духу пройти мимо Мордека Тремейна, делая вид, будто не узнает его. Он, со своей стороны, был не в настроении облегчать ей задачу.

— Добрый день, мисс Конрой! — любезно произнес он и остановился прямо у нее на пути.

— Добрый день! — нехотя откликнулась она.

Тремейн украдкой разглядывал ее спутника. Это наверняка Галески, сказал он себе.

Так и оказалось.

— Это мистер Тремейн, Серж, — объяснила Полин. — Друг доктора Расселла и его жены. Мы познакомились прошлым вечером. Мистер Тремейн, позвольте вам представить: мистер Галески.

Мужчины обменялись вежливыми рукопожатиями. Рука Галески была вялой, энергии приветствия в ней не ощущалось. Тремейн порадовался, когда она безвольно выскользнула из его ладони.

— Я слышан о вас, мистер Галески, — солгал он. — И мне не терпелось познакомиться с вами.

— Кто это разболтался?

Вопрос вырвался у Полин Конрой так внезапно, что стало ясно: она постоянно была начеку и отреагировала на слова Тремейна с болезненностью человека, которому всюду мерещатся враги.

Серж Галески отмахнулся великолепно небрежным жестом:

— Дорогая моя Полин, какая разница, о чем сплетничает чернь?

Тремейн мысленно признался себе, что ему не нравится сценическое позерство мистера Галески, однако своих чувств он не выдал.

— Уверяю вас, никто ничего не... э-э... болтал, — робко объяснил он. — По крайней мере, ничего неприятного.

Видимо, Серж Галески был весьма высокого мнения о собственной персоне. Он отмел объяснения, демонстрируя полнейшее безразличие к подобным мелочам.

— Не будем об этом, дружище, — беззаботно произнес он. — Человеку в моем положении не привыкать к тому, что о нем болтают. Такова часть цены, какую нам приходится платить.

— Серж — кинопродюсер, — торопливо пояснила Полин Конрой, словно опасаясь, что Мордекаю Тремейну придет в голову иное объяснение. — Но вам, конечно, это известно.

Она рассмеялась, словно нелепым было даже предполагать обратное, и Мордекай Тремейн улыбнулся, хотя впервые узнал, чем занимается его собеседник.

— Естественно, — подтвердил он. — Имя мистера Галески у всех на слуху наряду с Хичкоком или... или... Рене Клером.

Галески провел пятерней по своим непослушным и слишком длинным волосам. Сделал вид, будто высказываться критически ему неловко, однако он считает это своей обременительной обязанностью. И многозначительно пожал плечами.

— Пустозвоны! — небрежно обронил он. — Жалкие дилетанты, наугад ищущие пути за кадром.

Полин Конрой взяла его под руку:

— Идемте, Серж. Нам пора, иначе не успеем прорепетировать ту сцену вместе перед чаем. Серж помогает мне с ролью в пьесе, какую мы ставим, — добавила она. — Надеюсь, вы нас извините, мистер Тремейн?

Мистер Тремейн, которому не оставалось ничего другого, великодушно извинил собеседников, посторонился и пропустил.

Медленно продолжая идти своей дорогой, он прибавил неряшливого мужчину в плохо подогнанной одежде к коллекции деревенских персонажей, которая продолжала пополняться у него в голове. Артист, богема, позер... он подходил под все эти определения. Значит, Серж Галески продюсер в кино. А актриса Полин Конрой его приятельница.

Все выглядело понятно и логично. Яркая, чувственная и обольстительная Полин честолюбива. Ее манит блеск славы. Серж Галески — воплощение волшебного мира кино-

индустрии. Есть ли у него будущее? Одному Небу известно. Пожалуй, гораздо важнее другое: найдутся ли в сфере кино влиятельные дельцы, считающие, что это будущее у него есть, и готовые отстаивать свое мнение. Проницательная и смешная Полин решила, вероятно, что Галески по крайней мере сумеет открыть и придержать перед ней двери студий настолько, что ей удастся проскользнуть внутрь. А потом можно или продолжать пользоваться его помощью, если окажется, что он способен строить собственную карьеру, или сразу забыть о нем и сменить одну лошадку на другую, гораздо более перспективную, которая увезет ее еще дальше.

Мордекай Тремейн заметил, что его мысли приняли определенно циничное направление, и усмехнулся. Он быстро утрачивал иллюзии.

Однако имелся еще один момент, над которым он мог бы плодотворно поразмыслить, прежде чем вытеснить из головы Полин Конрой и Сержа Галески. Та краткая словесная дуэль в «Стране роз», когда Карен Хэммонд упомянула имя Галески, словно знала наверняка, что оно вызовет конфликт, — так зачем жена Филиппа Хэммонда сказала то, что сказала? Какой смысл она вложила в свою реплику? Пожалуй, в решении данного вопроса ему мог оказать содействие инспектор Бойс с его способностью сдвигать с мертвой точки тщательное, упорное, педантичное, хоть и нудное, расследование.

Тремейн поравнялся с дощатой калиткой у тропы через рощу, где умерла Лидия Дэр. Здесь не было видимых признаков бурной деятельности, но он услышал, как кто-то бродит в подлеске. Наверное, полиция по-прежнему искала улики самым прозаическим и неинтересным способом. Тремейн задумался о гигантском механизме закона, который пришел в движение, когда Лидию Дэр обнаружили мертвой. Да, он громоздкий. Неповоротливый. Перегруженный правилами и предписаниями. Не оставляющий простора воображению. Однако закон неотвратим, как смерть. Ему может понадобиться немало времени, чтобы пройти по следу, но если он настиг тебя, от него нет спасения.

Тремейн стоял у калитки, вспоминая, где именно находится дом Мартина Возна и как пройти к нему прямой доро-

гой, только не через рошу, а через выгон. Потом взглянул на часы и зашагал — энергично, но без поспешности.

Ему понадобилось девять минут, чтобы достичь «Хоум-лоджа». Он прикинул, что, постаравшись, мог бы с легкостью сократить это время на две-три минуты.

Сбоку от дома пролежала тропинка, ведущая к раскинувшемуся прямо за ним выгону. Тремейн добрался до края выгона и проследовал взглядом по хорошо утоптанной тропе, которая небольшими изгибами пересекала открытое пространство, избегала на деревянный мостик, переброшенный через извилистую речушку, и терялась в глубине рощицы.

Взгляду Тремейна предстало живописное зрелище. Повсюду виднелись крыши коттеджей по краям выгона, цветная черепица поблескивала на солнце, чуть поодаль серебрилась вода, поскольку местность возвышалась над уровнем моря, позволяя рассмотреть его как тонкую полоску. При виде деревни, купавшейся в теплом свете солнца, было трудно представить, что на нее легла зловещая тень убийства. Тремейн напомнил себе о деле, ради которого явился сюда, и попытался подсчитать, сколько времени ему понадобилось бы, чтобы без особой спешки дойти до деревьев вдальеке. Пожалуй, минут семь-восемь. Он взглянул на карманные часы, заботливо положил их обратно в карман и шагнул вперед.

— Не утруждайтесь. Это возможно.

Тремейн резко обернулся. По другую сторону аккуратно подстриженной живой изгороди из бирючины, отделяющей сад «Хоум-лоджа» от выгона, стоял Мартин Возн. Очевидно, он несколько минут провел здесь, тихо наблюдая — и выжидая. Натолкнувшись на холодный пристальный взгляд серых глаз этого рослого мужчины, Мордекай Тремейн вздрогнул.

— Боюсь, я не понимаю...

— Все вы понимаете! — воскликнул Возн. — Не думайте, что все мы поверили, будто вы так безобидны, как выглядите. Это пенсне и ваша мнимая беспомощность никого не обманут.

— А вы уверены, что ни с кем меня не перепутали? — заинтересовался Тремейн.

— Вполне. — Возн понизил голос, задрожавший от злости. — Я видел, как вы явились из деревни, и наблюдал за

вами, пока вы тут стояли. Вы пытались определить, можно ли по шоссе добраться до вон той рощи быстрее, чем через выгон.

Услышав, как его собственные мысли с вызовом бросили ему в лицо, словно он высказал их вслух, Тремейн растерялся и отчаянно подыскивал верные слова.

— Да с какой стати, — сохраняя прежнюю позу, спросил он, — это могло мне понадобиться?

— Вероятно, ваш друг инспектор Бойс подскажет.

Воэн сделал шаг вперед, и теперь их с Тремейном разделяла только живая изгородь.

— На вашем месте, — заявил он, — я бы поостерегся вмешиваться в чужие дела. Это небезопасно. Мы здесь не любим тех, кто назойливо сует всюду свой нос.

По выражению лица Воэна было ясно, что любые попытки спорить с ним бесполезны. Не стоило также пытаться делать вид, будто Тремейн не понимает, о чем идет речь. Мордекай Тремейн снял пенсне и протер его, хотя в этом и не было необходимости.

— Не знаю, что у вас на уме, мистер Воэн, — с расстановкой начал он, — но мне жаль, что вы заняли такую позицию. Она существенно осложняет дело.

— А вот это спорный вопрос, — возразил Воэн.

Круто повернувшись, он ушел в дом. Мордекай Тремейн смотрел ему вслед, пока тот не хлопнул в ярости дверь. Тремейн медленно двинулся в сторону дороги.

Мартин Воэн явно настроился защищаться. Он вел себя как тот, кто предчувствует неприятности, а если быть точным, как человек, который знает за собой какую-то вину и пытается скрыть ее, переходя в наступление. Но почему? Неужели Воэн действительно виновен? И ему есть что скрывать?

На ходу Тремейн снял свою панаму и принялся обмахиваться ею. Было по-прежнему очень жарко, и ему не хотелось повторения недавнего опыта, а между тем настоятельно требовалось подумать, причем подумать крепко.

Он мысленно вернулся к тому, на чем остановился, попрощавшись с инспектором Бойсом. Мартин Воэн мог убить Лидию Дэр. Но если он убил ее, этому должна быть причина. Такое преступление не пустяк, его совершили не случайно,

подавшись минутному порыву. Это жестокое злодеяние, тяжелое. Оно требовало неумолимой целеустремленности. Для него нужен был мотив.

То, что Воэн осведомлен о его связи с инспектором Бойсом, уже не имело значения. С того момента, когда Карен Хэммонд остановила Тремейна в темноте на дороге у деревенского клуба, стало ясно: ни о какой секретности больше и речи нет. Тремейн понял, что не уделил должного внимания неизбежным деревенским сплетням, не догадался, что в таком тесном кругу, как Далмеринг, мало что можно скрыть надолго.

К счастью, инспектор отнесся к случившемуся спокойно. Несомненно, увидев, как Карен Хэммонд заговорила с Тремейном на дороге, инспектор догадался, что это предвещает. И он просто пожал плечами, как человек, давно привыкший к тому, что его планы внезапно меняются.

— Это все равно должно было случиться рано или поздно, — бодрым тоном отозвался Бойс. — Мы ничего не теряем.

— А как же начальник местной полиции? — спросил Тремейн. — Неужели ему не найдется что сказать, когда эта история дойдет до него? О штатских, вмешивающихся в ход официального расследования? Он наверняка обо всем узнает. Люди очень болтливы.

— Когда дело дойдет до этого, Мордекай, тогда и будем думать, как нам поступить. — Бойс обнял его за плечи. — Не беспокойтесь. Ничего не случится, вам незачем бояться, что вас отстранят от дела. Вы же надежная опора, мне без вас не справиться.

Тремейн улыбнулся этим воспоминаниям. Ложь, конечно. Однако приятная, дружеская. Она свидетельствовала о том, что Джонатан Бойс доверяет ему, что этот коренастый и твердолобый инспектор Скотленд-Ярда, который порой ведет себя бесцеремонно, не считает его чужаком.

Все еще погруженный в свои мысли, Тремейн вернулся в «Страну роз». Джин вышла навстречу на садовую дорожку, словно поджидала его.

— Здесь Сандра, — сообщила она, и что-то в ее голосе побудило Тремейна насторожиться.

— В чем дело, Джин? — спросил он.

— Она хочет увидеться с вами. Это... важно, Мордекай.

Он вошел следом за ней в дом. Сандра Борн ждала его в гостиной. С легким удивлением Тремейн заметил, что и Пол Расселл здесь.

— Сменились с дежурства, Пол? — улыбнулся он.

Доктор ответил ему улыбкой, но она получилась неискренней.

— Санди хочет поговорить с вами, Мордекай, — сказал он. — Она просила меня поприсутствовать при вашей беседе.

Тремейн перевел взгляд с обветренного лица друга, на котором сейчас отражалась тревога, на осунувшееся лицо Сандры Борн. Ее пальцы были нервозно стиснуты. Она утратила жизнерадостность, птичью порывистость движений. Теперь Сандра казалась жалкой и невзрачной. И была заплакана.

Над присутствующими тяжело нависла атмосфера мрачного напряжения. Видимо, Тремейна ждали уже давно. Он сел на стул, придвинутый для него, и замер.

— К Санди заходил инспектор Бойс, — тихо сообщил Расселл.

— Таков порядок, — произнес Тремейн. — Ему понадобилось задать стандартные вопросы.

— Стандартных ответов он не получил.

— Что это значит?

— Это значит, что правды ему не сказали.

Возникла пауза. Мучительная, трепещущая пауза. В просвет между жалюзи проникла яркая полоска света, подкрадываясь к коврику. Казалось, множество пылинок, кружившихся в солнечном луче, — единственное, что есть живого в сумеречной комнате.

Наконец Мордекай Тремейн проговорил:

— Может, мисс Борн объяснит мне, что произошло?

Сандра Борн посмотрела в упор на безобидного с виду мужчину, сидящего напротив. Ее карие глаза за стеклами очков выражали неуверенность. Она как будто искала подтверждений и не могла найти их. Доктор понял, в чем дело, по ее движению в его сторону.

— Все хорошо, Санди, — мягко заверил он. — Как я вам и говорил. Если расскажете Мордекаю все, он наверняка су-

меет помочь вам. — Пол виновато взглянул на Тремейна. — Об этом мы раньше не упоминали, не желая ставить вас в неловкое положение, — продолжил он, обращаясь к другу, — но деревня полнится слухами и сплетнями с тех пор, как стало известно о прибытии инспектора Бойса. Боюсь, что всем в округе уже известно, что вы его друг. Вот почему, когда недавно Санди обратилась ко мне, я предложил ей подождать и поговорить с вами. Надеюсь, вы не возражаете?

— Ничего страшного, Пол, — ответил Тремейн. — Я уже знаю, что факт моего шапочного знакомства с инспектором Бойсом стал общеизвестным.

Он не сомневался, что именно данное обстоятельство стало определяющим в отношении к нему Полин Конрой, когда он встретился с ней и с Сержем Галески. Оно явилось причиной нежелания Полин продолжать разговор и ее старания оправдаться.

Ей хотелось избежать встречи с ним, поскольку она знала: все, что она скажет, может дойти и скорее всего дойдет до ушей инспектора из Скотленд-Ярда. Отсюда следовало, что Полин есть что скрывать. В Далмеринге каждому есть что скрывать, с грустью подумал Мордекай Тремейн.

Он посмотрел на Сандру Борн сквозь стекла пенсне, задержав на губах дружескую и подкупающую улыбку.

— Кажется, я догадываюсь, что вас тревожит, мисс Борн, и почему вы здесь. Вы сказали инспектору Бойсу, что, когда мисс Дэр не вернулась, несмотря на поздний час, вы как ни в чем не бывало отправились спать, считая, что она сама открывает дверь своим ключом. Это заявление... не совсем правдивое. Ведь так?

Карие глаза Сандры Борн широко раскрылись. Теперь в них мелькало удивление. Однако намек Мордекай Тремейна на то, что немалая часть истории ему уже известна, пробился сквозь ее ледяную сдержанность, придал ей смелости высказать то, что она собиралась.

— Верно то, что я легла в постель, — понизив голос, произнесла Сандра. — А все остальное — неправда.

— Хотите сказать, волновались за мисс Дэр?

Она кивнула:

— Да. И я... не просто волновалась. Мне было страшно.

— Потому что перед уходом мисс Дэр обещала вернуться к одиннадцати часам?

— Так вы знаете?

— Да, — подтвердил Трмейн. — А вот чего я не знаю, так это почему вы хотя бы не позвонили мистеру Возну, когда мисс Дэр не вернулась домой.

— Вот поэтому я и пришла сюда. Чтобы... рассказать вам.

Эти слова дались Сандре с трудом. Казалось, она говорила вопреки воле, только из чувства долга.

— Я понимала, что инспектор не поверит мне. Наверное, потому, что он знал: Лидия предупредила меня, когда собиралась вернуться. А когда не вернулась, я не позвонила... и не забила тревогу. Я думала — она все еще с Мартином.

Последние слова вылетели у нее как вздох. Ей стоило немалых трудов выговорить их. Сандра сжалась, в глазах блеснули слезы. Трмейн постарался скрыть замешательство:

— Вы считали, она все еще с мистером Возном? Но я не вполне понимаю...

— Мартин был влюблен в Лидию.

Присутствующие молчали. Наконец Пол Расселл проговорил:

— Вы уверены?

— Это правда, — промолвила Сандра. — Я давно об этом знала.

— Вы думали, что Лидия... осталась с ним по собственной воле?

Взгляд Расселла — недоверчивый, сомневающийся — был устремлен на нее. Сандра Борн кивнула, показывая, что поняла вопрос, и одновременно отвечая на него. Расселл переглянулся с женой, словно обращаясь к ней за утешением.

— Лидия... нет, не верю. Просто не могу поверить.

— Мисс Борн сообщила нам, что только подумала о том, будто мисс Дэр осталась у мистера Возна, — вмешался Мордекай Трмейн. — Но, как нам известно, на самом деле она у него не осталась. Так что пока никаких объяснений мы не услышали.

— Понимаю, что вы имеете в виду, — произнесла Сандра. — Это я виновата. Я... сомневалась в Лидии. И позволила

себе думать, что она способна остаться у Мартина. Я предала ее.

— Санди, не надо!

Но она уже решила высказаться и пропустила возглас Джин Расселл мимо ушей:

— Я догадалась, что Мартин влюблен в Лидию, несколько месяцев назад, но он, похоже, любил ее все время, с тех пор как мы приехали сюда. Поначалу я радовалась. За Лидию. Мы, все трое, всегда были хорошими друзьями. Мысль, что Мартин и Лидия пожениются, казалась естественной. А потом я узнала про Джералда. Странно... Можно жить рядом с людьми, быть их близким другом, думать, что знаешь про них все, а потом вдруг обнаружить, что на самом деле не знаешь про них самого важного. Вот так было и с нами. Я считала, что знаю о Лидии все: какую еду она любит, какие книги ей нравятся, как она предпочитает одеваться. Мы же были лучшими подругами. Но прошло немало времени, прежде чем я выяснила про Джералда. Лидия познакомилась с ним в Шотландии, когда ездила в отпуск. Она переписывалась с ним, встречалась в Лондоне. Говорила, что уезжает по делам или проведать давних школьных друзей. В Далмеринге Джералд не появлялся, потому я и не подозревала, что дела Мартина плохи, а Лидия влюблена в другого.

— Но мистер Воэн все-таки узнал об этом, верно? — спросил Тремейн. — Если не ошибаюсь, в деревне знали, что мисс Дэр выходит замуж за мистера Фарранта.

— Да. Их помолвку объявили два или три месяца назад.

— Как это воспринял ее мистер Воэн?

— Нормально. По-моему, мало кто догадывался, что он влюблен в Лидию.

— Я понятия не имел, каково ему пришлось, — произнес Пол Рассел. — Он же вообще не подавал виду. Казалось, Мартин искренне обрадован известием, как и говорил вам сегодня утром.

— А я знала, — тихо проговорила Джин. — Мартин прекрасно умеет скрывать свои чувства, но это удастся ему далеко не всегда.

Мордекай Тремейн задумчиво посмотрел на Сандру Борн:

— Вероятно, втайне вы были не совсем довольны, мисс Борн. Я имею в виду, что вы отчасти сомневались, правильно ли поступает мисс Дэр.

— Да, — кивнула она, — я сомневалась. Может, потому, что в моем представлении Лидия всегда ассоциировалась с Мартином, и мне казалось, что я вижу, как она начинает отвечать на его чувства — в мелочах, в том, как говорила с ним, смотрела на него. Даже после объявления помолвки меня не покидало ощущение, что Лидия сама не вполне уверена в своем решении и Мартин занимает слишком много места в ее мыслях.

— Она говорила с вами об этом?

— Вообще-то Лидия не обсуждала свою личную жизнь, по крайней мере, напрямую. По-моему, сделав решительный шаг: объявив о своей помолвке с Джералдом, — она вдруг серьезно задумалась о Мартине. Понимаю, это звучит нелогично, но такое у меня сложилось впечатление. Когда она сказала, что собирается поужинать с Мартином наедине, я невольно задалась вопросом: неужели она все-таки передумала? Вот почему я не стала ничего предпринимать, когда не дождалась ее. Я предположила, что между ними что-то произошло. Решила... что Лидия осталась у Мартина на ночь.

Сандра Борн замолчала и с испугом посмотрела на присутствующих, словно ожидая, что вызвала у них неприязнь своим признанием. Затем она торопливо продолжила:

— Конечно, я ошиблась. Не следовало мне так думать — это некрасивый поступок, предательство. Утром, узнав, что Лидия мертва, я поняла, какого превратного мнения была о ней. И я... мне стало стыдно. Не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал, как мало я доверяла ей и как была к ней несправедлива. Вот почему я сказала, что ушла спать, предоставив Лидии открывать входную дверь своим ключом. Мне не хотелось, чтобы ее память была запятнана из-за моих необоснованных подозрений. Я знаю, инспектор не поверил мне. По его поведению было заметно: он решил, будто я что-то скрываю. Но мне пришлось настаивать на своих словах. Я чувствовала себя как в ловушке... я была в отчаянии. Я должна была загладить вину перед Лидией. И потом...

— И потом, — произнес Мордекай Тремейн, — если бы вы сказали правду, мистер Воэн попал бы под подозрение.

Сандра Борн бросила на него быстрый взгляд, словно его слова вызвали у нее произвольную нервную реакцию.

— Да, — согласилась она, — да, Мартин попал бы под подозрение. Поначалу я не могла думать ни о чем, только что ошибалась насчет Лидии, и все время, пока считала, что она с Мартином, на самом деле она лежала мертвая в темноте. Вскоре я сообразила, что еще это может означать. Догадалась, что, если скажу правду, почему не стала ничего предпринимать, когда не дождалась возвращения Лидии, полицейские поймут, что я знала о любви Мартина к ней. Я знала, что они скажут. Решат, будто Мартин убил ее из ревности — мол, если уж он не сможет жениться на ней, значит, она не достанется никому!

Сандра Борн сидела прямо, ее тонкая фигурка выглядела напряженной и сжавшейся.

— Видите, как все получилось! — в отчаянии воскликнула она. — Я просто не могла сказать правду! Мне пришлось и дальше притворяться, будто мне безразлично. А теперь полиция начала расспросы, и я испугалась... испугалась, что...

Сандра Борн закрыла лицо ладонями. Пол Расселл поднялся, подошел к ней и обнял за плечи:

— Все в порядке, Санди. Вам не в чем упрекать себя.

— Я должна была прийти к вам, Пол! Больше я не могла молчать. И в полицию обратиться не могла. Нельзя же было объяснить им, что Мартин...

— Полиция должна узнать правду, — серьезно произнес Расселл, — чем бы это ни обернулось. Если Мартин невиновен, он так им и скажет.

— Неужели вы хотите... Не может быть, чтобы вы считали Мартина...

Пол не ответил, и Сандра порывисто зажала рот ладонью.

— Нет, нет! — прошептала она. — Только не Мартин!

Долгое время после ухода Сандры Борн Мордекай Тремейн сидел на прежнем месте в затемненной комнате, уставившись на пылинки, кружившиеся в единственном солнечном луче.

Мартин Воэн был последним, кто видел Лидию Дэр живой. Он мог последовать за ней и убить ее в роще. Уже известно, что орудие, которым совершили убийство, принадлежало ему. Воэн любил Лидию Дэр. В нем кипели сильные страсти, раньше он вел бурную жизнь — Пол Расселл рассказывал о том, как сложилась карьера Воэна, о мрачных обстоятельствах, каким он обязан своим состоянием. В сильном стрессе Воэн мог взяться за старое.

Он поглощен изучением жизни, которую вели люди в древности. И наверняка усвоил немало странных и ужасных знаний, в том числе о жестокой мести, кровавых жертвоприношениях, первобытной ненависти. А Лидия Дэр собиралась выйти за другого.

Все складывалось. Как же все точно складывалось, черт возьми!

Глава 8

Расположившись в неприметном углу деревенского клуба, Мордекай Тремейн наблюдал за репетицией постановки «Для убийства есть мотив». Поймав вопросительный взгляд Пола Расселла, он кивнул. Тремейн был доволен. Желая увидеть и изучить представителей далмерингской «колонии», он не мог бы выбрать более подходящего места.

Несколько человек, которых Тремейн застал по прибытии в клуб, узнали его и заговорили с ним. Джеффри Маннинг, Филлис Голуэй, Эдит Лоррингтон и Говард Шеннон — все они поздоровались с ним, но лишь Шеннон выразил интерес. Тремейн заметил, что этот упитанный мужчина нервно поглядывает на него, словно не может понять, зачем он здесь, и это его тревожит.

Эдит Лоррингтон улыбнулась ему, но улыбка была туманной и неопределенной, брошенной в тот момент, когда она проходила мимо, торопясь по столь же туманным и неопределенным делам.

Мордекай Тремейн отметил, что Джеффри Маннинг вообще не смотрит на него. Все внимание Джеффри было приковано

к Филлис Голуэй. Похоже, Маннинг не остался равнодушен к чарам девушки, как казалось в «Стране роз», и у Тремейна в душе возникла радость. Его сентиментальную натуру искренне огорчало, что двое молодых людей, буквально созданных друг для друга, будто бы предпочли игнорировать один другого.

Наблюдая, как они стоят бок о бок на деревянной сцене, отмечая, как грубоватое, но приятное лицо Маннинга оживает, стоит ему взглянуть на Филлис, Тремейн одобрительно кивал. Значит, чувства все-таки возникли.

Ему пришлось строго одернуть себя и вернуться к решению предстоящей задачи. Рассуждать о чувствах нет смысла. Ему ничего не известно ни о Джеффри Маннинге, ни о Филлис Голуэй. Он занят серьезным делом, сантименты в котором не только неуместны, но и опасны для суждений. В Далмеринге совершено убийство, и до тех пор, пока виновный не будет скован цепями правосудия, даже романы здесь выглядят подозрительно.

Вразумив себя таким образом, Тремейн поудобнее устроился и стал ждать, что произойдет дальше.

Остальные члены труппы прибыли почти одновременно, и в суете подготовки к репетиции присутствие Мордека Тремейна прошло практически незамеченным. Если не считать сцены, над которой горела электрическая лампочка, зал был сумрачным, полным теней. Деревенскому клубу, длинному строению с низким потолком, темными балками и узкими окнами в частых свинцовых переплетах, яркого освещения не доставало даже в разгар дня, а теперь, когда вечернее солнце уже спустилось за верхушки соседних деревьев, зал быстро заполнял полумрак.

Вскоре репетиция началась, и поскольку внимание всех было приковано к сцене, никто не высказался по поводу присутствия Тремейна, хотя он заметил, что несколько человек сумели разглядеть его скромную фигуру в тени и узнали его, проявив различную степень заинтересованности. Одной из этих опоздавших была Карен Хэммонд. Тремейн видел, как ее светловолосая головка повернулась в его сторону, а потом заметил, как Карен толкнула в бок своего спутника, который по этому сигналу, хотя и украдкой, тоже обернулся.

Тремейн догадался, что это, наверное, муж Карен. Близкие отношения, связывающие их, были очевидны — и считались бы чуть более очевидными, чем позволяют приличия в общественном месте и среди столь сплоченного сообщества, если бы не были узаконены браком.

Филипп Хэммонд был уже немолод, однако выглядел все еще представительно. Светлые волосы начинали редеть, но так, что лишь подчеркивали его внушительность, открывая широкий лоб — лоб мыслителя и человека, привыкшего брать на себя груз ответственности. Черты были твердыми и отчетливыми, хоть рот, пожалуй, казался немного чувственным, а губы — полноватыми. Сложение он имел стройное, даже, пожалуй, тонкое, но соразмерное, и, несмотря на некоторую subtilность, производил впечатление уверенности и силы. По мнению Тремейна, Филипп Хэммонд принадлежал к тем мужчинам, которые нравятся женщинам, умеют внушить им и уважение, и желание окружить заботой. Рядом с таким мужчиной они могли проявлять материнские инстинкты и радоваться, что сбылось их тайное желание: к ним относятся как к слабому полу.

Хэммонд не принимал участия в постановке, хотя его жена играла в ней весьма важную роль. Он занял место возле сцены, но почти не уделял внимания тому, что там происходило. Сразу стало ясно, что эта репетиция далеко не первая. Игра шла гладко, актеры лишь иногда забывали свои реплики. Помощь суфлера — эту малопочетную, но необходимую обязанность взяла на себя Джин Расселл, — им требовалась редко.

По мере того как развивалось действие, Тремейн ловил себя на мысли, что оно все сильнее увлекает его. Поначалу интерес вспыхивал в нем периодически, порожденный скорее актерами, чем пьесой, однако постепенно происходящее на сцене захватило его внимание.

Одной из причин этого был Мартин Воэн. Этот рослый и крупный мужчина демонстрировал явное актерское мастерство. Выходя на сцену, он, казалось, доминировал над остальными. Свои реплики произносил выразительно, и они звучали как истина. Воэн не просто играл — он жил в своей роли.

Пьеса близилась к кульминации, и становилось очевидно, что Возн затмевает остальных, становится влиятельной фигурой, приобретая значение, которое и не пытался придать ему автор. Вероятно, дело было в том, что его роль разрасталась, он сам неумолимо наращивал ее каждой репликой, а остальные персонажи словно постепенно съеживались, тускнели по сравнению с его блеском, и сила, покидающая их, вливалась в него, придавая другим сходство с марионетками, вяло копошащимися в тени титана.

Он, человек, шагнул над тесным миром,
Возвысаясь, как Колосс...*

Эти строки всплыли в голове Мордекая Тремейна. Ему было ясно: нет, он не пал жертвой своей бурной фантазии. Не только он один заметил данный феномен. Это было ясно по лицам, которые Тремейн видел вокруг: белым и неподвижным в полутьме или желтоватым и застывшим под электрическим светом; лицам не только тех, кто смотрел на сцену из зала, но и самих актеров. Об этом свидетельствовали и вопросительные взгляды, какими обменивались присутствующие, и постепенно возникающее затишье, как перед бурей, в напряженной атмосфере зала.

Сандра Борн смотрела на сцену из-за кулис. Тремейн видел шапку ее волос, временами — блеск стекол очков в черепашковой оправе, когда она выглядывала из-за угла каких-то декораций. Стояла она слишком далеко, освещение было недостаточным, чтобы Тремейн мог определить, оправилась ли она после недавней бури эмоций, которую переживала, рассказывая днем свою историю. Однако он полагал, что Сандра Борн сделала все, чтобы скрыть следы потрясений, предшествовавших приходу на репетицию.

Судя по тому, что говорил Пол Расселл, у Тремейна сложилось впечатление, что Сандра Борн взяла на себя львиную долю дел, связанных с постановкой «Для убийства есть мотив». Несмотря на то что никакую роль в пьесе она не играла,

* Шекспир. У. Юлий Цезарь, акт I, сцена 1 (пер. М. Зенкевича).

Тремейн догадался, что без ее усердия, терпения и тихой решимости эта затея не расцвела бы так пышно. Или же давно зачахла бы от всеобщего впадения в апатию.

— Преданная, старательная, маленькая Санди, — говорил Расселл, — всегда брала на себя больше работы, чем кто-либо, и справлялась с ней, поднимая меньше всех шума. — И добавил: — Ради всего святого, не говорите ей, что я так сказал, не то она разорвет меня в клочки! Сандра терпеть не может все, что хотя бы отдаленно напоминает рекламу.

Расселл заговорил о своем беспокойстве за Сандру. Убийство стало для нее колоссальным потрясением. Она была всецело поглощена Лидией. Их жизни казались почти неразрывно переплетенными. Правда, абсолютно всё не знали друг о друге даже они, как в случае с Джералдом Фаррантом, но в мелочах, интимных подробностях повседневной жизни соответствие было полным. Расселл тревожился за Сандру как врач, его беспокоило воздействие, оказанное на ее нервную систему резким прекращением близкой дружбы и доверительного общения, которое было неотъемлемой частью ее существования.

Да еще вопрос с Возном. Сразу после потрясения, вызванного смертью Лидии, Сандра испытала сильный страх при мысли, что в случившемся виновен Мартин Возн.

Что за тайная борьба творилась у нее в голове? В состоянии какой пытки сомнением и страхом она жила, пока не решилась явиться в «Страну роз», чтобы облегчить душу и рассказать всю правду, прибегнув к освященному веками средству исповеди? Пол Расселл мрачно покачал головой. Несомненно, Сандру безжалостно раздирали противоречивые мысли. Преданность Лидии, Мартину Возну, яростное желание выяснить правду и отомстить убийце и при этом боязнь лишиться оставшихся друзей — вот какие чувства вели битву в ее душе.

Внезапные рыдания после того, как Сандра закончила рассказ, послужили чем-то вроде срыва предохранительного клапана. Они позволили выпустить бушующие в душе эмоции, вместо того чтобы загонять их еще глубже. Это принесло Сандре облегчение, избавило от нервного истощения — возможно, еще не скорого, но гораздо более пагубного.

Тремейн пытался угадать, о чем думает Сандра, стоя за кулисами и глядя на игру Мартина Воэна. Неужели и она мучается под грузом того же напряжения, который так явно отягощает всех остальных? Даже если Мартин не усугублял его сам манерой, в какой играл свою роль, в нем определенно было что-то обеспечившее ему сегодня всеобщее внимание. Подозрения распространились по Далмерингу. Они были очевидны, как если бы на грудь Воэну повесили плакат с пальцем, обличительным жестом указующим на него самого. В деревне нет секретов. Еще не прозвучало определенных заявлений, не были сформулированы конкретные обвинения, а этого рослого мужчину уже осудили.

Атмосфера в зале была напряженной, заряженной убежденностью в виновности одного из присутствующих. Только теперь Тремейн понял это. Он удивился, как не почувствовал этого раньше, — он, гордившийся своим умением улавливать и распознавать подобные нюансы.

Один лишь Воэн, казалось, ничего не замечал. Он продвигался по своей роли широкими шагами человека, который живет лишь для того, чем занят в данную минуту.

А потом — будто до этого момента в его разуме царил мрак, который вдруг рассеяли, открыв ставни, — Мордекай Тремейн осознал, что происходит. Он понял, почему сам воздух был пропитан этим ужасным, сковывающим, невысказанным обвинением. Сообразил, почему игра Воэна была настолько захватывающей и драматичной.

Воэн играл роль Роберта Барнетта — адвоката, влюбленного в девушку намного моложе его самого. Роль этой девушки досталась Филлис Голуэй. Увидев ее, прелестную и милую, на сцене, Тремейн отметил: неудивительно, что холостяк средних лет, которым, по замыслу автора, должен быть Воэн, влюбился в нее. Будь сам Тремейн тридцатью годами моложе, он с удовольствием последовал бы этому примеру.

Поначалу ситуация в пьесе складывалась благоприятно для Барнетта, но вскоре удача отвернулась от него. Молодой соперник (Джеффри Маннинг) бросил ему вызов. Девушка, если и не влюбленная, то не имевшая ничего против Барнетта, засомневалась. Она не была уверена, что готова связать свою

жизнь с человеком намного старше ее, обладающим укоренившимися привычками.

Драма устремилась к кульминации. Ревность постепенно разъедала душу Барнетта, пока не поглотила его, не превратив из мыслящего человека в хитрого безумца, жаждущего мести.

Тремейн уже знал, каким будет следующий ход. Роберт Барнетт убьет девушку. Мартин Воэн убьет Филлис Голуэй. Мартин Воэн убьет Лидию Дэр. Мартин Воэн убил Лидию Дэр...

Та же самая цепочка мыслей выстроилась в голове всех присутствующих в зале. Причина, по которой Мордекай Тремейн не понял того, о чем остальные догадались гораздо раньше его, только теперь стала ясна. В отличие от других у него отсутствовало преимущество: прежде он не видел пьесы и не знал, что Воэну досталась в ней роль убийцы.

А среди тех, кто знал об этом, был, конечно, и сам Мартин Воэн. Вот почему он господствовал на сцене с самого начала и продолжал господствовать сейчас. Он вел себя так же, как в разговоре с инспектором Бойсом и с самим Тремейном сегодня днем: умышленно агрессивно. Воэн выставлял напоказ параллель между своей игрой на сцене и поступками, которые, как он знал, приписывают ему в действительности. Он потрясал ею, как тореадор на арене красным плащом, подстрекая животное ринуться в атаку. Только быком на сей раз являлись невысказанные обвинения.

Убийство в пьесе было совершено демонстративно, с вызовом. Громовым голосом произнеся свои реплики, Мартин Воэн вонзил в жертву нож со свирепой жестокостью, выдавшей его. При любых других обстоятельствах его игра потрясла бы зрителей, но воспоминания о подлинной трагедии были еще слишком свежи для отвлеченной оценки убийства, сыгранного на сцене. Оно выглядело перчаткой, брошенной к ногам тех, кто его видел.

Этим преступлением пьеса не заканчивалась. Напротив: до того как занавес опустили в последний раз, произошло еще две насильственных смерти. Пьеса «Для убийства есть мотив» собрала целый урожай трупов. Однако слава досталась Воэну — по крайней мере, сегодня вечером. Перед всплеском

его ревности — точнее, изображения и ревности, и кровавой кульминации страсти, — прочие преступления бледнели, отступали и теряли значимость. Они являлись побочными линиями, поддерживавшими центральную драму; им недоставало энергии, сравнимой с неистовым реализмом, который Воэн вложил в свою игру.

Тремейн подверг пьесу придирчивому изучению. Какого эффекта стремился добиться автор? Разумеется, он делал ставку на остроту сюжета как способ развлечь публику, но в пьесе чувствовалась не только она. Убийство было проанализировано. Предпринята попытка исследовать скрытую психологию убийства, произвести как бы вскрытие умов тех, кто его совершил.

Карен Хэммонд тоже играла убийцу. Ее жертвой стал Говард Шеннон. Тремейн почти посочувствовал этому упитанному мужчине. Одна из сцен заканчивалась тем, что его «труп» обнаруживали в кофре, поставленном у самой рампы. Неудивительно, подумал Тремейн, что костюм Шеннона вечно измят! Он вынужден на каждой репетиции проводить время в неудобном положении внутри кофра, ожидая, когда его «обнаружат». Попытка воспроизвести все детали выглядела старательной — Шеннона действительно находили внутри кофра.

Мотив этого «убийства» тоже был знакомым. Шеннон играл роль неверного мужа, которого убила измученная ревностью и отчаявшаяся жена. Другая женщина на сцене так и не появилась, однако диалог предполагал ее присутствие настолько недвусмысленно и умно, что положение обманутой жены постепенно становилось невыносимым. Ситуация, созданная упоминаниями о событиях и лицах, не фигурирующих на сцене, напомнила Тремейну пьесу «Ревность» французского автора Луи Вернея — поистине маленький шедевр, в котором участвовали всего два персонажа, а ход событий был воссоздан диалогом.

Третьей «жертвой» стала Полин Конрой. Тремейн, втайне стыдясь своей черствости, не испытал сочувствия к ней. Вероятно, его реакция была подсознательной. Он опасался таких ярких и властных женщин, как Полин: сталкиваясь с ними,

всегда чувствовал себя мальчишкой, которому остро недостает защиты, несмотря на попытки изобразить бесстрастность.

Очередное открытие позабавило Тремейна: «убийцей» Полин оказалась Пол Расселл. Терпеливый дружелюбный старина Пол играл преступника! Овца в волчьей шкуре!

Это последнее преступление было весьма запутанным, основной акцент в нем сделали на психологию и взаимосвязь эмоций. Полин Конрой играла молодую честолюбивую актрису Марго Форестер — близкая к жизни и потому несложная для нее роль. Доктор был ее злым гением — и по совпадению, в пьесе он тоже оказался врачом. Тремейн предположил, что именно это случайное сходство повлияло на выбор актеров.

Под влиянием и руководством доктора Карла Лоудона Марго Форестер приближалась к успеху, которого так жаждала. Но за него требовалось заплатить: успех целиком завладел жизнью и привязал Марго Форестер душой и телом к человеку, кто ее создал.

Разумеется, долго так продолжаться не могло. Неявное стремление к свободе вылилось в жгучую ненависть к доктору-собственнику, который дал ей все, о чем она мечтала, но вместе с тем превратился в силу, господствующую в ее жизни. Карл всегда находился рядом, на втором плане: советовал, приказывал, заключал существование Марго Форестер в рамки. Это Карл говорил, как она должна поступить, и Карл заявлял, чего она делать не должна. Карл, Карл...

А Марго Форестер, решив порвать с ним, сразу узнала, что в его намерения не входит возвращать ей свободу: он и не собирался отпускать ее из рабства. Она умоляла его, осыпала бранью и наконец заявила, что у нее есть другой мужчина и она уходит к нему. Это была неправда: никакого другого мужчины не было, — но доктор Карл поверил ей и убил ее. Не в порыве страсти, после яростной, эмоционально накаленной сцены, а холодно, расчетливо отравил, ведь он как врач прекрасно разбирался в ядах, и его целеустремленность выглядела еще ужаснее от этой внешней бесстрастности.

Тремейну показалось, будто эта роль стесняет Пола. Он старался изо всех сил, но было очевидно, что поклонник естественных наук, эгоистичный убийца Карл Лоудон далек от

добродушного и покладистого гуманиста Пола Расселла, которого знали и любили в Далмеринге. Пол силился изобразить тирана и садиста с образом жизни, совершенно чуждым его собственному, и контраст между действительностью и игрой временами бросался в глаза.

Зато Полин Конрой была великолепна. Она не нравилась Тремейну, однако он великодушно признал, что играть Полин умеет. Ее Марго Форестер была продуманным и понятным сценическим образом. И если бы не ошеломляющее господство Мартина Воэна, игра Полин привлекла бы гораздо больше внимания.

Как и следовало ожидать, три отдельных, хотя и взаимосвязанных сюжета оставляли от пьесы хаотичное впечатление. Ее построение не всегда было безупречным, но в ней безусловно ощущалась некая притягательность. Пьеса внушала ощущение ужаса и взрывной силы. Тремейн легко мог представить, с каким жаром примут ее зрители.

Когда занавес опустился в последний раз, никаких попыток разобрать сегодняшнюю игру так и не было предпринято. Словно по молчаливому согласию, актеры и зрители разбрелись кто куда, образовали небольшие группы и завели бессодержательные разговоры, но явно напускная и неуместная веселость выдавала их старания вести себя как ни в чем не бывало. Эта последняя репетиция пьесы «Для убийства есть мотив» больно задела за живое, грубо разбередила еще открытую мучительную рану, чтобы допускать какие-либо обсуждения.

Мартин Воэн сел на стул возле самой сцены и изучал записи в блокноте, который принес с собой. Никто не сделал попытки заговорить с ним, и Тремейн предположил, что Воэн ищет прибежища и притворяется, будто читает, чтобы старания, с которыми его избегали остальные, не выглядели настолько очевидными.

Как ко всему происходящему относится сам Мартин, понять было трудно. Несмотря на видимую увлеченность своим занятием, на его лице по-прежнему был написан вызов. Неужели Воэн вел себя так резко, потому что был виновен и знал, что дверца ловушки вот-вот захлопнется за ним? Или потому, что был виновен и решил создать впечатление вины, которое,

как ни парадоксально, навело бы на мысль: если он так открыто выдает себя, значит, все-таки невиновен?

Тремейну так и не представилось возможности проследить дальнейший ход этих мыслей, которые в любом случае обошли бы полный круг и привели его обратно к тому, с чего он начал: Пол Расселл попытался привлечь его внимание. Доктор беседовал с Карен Хэммонд и ее мужем и явно помнил о желании приятеля познакомиться с Филиппом Хэммондом.

Их представили друг другу. Тремейн отметил, что подвергся тщательному осмотру: в момент рукопожатия Филипп Хэммонд взгляделся в его лицо не просто с обычным и понятным любопытством. Он словно составлял мнение о новом знакомом, производя оценку его способностей. Тремейну показалось, что Хэммонд разочарован. Что промелькнуло в его поведении — легчайшая тень огорчения? Возможно, однако Тремейн не видел причин для подобной реакции. Люди зачастую поначалу бывали разочарованы, сталкиваясь лицом к лицу с пожилым и добродушным бывшим хозяином табачного магазина, поправлявшим старомодное пенсне, по милости Провидения сидевшее на его носу, а не на волевом лице явного сыщика, худом и хищном, на котором прямо-таки написано «охотник на людей».

Но даже если Хэммонд думал именно об этом, то ничем не подкрепил догадки Тремейна. Состоялся обмен привычными репликами.

— Как вам пьеса, Мордекай? — осведомился Расселл.

— Сразу и не поймешь, Пол, однако должна иметь большой успех. По-моему, постановка превосходна.

— Это все благодаря Санди, — произнесла Карен Хэммонд. — Она трудилась больше всех нас, чтобы этого добиться.

— По-моему, мистер Возн прекрасно сыграл свою роль, — заметил Тремейн.

Он ожидал, что все вдруг замолчат, и не ошибся. Вокруг стало тихо.

— Эм-м... да, — наконец поспешно подтвердил врач, прежде чем молчание стало неловким. — Обычно Мартин очень хорош.

Ни Карен Хэммонд, ни ее муж даже не попытались пояснить реплику Расселла. Тремейн увидел, как брошенное им семя упало в каменистую почву, и сказал:

— И вы тоже были замечательны, миссис Хэммонд. Вам довелось много играть на сцене?

— Нет, — улыбнулась она. — На сцене я играю впервые, если не считать мелких ролей в школьных постановках, когда меня приходилось буквально выталкивать из-за кулис. Вы хотите мне польстить.

— Напротив, я искренне считаю, что вы сыграли отлично, — заверил он и добавил: — А мистер Хэммонд, знает, не играет в пьесе?

Филипп Хэммонд хотел ответить, но его жена вмешалась еще до того, как он выговорил первые слова:

— Нет, Филипп так занят, что у него нет времени на репетиции. Вот он и решил, что брать на себя большую роль было бы некрасиво по отношению к остальным. Он пытался, конечно, но несколько раз вырвался на репетицию с таким трудом, что в конце концов отказался от этой мысли. Это было, когда мы еще только читали пьесу. До того, как распределили роли.

— Дайте-ка вспомнить... — вмешался Расселл. — Кажется, Филипп, вам предлагали роль, которую сыграл Шеннон? В паре с вашей женой? По-моему, от этой роли вы были не в восторге.

Карен Хэммонд мгновенно встрепенулась, но ее муж остался невозмутим.

— Все верно, Пол, — спокойно подтвердил он. — Мне действительно предлагали ее, но я отказался — по тем самым причинам, какие назвала Карен: порой мне бывает сложно вырваться вовремя из конторы. Вот часть цены, которую мне приходится платить за удовольствие жить в Далмеринге, — сказал он Тремейну.

Тот понимающе кивнул:

— За это удовольствие определенно стоит заплатить.

Через минуту-другую группа распалась — Джеффри Маннинг окликнул Карен Хэммонд, спрашивая о партии в теннис, видимо, назначенной ранее и теперь скорее всего отменен-

ной, — и Тремейн воспользовался случаем, чтобы внимательно осмотреть клуб. Ему с избытком хватило времени изучить зал, пока шла репетиция, однако он был не прочь узнать, что представляет собой остальное здание.

Сцена, хоть и не блистала убранством, была добротной, с двойным занавесом. Для любительского театра занавес работал на удивление гладко и надежно. За сценой располагалось несколько комнаток: две по обе стороны служили гримерными и соединялись с третьей, побольше, так что можно было, когда это требовалось по ходу действия, уйти со сцены за кулисы с одной стороны и явиться с другой, не выходя из здания и не показываясь зрителям.

В средней закулисной комнате находилась большая фарфоровая раковина с двумя кранами, газовая горелка и газовая плита. На простом кухонном столе размещались аккуратные стопки блюдца, чашки, кувшин, в котором еще осталось немного молока, и жестянки с чаем и сахаром. Похоже, в этой комнате располагался штаб и мозговой центр постановки, здесь же во время репетиций и после них было заварено и выпито множество чашек чая, хотя сегодня вечером — возможно, из-за атмосферы, созданной Мартином Воэном, — чаепития, вопреки традициям, не намечалось.

— Мне сообщили, — раздался негромкий голос, — что вы детектив.

Тремейн услышал шаги по голым половицам и обернулся. Вслед за ним в комнату за сценой вошел Филипп Хэммонд.

— Это преувеличение.

— Наверное, — кивнул Хэммонд. Он держался бесстрастно и полностью владел собой, взгляд был по-прежнему оценивающим и осуждающим. — Вам известно, разумеется, кто убил Лидию.

Его спокойные слова вызвали удивление на лице Тремейна, и Хэммонд, заметив это, улыбнулся.

— Естественно, окончательные решения принимаете не вы, но нам незачем ходить вокруг да около. Это сделал Воэн. Когда вы намерены арестовать его?

— У меня нет полномочий арестовывать кого-либо, мистер Хэммонд. Не кажется ли вам, что эти обвинения слишком серьезны, чтобы выдвигать их против мистера Воэна?

— Убийство и впрямь не шутка, — заявил Хэммонд. — Может, вы и не вправе брать преступника под стражу, зато ваш друг, инспектор Бойс, располагает подобными полномочиями. — Он приблизился и понизил голос: — Мы знаем: человек, которого вы ищете, — Воэн. Так почему бы не покончить со всем сразу? Арестуйте его, и этому злополучному делу конец. Скоро каждый несчастный газетный писака в этой стране явится сюда, чтобы всюду совать свой нос, выведывать и вынюхивать. Далмеринг превратится в огромную замочную скважину, в которую жадно глазают психопаты, искатели сенсаций и сплетники. Еще немного — и все мы лишимся права на частную жизнь. Упрячьте Воэна за решетку, накажите его, как он того заслуживает, и давайте раз и навсегда забудем об этой истории.

Тремейн попытался придумать достойный ответ, но не смог. Хэммонд неверно истолковал его молчание.

— Вам нужны доказательства? — проговорил он. — Это вас останавливает? Я предоставлю их вам. Доказательства более чем достаточные, чтобы убедить двенадцать порядочных людей и вздернуть его. Но когда вы увидите их, действовать нужно быстро.

За дверью раздались шаги. Хэммонд замолчал.

— Не хватало еще, чтобы нас услышали, — пробормотал он. — Надеюсь, мы с вами поняли друг друга.

Бросив на Мордекая Тремейна внимательный взгляд, Хэммонд круто повернулся. Тремейн посмотрел ему вслед, открыл рот, но вновь закрыл его, не издав ни звука. Его ошеломила манера держаться, свойственная Филиппу Хэммонду. Деловитая точность и спокойное провозглашение Мартина Воэна виновным лишили Тремейна дара речи.

Он машинально направился к двери. После волнений Карен Хэммонд, после того как она догнала его возле «Страны роз», он ожидал, что и ее супруг пожелает побеседовать с ним, но никак не мог предвидеть, какой оборот примет этот разговор.

Когда Тремейн вышел в соседнюю примерную, в дверь из главного коридора шагнул Говард Шеннон. При виде Тремейна он замер, взгляд стал испуганным.

— Я не стану отвечать ни на какие вопросы! — выпалил он. — Вы меня не заставите! Вы неофициальное лицо. И не имеете права вести допросы. Я ничего вам не скажу, ясно?

Говард Шеннон ринулся вперед. Несколько раз тщетно дернув дверную ручку, он все же сумел открыть дверь, ведущую из здания на открытый воздух, и буквально вывалился в нее, задевая косяки пухлыми боками. Дверь с грохотом захлопнулась за его спиной.

Мордекай Тремейн поправил свое пенсне и глубоко вздохнул. Безусловно, вечер выдался богатым на сюрпризы.

Глава 9

В половине седьмого утра, в одних пижамных штанах, подставив голую грудь утреннему ветерку, Мордекай Еврипид Тремейн делал зарядку перед распахнутым окном. Вот уже много лет он, просыпаясь утром, посвящал десять минут зарядке как зимой, так и летом. Тремейн первым признал бы, что физический эффект его упражнений почти незаметен, зато психологическая ценность неизмерима.

Но этим утром он сразу сообразил, что привычный ежедневный ритуал утратил сопутствующие ему преимущества. Тремейн так и не смог уделить должного внимания факту, что вытягивает в легкие свежий, живительный воздух. Мысли где-то блуждали. В эти минуты он словно был не у себя в спальне, а в клубе деревни Далмеринг, воскрешая в памяти события минувшего вечера.

По-прежнему озабоченный, Тремейн побрился и оделся. Он понимал, что вряд ли обретет душевный покой, пока не «классифицирует» Филиппа Хэммонда и Говарда Шеннона и не определит их, снабдив надлежащими ярлыками, каждого на свою полку. В том, что эти двое — загадочные люди, Тремейн не сомневался.

А если в чем-то и был не уверен, так только в том, какова истинная природа тайны в каждом случае и связана ли она напрямую с убийством Лидии Дэр.

Когда Тремейн сел за стол, накрытый для завтрака, Джин Расселл окинула его внимательным взглядом:

— Мордекай, вы порезались...

Он смущенно потрогал подбородок.

— Да, сам виноват. Задумался, не уделил внимания тому, что делаю.

— У вас такой вид, будто вы до сих пор в глубокой задумчивости, — добродушно заметил Расселл. — Похоже, наша вечерняя репетиция дала вам обильную пищу для размышлений.

— И репетиция, и еще кое-что, — подтвердил Тремейн.

Было очевидно, что Пол не прочь расспросить его, но, убедив гостя принять активное участие в расследовании убийства, не считает возможным настаивать на откровенности.

— Пол сказал, что вас впечатлила постановка, — произнесла Джин, наливая чай гостю.

— Да, — кивнул Тремейн. — Да, я счел ее весьма... — Он помедлил, подыскивая слово. — ...занимательной. Я хотел бы прочитать пьесу, изучить ее подробнее. У вас, случайно, нет экземпляра, который я мог бы взять на время?

— Есть, конечно, — ответил Расселл. — И у меня, и у Джин. Когда мы решили поставить эту пьесу, заказали несколько машинописных копий.

— Машинописных? Значит, это было не печатное издание?

— Нет. По словам Воэна, достать пьесу в виде книги не удалось, поэтому в Кингсхэмптоне ее перепечатали для нас — между прочим, друзья Эдит Лоррингтон. Если помните, вчера утром она упоминала о них. У них в городе книжный магазин и машинописное бюро.

— Да, помню. Вам, наверное, захотелось поставить именно эту пьесу.

— Во всяком случае, Воэну. И поскольку оказалось, что мы с легкостью справимся с данной постановкой, мы решили сами размножить ее.

Тремейн погрузился в молчание, занявшись своей яичницей с беконом, но через некоторое время он спросил:

— Давно Говард Шеннон здесь, в Далмеринге?

Внезапная смена темы удивила врача:

— По-моему, лет пять или шесть. Но за точность собственных слов я бы не поручился. Мои воспоминания довольно смутны.

— Вы, если не ошибаюсь, говорили, будто о нем мало что известно. Ему приходится зарабатывать себе на жизнь?

Расселл отложил нож и вилку и пожал плечами:

— Извините, Мордекай, я не знаю. Но если он проводит столько времени тут, в деревне, значит, работает не слишком усердно. Похоже, с деньгами дела у него обстоят неплохо. По крайней мере, я ни разу не слышал, чтобы Говард Шеннон отказывался от подписки на какие-либо благотворительные цели или жаловался на финансовые трудности. Ведь он, кажется, приехал тем же поездом, что и вы? Мы еще говорили тогда на станции, что он — наша загадка.

— Да, — кивнул Тремейн. — И эти ваши слова я помню.

После завтрака он закурил обычную сигарету — с трубкой решил не рисковать — и расположился с привезенным с собой выпуском «Романтических историй». Это был явный признак беспокойства, неспособности мыслить ясно. К «Романтическим историям» Тремейн обращался, как иные к спиртному. На страницах с сентиментальным, безобидным текстом он неизменно находил утешение в тревожную минуту. Вот только этим утром его не утешила и романтика. Чуда не произошло. Через полчаса Тремейн сдался, сообщил Джин, что пойдет прогуляться, и медленно побрел по дороге.

Его целью был «Адмирал». С Джонатаном Бойсом он не виделся с тех пор, как они встретились накануне днем, и Тремейн считал, что необходимость вновь побеседовать с инспектором Скотленд-Ярда давно назрела. Бойс говорил, что ему известно орудие убийства, оно принадлежит Мартину Воэну, однако того до сих пор не арестовали. Почему инспектор медлит? В душе Тремейна шевельнулось подозрение, что ответ ему уже известен, и в определенном смысле это вина его самого, Мордекай Тремейна.

Инспектор продолжал поиски мотива. Вероятно, он до сих пор не знал, что Мартин Воэн был влюблен в Лидию Дэр.

Видимо, даже если о чем-то догадывался, то его все равно не поставили перед фактом так недвусмысленно, как это сделала Сандра Борн в разговоре с ним, Тремейном.

Тремейн попытался, но так и не смог найти оправдание своей попытке утаить от Бойса информацию о том, что произошло в «Стране роз». Следовало сразу рассказать инспектору обо всем, что он узнал от Сандры Борн. Само по себе это еще не доказательство, но Бойс поймет, как действовать, чтобы сделать его таковым.

Боковой вход «Адмирала» был открыт. Поскольку спрашивать разрешения было не у кого, Тремейн шагнул внутрь и, толкнув еще одну гостеприимно приоткрытую дверь, очутился в залитой солнцем гостиной с уютными креслами. Единственный присутствующий в ней стоял спиной к Тремейну, глядя вдаль через глубокое эркерное окно с частым, типичным для Далмеринга переплетом, придававшим домам деревни очарование старины. Он не обернулся, наверное, не услышав шагов Тремейна, и тот, подойдя ближе, понял, что же привлекло его внимание.

Из эркерного окна открывался вид на поля за пабом, а также на пешеходную тропу, по которой в этот момент быстрым шагом шел человек, сразу же вспомнившийся Тремейну. Это был похожий на хорька мужчина, проявлявший столь живой интерес к Карен Хэммонд. Минуту Тремейн стоял молча, пока поворот тропы не скрыл незнакомца из виду, а потом негромко произнес:

— Довольно любопытная персона, не правда ли?

Человек у окна обернулся — лет тридцати, хорошо сложенный, с энергичным лицом и внимательными глазами — и осведомился:

— Почему вы так решили?

— Вы ведь мистер Барри Энстон? — продолжил Мордекай Тремейн, уклонившись от прямого ответа. — Барри Энстон из «Дейли рекорд».

— Допустим. И что же?

— Вы здесь, чтобы написать материал об убийстве, — проговорил Тремейн, игнорируя его недружелюбный тон. — Я знаю, кто вы, потому что видел вас вчера и навел справки.

— Неужели? — Энстон отошел от окна на середину комнаты и спросил: — Вы хотели увидеться со мной?

— В сущности, я пришел не за этим, но вы, пожалуй, могли бы помочь мне. Вы, похоже, очень заинтересовались человеком, который только что шагал через поле, и так уж получилось, что и меня он тоже интересуется.

Энстон внимательно посмотрел на Тремейна, но прежде чем успел ответить, дверь снова открылась и вошел Бойс.

— Привет, Энстон! — воскликнул он жизнерадостно и тут увидел Тремейна: — Привет, Мордекай, так вы знакомы?

— Пока нет, — ответил тот. — Но я не теряю надежды.

Газетный репортер перевел взгляд с одного на другого.

— Это ваш друг, инспектор?

— Да, — с готовностью отозвался Бойс. — Он как раз гостит в Далмеринге — по случайному совпадению. У него здесь друзья.

— Моя фамилия Тремейн, — добавил вышеупомянутый гость. — Мордекай Тремейн.

— Извините, — спохватился инспектор, — я думал, вы уже представились друг другу.

— Мы как раз собирались, когда вы вошли, Джонатан. — Тремейн взглянул на репортера. — Я застал мистера Энстона, когда он смотрел в окно — наблюдал за человеком, который шел по тропе через поле. Признаться, и мне стало любопытно, поскольку минувшим вечером именно этот человек остановил меня и завел со мной разговор. Он не из местных, но в последнее время его несколько раз видели в окрестностях. Вот люди и гадают, кто он такой.

Как и рассчитывал Тремейн, инспектор уловил серьезность его тона. Бойс посмотрел на Энстона и поднял брови.

— Вы его знаете?

Репортер кивнул. Если он и не спешил откровенничать с безобидным мужчиной в пенсне, которого не знал, то с Джонатаном Бойсом из Скотленд-Ярда, способным оказаться источником ценных сведений, беседовал охотно.

— Его фамилия Хорнсби, он владелец частного детективного агентства. По крайней мере, такая у него вывеска, но,

по-моему, он ничего не имеет против сочетания привычных методов ведения дел с мелким шантажом.

— Хорнсби? — произнес Бойс, наморщив лоб. — Знакомая фамилия, хоть раньше я с ним не встречался.

— Я столкнулся с Хорнсби, когда собирал материал для статьи несколько месяцев назад, — объяснил Энстон. — Тогда же и заподозрил, что шантажом он не гнушается.

— Это лишь подозрение?

— Пока — да. Полагаю, если бы речь шла о чем-либо серьезном, вы были бы уже в курсе, инспектор.

— У Энстона поразительная память на факты и лица из криминального мира, — объяснил Бойс Тремейну. — Его прозвали «криминальным архивом лондонской прессы».

— На самом деле вы преувеличиваете, — усмехнулся Энстон. — Просто дело привычки. В криминальной журналистике я настолько давно, что моей второй натурой стало запоминать крупницы всевозможных сведений.

Тремейн взглянул на него с уважением и не без зависти.

— Очень полезное свойство, — заметил он и снова обратился к инспектору: — А я ведь на самом деле к вам, Джонатан. Утро чудесное, вот я и подумал позвать вас на прогулку, если вы не слишком заняты расследованием.

Объяснить свое присутствие в «Адмирале» Тремейну было необходимо, поскольку рядом находился Энстон, и по той же причине он не желал чем-нибудь скомпрометировать Бойса. Самому Тремейну собственное оправдание показалось неубедительным, но он надеялся, что присутствующие поверят ему.

— Пожалуй, я мог бы погулять часок, — оживился инспектор, не выказывая ни малейшего замешательства. — Мне пойдет только на пользу немного отвлечься от мыслей об убийстве — заодно и в голове прояснится.

Но, несмотря на легкий тон инспектора, репортер, кажется, не поверил ему. Его взгляд стал озадаченным.

— Есть что-нибудь новое, инспектор? — спросил он.

— Пока нет.

— Вероятны ли в расследовании какие-нибудь неожиданности? — тихо, но настойчиво продолжил Энстон.

Бойс покачал головой:

— Нет, ничего из ряда вон выходящего. Но не падайте духом. Может, скоро у меня появится что-нибудь и для вас, и вам будет чем порадовать публику.

Он говорил беспечно, но в голосе проскальзывали серьезные нотки. Энстон, похоже, оценил их значение, потому что вдруг улыбнулся:

— А у меня, пожалуй, найдется кое-что для вас.

Инспектор вопросительно взглянул на него, но Энстон не стал продолжать.

— Пока я не уверен, поэтому не хочу спешить с выводами, — пояснил он.

— Коронерское дознание, наверное, пройдет сегодня? — спросил Тремейн. — В Кингсхэмптоне?

— Да, — ответил Бойс и добавил: — Если вы не передумали насчет прогулки, Мордекай, пойдемте скорее, пока работа не остановила меня, подняв свою уродливую голову.

Когда они вышли на дорогу, где их не мог услышать репортер, Тремейн произнес:

— Извините, что я влез не вовремя, Джонатан. Надеюсь, я не поставил вас в неловкое положение?

— Нет, конечно. Весь Далмеринг уже знает, что мы знакомы, и Энстон тоже выяснил бы это рано или поздно.

— Но ведь Энстон репортер. Он не осложнит ситуацию, намекнув в газете, каким образом мы с вами связаны?

— Мы с ним давно знакомы. Он ничем не скомпрометирует меня. Сообщать об убийствах — его работа, а я веду расследование. Энстон понимает, что, если и впредь будет поддерживать со мной дружеские отношения, я могу быть во многих случаях полезным ему.

— Ясно, — кивнул Мордекай Тремейн. — *Quid pro quo**.

— Назовем это «сам живи и другим не мешай».

Они шагали по дороге, в приятном свете утреннего солнца. Тремейна не покидало ощущение, что в подобной атмосфере обсуждение убийства и сопровождавших его ужаса и вины выглядит неуместным, однако он все-таки спросил:

— Почему вы не арестовали Воэна?

* Услуга за услугу (*лат.*).

Бойс продолжал идти вперед размеренным шагом.

— А с какой стати?

— Разве вы не считаете, что убийца он?

— Пожалуй, могу предположить.

У Тремейна возникло гнетущее чувство, что он пытается пробить кирпичную стену.

— Вчера вы говорили, что нашли оружие убийства, которое принадлежит Воэну. Почему вы так уверены в этом?

— Я показал его Воэну, и он это подтвердил.

Тремейн попытался осмыслить эту неожиданную информацию.

— Что побудило вас показать ему оружие?

— А я думал, — заметил Бойс, — что цель нашей прогулки — отвлечь меня от вопросов.

— Нет, — признался Мордекай Тремейн. — Это была просто отговорка для Энстона. Я пришел повидаться, потому что мне нужно обсудить с вами кое-что.

Бойс усмехнулся:

— Ладно, сдаюсь. Воэн археолог. В доме у него полно всяких замысловатых и причудливых вещей. Этот нож имеет необычную форму, и мне показалось, что из всех местных жителей Воэн с наибольшей вероятностью знает что-нибудь о нем, вот я и перешел к делу. Принес нож Воэну и спросил, не видел ли он его прежде. И он сразу узнал нож.

— Сказал, что нож принадлежит ему?

— Да.

— Он удивился?

— Очень, — сухо отозвался инспектор. — Точнее, был ошарашен.

— Однако брать его под стражу вы не намерены?

— Пока нет. — Бойс посерьезнел. — Естественно, он не признался, что ему известно что-либо помимо того, что нож принадлежит ему. Мол, даже не заметил, что нож пропал, и понятия не имеет, как он мог попасть к убийце. Да, все это неубедительно, подозрения против Воэна растут, но я не собираюсь слишком поспешно что-либо предпринимать. И не вижу для этого оснований. Когда он мне понадобится — и если понадобится вообще, — он будет здесь же,

на прежнем месте. А если настолько глуп, что захочет удрать, далеко ему не уйти. Мои сотрудники постоянно держат его под наблюдением. Понимаете, Мордекай, арест человека — серьезный шаг, и я не стану совершать его, пока он не будет полностью оправдан.

— То есть вы еще не нашли достаточно веского мотива?

— Пока нет.

— А если, допустим, я мог бы указать вам такой мотив?

— Вы имеете в виду влюбленность Воэна в Лидию Дэр?

Мордекай Тремейн застыл столбом и с упреком уставился на друга поверх пенсне.

— Так вы знаете?

— Догадываюсь, — поправил Бойс. — Это не одно и то же.

Обоим стало ясно, что наступило время признаний.

— Простите, Джонатан, — запинаясь, произнес Тремейн. — Мне следовало сообщить вам об этом раньше, но я пытался решить, как лучше сделать это, чтобы не навредить никому из заинтересованных лиц. Вчера днем Сандра Борн приходила в «Страну роз». Вы были правы, говоря, что, кажется, напугали ее, и этот испуг принес свои плоды.

И он рассказал инспектору все, что выяснил сам, ничего не упуская. Дойдя до удобной приступки, чтобы перебираться через изгородь, Бойс прислонился к ней, будто бы не слушая, но на самом деле не пропуская ни единой подробности рассказа.

— Интересно, очень интересно, — заметил он. — Как думаете, она повторит то же самое в суде?

Тремейн кивнул.

— Но все это, разумеется, лишь косвенные доказательства. Вот если бы найти кого-нибудь, кто действительно видел Воэна той ночью!

Инспектор промолчал. Тремейн выдержал паузу и продолжил:

— Вчера вечером я побывал на репетиции.

— На репетиции? А, вы про ту их постановку. Там произошло что-то достойное внимания?

— Наш друг Воэн блистал при свете ramпы.

Тремейн рассказал о том, что увидел в деревенском клубе. О сюжете пьесы упомянул затем, чтобы объяснить, какую роль в ней играл Воэн, но инспектор заинтересовался поведением присутствующих гораздо больше, чем персонажами, которых они изображали.

— Похоже, отношения между ними становятся натянутыми, — заключил он. — Нет сомнений в том, что они считают Воэна виновным. Если он и вправду был влюблен в Лидию Дэп, то у кого-нибудь из местных жителей обязательно должны были возникнуть подозрения. О них, наверное, давно уже сплетничали.

— Вероятно, — согласился Тремейн и спросил: — Кстати, Джонатан, какого вы мнения о Джеффри Маннинге?

— Пожалуй, неплохой парень, но я с ним мало общался.

— А Филлис Голуэй?

— Милая девушка, — с чуть большим воодушевлением ответил Бойс.

— А у вас не возникло ощущения, что между ними и убийством существует некая связь?

— К чему вы клоните? — нахмурился инспектор, но его лицо тут же прояснилось: — А, старина Купидон вновь взялся за дело! Ведь так?

— Они ведь прямо созданы друг для друга. Мне бы не хотелось думать, что произойдет, если что-нибудь помешает... эм-м... звону свадебных колоколов... — И в попытке уклониться от дальнейших расспросов — а по азартному блеску в глазах Бойса было понятно, что он не прочь завести их, — он сменил тему: — А в поведении Говарда Шеннона и Филиппа Хэммонда есть нечто странное. Я виделся с ними обоими на репетиции. Шеннон был в панике, когда я случайно столкнулся с ним. Заявил, что не намерен отвечать ни на какие вопросы и я его не заставлю. Было ясно, что он меня боится, поскольку ему известно о моем знакомстве с вами.

— А Хэммонд? Он тоже паниковал?

Тремейн покачал головой:

— Нет. Напротив, держался уверенно и хладнокровно. Сказал, что убийца — Воэн, и нам это известно. Хотел выяснить, почему мы до сих пор не арестовали его. И сообщил,

что, если для этого нам недостает доказательств, он позаботится, чтобы мы их получили.

— Вот как?

Бойс заволновался. Тремейн окинул его внимательным взглядом:

— Вы как будто о чем-то догадались, Джонатан. О чем же?

— Не уверен, — медленно выговорил инспектор, — я не уверен... Сегодня утром я виделся с миссис Хэммонд. Спросил, здесь ли ее муж, и услышал в ответ: она полагает, что он уехал в Лондон.

— Так и сказала? Полагает, что он уехал?

— Да. Я не понял, что она имеет в виду. Казалось, миссис Хэммонд чем-то сильно встревожена и вместе с тем боится рассказать мне об этом.

Инспектор Бойс выпрямился и отошел от изгороди. Сунув руки глубоко в карманы брюк, он встал прямо перед Тремейном.

— Где находился Филипп Хэммонд в ту ночь, когда убили Лидию Дэр? — спросил он.

— Дома, вместе с женой.

— Это он так заявил. И то же самое известно нам со слов его жены. Но на самом деле Хэммонда даже близко к Далмерингу не было. Я навел справки о мистере Филиппе Хэммонде. И могу представить двух свидетелей из его лондонской конторы, которые готовы подтвердить под присягой, что ту ночь он провел в городе.

Тремейн уставился на него:

— Вы уверены?

— У меня есть рапорт от одного из самых надежных моих подчиненных. Вряд ли он допустил ошибку, тем более такую.

— Но это же абсурд! Если он находился в Лондоне, почему не сообщил об этом? Это сняло бы с него все подозрения!

— Вот именно. Но если Хэммонд признается, что был в Лондоне, тогда не сможет поручиться, что его жена не покидала дом. А это значит, что у Карен Хэммонд уже нет алиби. Это вам не приходило в голову?

Мордекай Тремейн покачал головой.

— Нет, — вздохнул он, — нет. Не приходило.

Глава 10

Как и предсказывал Джонатан Бойс, коронерское дознание по делу Лидии Дэр не принесло никаких неожиданностей. Представленные свидетельства были сугубо формальными, ожидаемый вердикт — преднамеренное убийство, совершенное неизвестным лицом или лицами, — утвердили присяжные, вполне удовлетворенные тем, что их заключение неопровержимо.

Было очевидно, что это просто стандартная процедура и ее необходимо осуществить ради дальнейшего развития гораздо более значительных событий. Похоже, полиция изложила далеко не все известные ей обстоятельства и главное происходило за кулисами. На это завуалированно намекал коронер. Вполне возможно, заявил он, что в ближайшем будущем в распоряжении властей появятся ценные свидетельства. Он выразил уверенность в том, что полиция знает свое дело. Расследование продолжается. Несомненно, вскоре виновный или виновные будут взяты под стражу и преданы суду.

Никаких подозрений в адрес Мартина Воэна не высказывалось. Он дал показания, но перекрестный допрос касался лишь определенных моментов, и никакой попытки приписать свидетелю вину не было сделано.

Мордекаю Тремейну показалось, что Воэн удивлен отсутствием интереса к нему. Выходя давать показания, он, как обычно, держался воинственно, но в почти дружелюбной атмосфере здания суда, ввиду сочувственного тона, каким задавали ему вопросы, быстро утратил агрессивность. И стал более отзывчивым и общительным, чем когда-либо видел его Тремейн. На свое место Воэн вернулся озадаченный, но так, словно у него с души сняли камень.

Тремейн наблюдал, как Воэн сидит, скрестив руки, и слушает, попытался прочитать выражение его лица, заметил, что напряженное ожидание постепенно сменяется облегчением, а потом и уверенностью.

В суде присутствовало также еще несколько представителей далмерингской «колонии». Тремейн увидел Карен Хэммонд — одну, без мужа. Почти все заседание она просидела,

подавшись вперед, подперев рукой светловолосую голову и ловя каждое слово. Сандра Борн тоже находилась здесь, как и Расселлы: Полу удалось выкроить из своего плотного графика несколько часов, — а места за ними заняли Джефффри Маннинг и Филлис Голуэй.

В дальнем ряду сел Джералд Фаррант. Под его глазами были тени. Наверное, он не спал несколько дней и был измучен. Тремейн понимал, о чем он думает. Несколько раз замечал, что Фаррант следит за Мартином Возном и на его лице отражается ненависть. Несомненно, он уже признал Возна виновным, хотя коронер и полиция не спешили с выводами.

Когда дознание завершилось и Мордекай Тремейн вышел на озаренный солнцем тротуар, его охватило ощущение нереальности происходящего. Неужели совсем недавно он слушал спокойные, официальные объяснения, касающиеся насильственной смерти человека, и что, вероятно, среди его спутников есть некто, чья совесть отягощена сознанием вины?

Всех убийц мучает совесть, Тремейн был в этом твердо убежден. Каким бы черствым ни казался человек, его душе знакомы муки самобичевания.

Тремейн огляделся по сторонам. Расселлы вышли из здания суда следом за ним. Пол повернулся к Сандре Борн.

— Как насчет чашки чаю, Санди? — спросил он. — Не хотите ли сходить на набережную? Мы могли бы потом подвезти вас на машине.

Она благодарно улыбнулась ему, однако покачала головой:

— Нет, спасибо, Пол. Это очень любезно с вашей стороны, но я уже пообещала выпить чаю с Эдит и ее друзьями.

— Кстати, вспомнил! Я не видел Эдит во время заседания.

Сандра Борн смутилась:

— Да, она говорила мне, что вряд ли придет. По ее словам, для нее это будет слишком... мучительно. Случившееся Эдит приняла близко к сердцу. Она очень любила Лидию.

— Тогда неудивительно, что она не пришла. — Эти слова Рассел произнес так, словно и впрямь не видел в отсутствии Эдит ничего из ряда вон выходящего, но на самом деле не был в этом убежден. — В таком случае до встречи, Санди.

Сандра Борн кивнула, соглашаясь и одновременно прощаясь со всеми, включая Мордекаю Тремейна, и они проводили ее взглядом: тонкую фигурку, деловито и быстро уходившую прочь по тротуару. Расселл обернулся к другу:

— А как насчет вас, Мордекай? Чашка чаю вас не прельщает?

— Обо мне не беспокойтесь, Пол, — ответил Тремейн. — Я не задержусь здесь надолго — мы договорились встретиться с Джонатаном. Я понимаю, вы занятой человек, так что не ждите меня: обратно доберусь автобусом.

— Да, мне надо поспешить, — признал врач. — А Санди я предложил прогуляться по набережной только потому, что надеялся помочь ей воспрянуть духом.

— Тогда вы с Джин поезжайте, — предложил Тремейн, — я на пару часов задержусь.

Когда его друзья уехали, Тремейн направился к павильону на набережной, где договорился встретиться с инспектором Бойсом. Тремейн шагал не спеша, наслаждаясь прогулкой. Кингсхэмптон не принадлежал к числу больших и популярных приморских курортов: расположенный между более процветающими — и колоритными — соседями, он зачастую оказывался упущенным из виду, но от этого не становился хуже, считал Тремейн. Напротив, избежал менее приятных атрибутов, свойственных туристическому раю. Длинная набережная была тихой и малолюдной, не внушающей страха или неприязни. С нее открывался вид на пляж, который не портили бесконечные лотки с мороженым, брошенные бутылки и газеты. Отели вдоль набережной весело пестрели разноцветной рекламой и вместе с тем выглядели солидно и достойно.

Следовало признать, что глубоко в душе Мордекай Тремейна жила толика любви к доброму честному обывательству. Он обожал шумные толпы, детишек с ведерками и лопатками, лотки с мидиями и карнавальную грубоватую атмосферу официальных праздников. Но бывали минуты, когда он сознавал, что стареет и приятно просто посидеть на солнышке, посмотреть, как блестит вода, послушать, как прибой с мелодичным звуком перебирает прибрежную гальку, не отвлекаясь на бурлящее веселье толпы. Тремейн пришел к выводу, что

Кингсхэмптон мог бы стать для него идеальным местом, чтобы проводить там часы досуга.

Ему оставалось пройти ярдов сто до павильона на набережной — впрочем, размерами она едва оправдывала свое громкое название, будучи не более чем выступом променада, на котором размещались ресторан и концертный зал под одной крышей, — когда, наклонившись над перилами и взглянув вдаль, на пляж, он заметил неподалеку знакомую фигуру. Это был Энстон. Тремейн приблизился к репортеру.

— О чем задумались? — спросил он пусть и без особой оригинальности, но с надеждой.

— А, привет! — отозвался Энстон, узнав пожилого джентльмена в пенсне, с которым познакомился в «Адмирале». — На дознании были?

— Нужно ли расценивать ваш вопрос как наводящий? — уточнил Тремейн.

Энстон улыбнулся:

— Вообще-то нет. Просто пытаюсь поддержать разговор. Кстати, я видел вас там.

Тремейн перегнулся через перила, пытаясь отыскать взглядом то, что привлекло внимание репортера до начала разговора. Энстон заметил его маневр. Подумав немного, он, словно наконец приняв решение, объяснил:

— Я был занят тем же самым, как и перед нашей встречей в «Адмирале» сегодня утром: наблюдал за нашим общим знакомым Хорнсби.

И он указал в сторону. Тремейн проследил направление, куда указывал палец Энстона, и впервые заметил двух мужчин, стоявших на песке между двумя стальными опорами, на которых был воздвигнут павильон. Они держались ближе к стене, поэтому он и не заметил их сразу. Одним из этих двоих был похожий на хорька мистер Хорнсби, а другим — Говард Шеннон.

Оба были увлечены беседой. Стояли они так далеко, что Тремейн не слышал, о чем они говорили, но, судя по всему, Шеннон был полностью поглощен своим занятием. Он напряженно слушал, застыв на месте и подавшись к собеседнику.

— Вы знаете этого человека, который рядом с Хорнсби? — спросил Тремейн.

Репортер кивнул:

— Да. Его фамилия Шеннон. Он живет в Далмеринге.

— Верно. — Тремейн устремил взгляд поверх ограждения. — Когда вы сказали инспектору Бойсу, что у вас есть кое-что для него, вы имели в виду Шеннона?

— Когда я сказал об этом инспектору Бойсу, я также добавил, что не хочу делать никаких заявлений, пока не удостоверюсь в подлинности имеющихся у меня фактов.

— И все-таки речь шла о Шенноне? — мягко, но настойчиво произнес Тремейн.

Энстон смерил его проницательным взглядом:

— Может быть.

В этот момент двое мужчин, за которыми они наблюдали, закончили разговор и разошлись. Когда они двинулись каждый в свою сторону, Шеннон поднял голову и вздрогнул, увидев, кто на него смотрит. Он помедлил, а потом, стараясь придать себе беспечный вид и притворяясь, будто передумал по причинам, к которым его наблюдатели не имеют ни малейшего отношения, повернулся и зашагал по песку в противоположную от них сторону.

— Испугался, — отметил Тремейн. — Интересно почему? — Он выпрямился и взглянул на свои большие карманные часы. — Опаздываю, — объявил он. — Я собирался выпить чаю с инспектором Бойсом. Всего хорошего, мистер Энстон. Несомненно, скоро мы с вами вновь увидимся.

Он кивнул и двинулся по набережной в сторону павильона. С лица репортера не сходило озадаченное выражение. Мордекаю Тремейну было свойственно порой вызывать раздражение у окружающих. Своим доброжелательным видом, пенсне и явной потребностью в опеке он создавал впечатление безобидного, даже простоватого человека, которого никак нечего опасаться. Но иногда его голос звучал тверже, поведение становилось более уверенным, а взгляд — пристальным, испытующим, указывающим на то, что беспомощность — просто маска. В итоге у того, кто наблюдал это, возникало ощущение

ние, что он внезапно, ни о чем не подозревая, забрел в глубокие воды.

Тремейн, конечно, прекрасно понимал, что производит фурор, пусть и небольших масштабов, и в глубине души был доволен. Вот и сейчас он усмехался, шагая по набережной: легко было представить, какие вопросы терзают Барри Энтона.

По-прежнему с усмешкой на лице, он вошел в павильон. Там было многолюдно, но, оглядевшись, Тремейн заметил плотную фигуру Джонатана Бойса, махавшего ему рукой из-за столика на двоих в уединенном уголке, у окна с видом на море.

— Привет, Джонатан, извините за опоздание. Здесь очень мило. — Тремейн одобрительно посмотрел в окно на длинную полосу пляжа и волны, лениво лизавшие прибрежную гальку. — Люблю выпить чаю в таком месте, как это.

— По-моему, вы чрезвычайно довольны собой, — произнес инспектор. — Вам удалось что-то выяснить?

— Чем особенно плоха работа полицейского, — заявил Мордекай Тремейн, угощаясь хлебом, маслом и кексом, которые уже заказал Бойс, — так это тем, что поневоле становишься подозрительным. Я вам этого еще не говорил? Да я просто побеседовал с прессой в лице мистера Барри Энтон. В сущности, поэтому и опоздал немного.

— Что же вы ему сказали?

— Почти ничего, Джонатан. Но надеюсь, что в самом ближайшем времени он кое-что сообщит вам.

— Судя по тону, вы опять в загадочном настроении. Ну что ж, слушаю.

— У Говарда Шеннона и таинственного Хорнсби состоялось совещание на песчаном берегу. Шеннон увидел, что мы наблюдаем за ним, и встревожился.

— Он говорил с вами?

— Нет. Напротив, сделал все, чтобы ускользнуть прежде, чем мы успели перемолвиться с ним хоть словом. Есть нечто странное в этом мистере Говарде Шенноне. Его алиби подтвердилось?

Инспектор сверился со своей маленькой записной книжкой:

— Он уехал из Далмеринга лондонским поездом без четверти четыре накануне убийства. И билетный контролер, и начальник станции вспомнили, что видели его. Вернулся Шеннон на следующий день поездом в половине четвертого с вокзала Виктория. Вы сами были тому свидетелем.

Тремейн взял еще ломтик кекса.

— Пока неплохо. А в промежутке? Вы уверены, что он действительно находился в Лондоне?

— А почему вы спрашиваете?

— Потому что я считаю, что Шеннона там не было, — объяснил Тремейн.

— С чего вы взяли?

— Когда Мартин Воэн спросил его, попал ли он в тот день в Лондоне под сильную грозу, Шеннон ответил, что сумел спастись от нее, поскольку взял такси от самого вокзала. Если не ошибаюсь, в тот день вы сами находились в городе и знаете, что не было не только грозы, но даже не моросило. Если бы Шеннон действительно побывал в Лондоне, то стал бы отрицать, что там прошла гроза или по крайней мере озадачился бы и завел расспросы, но, поскольку в городе его не было, он попал в затруднительное положение. В общем, Шеннон поступил именно так, как и следовало ожидать, — принял как само собой разумеющееся, что гроза в городе была, и каким-то образом объяснил, где находился в это время. Безусловно, для человека, которого не было в городе и кому неизвестно, что там происходило, это наиболее безопасный путь — при условии, что Воэн не пытался заманить его в ловушку.

Инспектор оживился:

— По-вашему, Воэн хотел подловить его?

— Не уверен, — ответил Тремейн. — В то время мне показалось, будто он сделал это не нарочно. Выяснилось, что Шеннон ездил в Лондон, и Воэн заметил, что, его друг из Кингсхэмптона попал под летнюю грозу, что впрочем, в нашем непредсказуемом климате неудивительно. Воэн выразил надежду, что Шеннону повезло больше, чем его другу. Разговор был безобидным и непринужденным, но теперь я задумался, не имел ли он скрытого смысла. Как и о том, что не так с Шенноном и что известно об этом Воэну.

Тремейн отпил чаю и вопросительно взглянул на инспектора.

— Что рассказал вам Шеннон о своей поездке в Лондон? Я слышал, как он объяснял, что ездил туда повидаться вроде бы с деловым партнером, с которым ему обязательно надо было встретиться, потому что спустя какое-то время сделать это будет затруднительно.

Бойс снова сверился с записной книжкой:

— В своих показаниях Шеннон сообщил, что ездил на встречу с неким Миллуордом, партнером одной транспортной компании. Миллуорд останавливался на одну ночь в отеле «Ридженси». Шеннон утверждает, что встречались они не в отеле, а в ресторане «Корнер-Хаус» у Мраморной арки.

— А он объяснил, зачем встречался с этим Миллуордом?

— Да, причем довольно откровенно. У Шеннона есть доля в небольшой мебельной фабрике на окраине Лондона. Часть рейсов кораблей компании Миллуорда составляют каботажные перевозки, поэтому Шеннон хотел обсудить возможность заключения контракта на периодическую доставку партий древесины из Ливерпуля на одном из каботажных судов. В Ливерпуль его груз прибывает потому, что его возят вместе с другими, более крупными, — это обходится гораздо дешевле, чем фрахтовать отдельный транспорт. Шеннон намекнул, что компания едва держится на плаву, потому и сокращает издержки при любой возможности. Ему хотелось встретиться с Миллуордом лично, поскольку они немного знакомы, и Шеннон надеялся выпросить себе более выгодные условия, чем если бы просто написал письмо на адрес компании.

— Миллуорд все это подтвердил?

Бойс покачал головой:

— Нет. По крайней мере, на словах. Мы справились о нем в отеле «Ридженси» и выяснили, что он действительно провел там ту самую ночь. На следующее утро Миллуорд отбыл в Голландию на одном из судов своей компании. Его ждут обратно не ранее чем через неделю.

— Это подтверждает слова Шеннона о том, что встретиться с ним он мог лишь в ограниченный промежуток времени, — произнес Тремейн. — На первый взгляд все под-

робрности так хорошо увязаны друг с другом, что вы, видимо, не стали ничего предпринимать, чтобы установить местонахождение Миллуорда?

— Да, — кивнул Бойс, — не стал. Явных подозрений против Шеннона не имелось, и те факты, какие мы смогли проверить, подтвердили его показания. Но если ваши утверждения, что в Лондон он не ездил, небезосновательны, это в корне меняет дело. У нас есть свидетели, они видели, как Шеннон уезжал, как он вернулся, и есть подтверждение, что человек, с которым он якобы встречался, действительно останавливался в «Ридженси», но нет никаких доказательств, что эта встреча действительно состоялась. Расспрашивать в «Корнер-Хаусе» бесполезно. Там за день бывает столько людей, что нам вряд ли подтвердят, заходили ли туда в конкретный день двое мужчин, соответствующих описаниям Шеннона и Миллуорда.

— По-моему, в ближайшее время Барри Энстон задаст вам несколько вопросов обо мне, — проговорил Трмейн.

— Что вы имеете в виду? — Тон Бойса стал резковатым.

— Беседа с ним недавно, я дал понять, что меня интересуют Хорнсби и Шеннон. Думаю, он спросит вас, кто я такой и почему проявляю любопытство к этим двум джентльменам. — Он подался вперед и понизил голос почти до заговорщицкого шепота: — Между Шенноном и Хорнсби существует некая связь, и если Энстон не знает, какая именно, полагаю, он способен высказать весьма точную догадку. Я не прочь узнать его подозрения.

— Понятно. А мое дело — употребить свою власть, чтобы убедить Энстона посвятить меня в них, чтобы потом я рассказал все вам.

Бойс помешал ложечкой свой чай, чтобы в нем растворились последние крупинки сахара, с довольным видом отпил глоток и откинулся на спинку стула, глядя на Трмейна из-под кустистых бровей.

— Знаете, Мордекай, похоже, вы начинаете вгрызаться в это дело. До сих пор вы бродили по деревне, создавая у окружающих впечатление, будто вы безобидны, беспомощны и меньше всего похожи на человека, способного раскрыть

убийство, а теперь выказываете симптомы готовности ринуться в бой.

— Я бы выразился иначе, — неодобрительно возразил Тремейн. — Нельзя просто вязаться в расследование и без колебаний указать виновного. Прежде нужно немного осмотреться: понять, что к чему, расставить людей по местам. Вот этим я и занимался — проникался атмосферой, старался прочувствовать ее. И теперь кое-что проясняется. Это как если бы я хотел перевязать сверток и взял горсть перепутанных обрезков бечевки. Поначалу кажется, будто этот узел не распутать, но постепенно, потянув одну бечевку, другую, откладываясь в сторону те, какие тебе не нужны, и находишь ту самую единственную, которая годится для твоего свертка.

— Только в этом случае, — подхватил Бойс, — бечевка — это крепкая веревка, а сверток — чья-то шея.

— Да, чья-то шея. — Тремейн посмотрел поверх стола на собеседника и спросил: — А что, я в последнее время часто выставлял себя на посмешище? То есть вел себя как... бестолковый старик, который ничего не смыслит?

— Вы не производили впечатления человека, усилия которого увенчались успехом.

— Незачем пытаться подсластить пилюлю, Джонатан, — грустно усмехнулся Тремейн и, помолчав немного, добавил: — Помните, что сказал Воэн при первой нашей встрече с ним? Мол, с Далмерингом что-то не так, здесь скрывается зло и скверна. И что Лидия Дэр тоже чувствовала это. То же самое я слышал и от других людей — от Сандры Борн, от Джин и Пола. В Далмеринге что-то и впрямь не так. Я сам чувствую это. Трудно объяснить, но нечто мутное, удушливое, злобное в самом воздухе. Вы, Джонатан, полицейский. Накануне вы сказали мне, что должны придерживаться установленных фактов. Вы не можете позволить себе подпасть под влияние атмосферы. Но я не скован правилами и потому ощущаю тут присутствие зла.

— Мне бы не хотелось предлагать реакцию вашей психики в качестве доказательства в суде, — сухо промолвил Бойс.

— Разумеется. Но вы могли бы воспользоваться ею как фундаментом, чтобы выстроить на нем факты, которые при-

годны для суда. Беда в том, что я позволил себе слишком сильно поддаться влиянию местной атмосферы. Иначе говоря, увлекся и забылся. Но действие этого наркоза уже заканчивается, и теперь я даже не уверен, что совершил ошибку. Это все равно что выйти из тумана в ярко освещенную комнату. Вероятно, помог сухой отчет о следствии, выслушанный в зале суда, но теперь все видится мне совершенно отчетливо.

— Хотите сказать, вы знаете, кто убийца? — насторожился Бойс.

— Не то чтобы знаю, но вижу возможные пути. В конце одного из них я найду преступника. Еще чаю?

Инспектор кивнул.

— Итак, перейдем к делу, — произнес Тремейн. — На дознании стало ясно, что вам нужен только правильный вердикт, чтобы действовать дальше и найти убийцу в положенный срок, а не впопыхах, так что сегодня в суде я не узнал ничего нового. А что насчет завещания? Вы, конечно, виделись с поверенными Лидии Дэр? С Дэрфордом и еще кем-то, если не ошибаюсь? Эти люди, похоже, всегда собираются по двое-трое.

— Речь идет о конторе «Дэрфорд, Берджесс и Дэрфорд», — уточнил Бойс. — Похороны завтра утром — с поддержкой, поскольку требовалось кое-что уладить, — а потом будет оглашено завещание.

— Но вам уже известно, что там?

— Да. Лидия Дэр располагала небольшой, но все же приличной суммой — получила наследство от дяди несколько лет назад. Она оставила примерно три тысячи фунтов в виде различных вложений — уже чистыми — вместе с половиной коттеджа, в котором проживала с мисс Борн, а также личные вещи. Свою долю коттеджа и все личные вещи Лидия Дэр завещала мисс Борн — вместе с пятью сотнями фунтов. Еще пятьсот по завещанию отходит мисс Эдит Лоррингтон.

— Эдит Лоррингтон? — Тремейн вскинул брови. — В таком случае они были дружны. А кто остальные наследники?

— Наследник только один, — медленно произнес инспектор. — Все остальное состояние, примерно две тысячи фунтов, достанется доктору Расселлу.

— Полу? — Мордекай Тремейн резко выпрямился на стуле. — Неужели?

— Вряд ли «Дэрфорд, Берджесс и Дэрфорд могли ошибиться, — усмехнулся Бойс. — «Все прочее мое состояние я завещаю своему дорогому другу Полу Расселлу в знак признания за всю доброту ко мне его самого и его жены и чтобы предоставить ему небольшую возможность посвятить себя медицинским исследованиям, к которым, как мне известно, лежит его душа...» — примерно так говорится в завещании.

— Уверен, Пол понятия не имеет об этом и будет потрясен, когда узнает! Ни о чем подобном он даже не мечтал. Конечно, Пола всегда привлекала исследовательская деятельность, но он был таким великодушным и щедрым на протяжении всей своей карьеры, так часто оказывал врачебную помощь даром, что в конце концов оставил всякую надежду на то, что сумеет выкраивать хоть сколько-нибудь времени на медицинские исследования помимо врачебной практики. Однако Пол ни словом не намекал мне, что они с Лидией Дэр настолько близко знакомы. Я полагал, они просто соседи, и никогда не слышал от него, что он рассчитывает на существенное состояние, завещанное Лидией Дэр.

— Возможно, он не думал о подобных перспективах. Но доктор Расселл из тех людей, кто творит добро, не распространяясь об этом. Удивительно, что окружающие замечают такие поступки и запоминают их.

— А Фаррант в завещании не упомянут? — спросил Тремейн.

— Нет. По словам поверенных, пару месяцев назад мисс Дэр говорила о своем намерении составить новое завещание, но так и не удосужилась. Вероятно, она хотела включить в него Джералда Фарранта, однако слишком долго откладывала это дело. К счастью, — добавил Бойс, — для вашего друга врача, иначе он наверняка лишился бы двух тысяч.

— На самом деле сумма не так уж велика, — возразил Тремейн.

— Невелика, однако весьма существенна и полезна, — заметил Бойс, отодвинул свой стул от стола и поднялся. —

Простите, Мордекай, но мне уже пора. Я условился о встрече с коронером перед возвращением в Далмеринг. — Он положил руку ему на плечо. — Я понимаю, доктор Расселл ваш друг, — понизив голос, произнес инспектор. — Но я обязан продолжать расследование, кто бы ни был втянут в него. Вы ведь понимаете, Мордекай?

Джонатан Бойс ушел, а Мордекай Тремейн остался за столиком, не слыша гула голосов и звона посуды в многолюдном зале. Объясняя Джонатану Бойсу, что задача об убийстве представлялась ему дорогой с многочисленными ответвлениями, способными привести к разгадке, он сказал правду. Но Тремейн даже представить не мог, что на указателе возле одной из этих развилок будет написано имя Пола Расселла. Лидия Дэр оставила Полу две тысячи фунтов по завещанию, которое намеревалась изменить — почти наверняка не в его пользу. Однако она умерла, не успев осуществить своего намерения, так что наследство все-таки достанется Полу.

Счастливец Пол. Даже нескольких дней могло хватить, чтобы его положение изменилось. А если он знал о содержании завещания?

Мордекай Тремейн отказался выслушивать выводы, которые подсказывал ему внутренний голос. Это предательство. Он повел себя невероятно по отношению к другу. Он не мог и не должен был думать так о Поле.

Глава 11

Тишину, которую нарушало лишь постоянное пощелкивание вязальных спиц Эдит Лоррингтон, вдруг разом прервала пронзительная трель дверного звонка. Жестом притворного смирения Пол Расселл отложил номер «Британского медицинского журнала».

— Только не говорите мне, что кому-то вздумалось появиться на свет именно сегодня! — вздохнул он.

— Успокойся, Пол, — промолвила жена, проходя мимо него к двери. — Это не вызов к больному — во всяком случае, не срочный. Скорее это не пациент, а гость.

Присутствующие в гостиной услышали, как Джин с кем-то поздоровалась в холле, а через пару минут вернулась вместе с Карен Хэммонд.

— А Пол уж принял вас, Карен, за встревоженного будущего отца, готового вытащить его из уютного кресла, — объясняла Джин.

— Этот вызов я жду лишь на будущей неделе, — с улыбкой уточнил Расселл, — но мало ли что может случиться.

Глядя на Карен Хэммонд, Мордекай Тремейн подумал, что в ее красоте появилось что-то неземное. Прелесть этой светловолосой женщины прежде не казалась настолько хрупкой, в голубых глазах не сквозила горечь. Как будто некая скорбь мягко, но настойчиво придавала ее обаянию форму, создающую иллюзию принадлежности к зыбкому нереальному миру.

— Надеюсь, я не помешала? — спросила Карен Хэммонд.

— Конечно, нет! — заверил он. — Вы всегда желанная гостья в нашем доме. Проходите, располагайтесь.

— Мне стало тоскливо, — призналась она, и Тремейну показалось, будто в ее голосе прозвучали отголоски страха и тоски. — Я поняла, что мне надо выйти из дома и с кем-нибудь поговорить.

— И совершенно правильно поступили, придя сюда! — жизнерадостно подхватил Расселл. — Двери нашего с Джин дома всегда открыты.

В гостиной «Страны роз», как обычно, царили уют и радушие. На кушетке рядом с глубоким креслом, где чопорно сидела Эдит Лоррингтон с клубком на коленях, устроилась миниатюрная Сандра Борн с журналом мод. Пол Расселл просматривал медицинский журнал, Мордекай Тремейн делал вид, будто раскладывает пасьянс на приставном столике. Картину довершало присутствие Джин в образе доброй и заботливой наседки, с гордостью взвешивающей на свой выводок.

Карен Хэммонд села и улыбнулась.

— Сегодня Филипп не приехал? — поинтересовался Расселл.

— Нет, — ответила она. — Сегодня нет.

— Наверное, позвонил днем, сказал, что занят — работает со счетами компании или еще чем-нибудь! Пригля-

дывайте за своим мужем, Карен. А то как бы он не начал увиваться за какой-нибудь рыжеволосой девицей. Мы, мужчины, такие!

Вся деревня знала, что Карен и Филипп Хэммонд живут душа в душу, поэтому сразу ясно было, что Расселл шутит в попытке вызвать улыбку на лице гостыи, но Карен, напротив, поморщилась, как от боли, слушая Расселла, и ее гримаса не ускользнула от внимания Тремейна.

— Нет, — нехотя промолвила она. — Филипп не звонил.

Говорить о муже ей явно не хотелось. Пол окинул ее любопытным взглядом и сменил тему, похвалив теплый вязанный жакет, и вскоре уже присутствующие дамы оживленно обсуждали узоры для вязания.

— Может, включим радио? — предложил Расселл, продолжая играть роль радушного хозяина.

— Не надо, дорогой, — ответила Джин. — Наверняка сейчас передают свинг, а Санди его не выносит.

— Да, при первых же звуках или завизжу, или попрошу выключить приемник, — подтвердила Сандра Борн. — Помоему, так гораздо лучше — просто сидеть и беседовать.

— Я на вашей стороне, мисс Борн, — подал голос Мордекай Тремейн.

До сих пор он молчал, понимая, что рано или поздно в разговоре всплывет тема дознания или убийства. Через несколько минут эту тему действительно затронули. Эдит Лоррингтон поинтересовалась, присутствовал ли на дознании Джералд Фаррант.

— Да, он был там, — кивнула Джин.

Эдит Лоррингтон вздохнула:

— Несчастный! Как все это ужасно для него. Он ведь был без памяти влюблен в Лидию.

— А я как раз гадал, не позвать ли его к нам, — подхватил Расселл, — но это не так-то просто. Он нелюдим, я даже не знаю, как к нему подступиться.

— Джералд Фаррант изменился, — сказала Джин. — До неузнаваемости. Похоже, он подозревает всех вокруг. И почти не говорит, только смотрит на окружающих так, словно обвиняет их, всех до единого.

— Наверное, так и есть, — негромко заметил Мордекай Тремейн, и присутствующие обернулись к нему. — Фаррант перенес страшное потрясение. Он готовился к свадьбе — наверное, у них уже было все продумано, — и вдруг узнал, что все труды напрасны. Будто некий буйный великан схватил его жизнь и вдребезги разбил о камни. Если бы мисс Дэр умерла своей смертью, трагедия осталась бы трагедией, но пережить ее, пожалуй, было бы легче. А знать, что мисс Дэр убили, хотя в ее смерти не было никакой необходимости, — это невыносимо для Фарранта. Он ненавидит Далмеринг — и деревню, и ее жителей, — потому что убежден, что убийца здесь, что кто-то из тех, кто окружил его, убил женщину, на которой он собирался жениться.

— Мордекай! — воскликнул Пол Расселл. — Нет никакой уверенности, что убийца живет тут. Преступление мог совершить тот, кто познакомился с Лидией за пределами Далмеринга.

— А я и не говорил, что такая уверенность есть. Просто предполагаю, в каком именно ключе рассуждает Джералд Фаррант.

— Это правда, — вдруг вмешалась Сандра Борн. Она опустила ноги на пол и села лицом к собеседникам, стиснув руки. — По-моему, вы совершенно правы: убийца из Далмеринга. У Лидии было не много знакомых за его пределами. Если и нашелся бы хоть кто-нибудь, кто мог пожелать ей смерти, она сообщила бы об этом. Все дело в этом месте — оно ужасное. Оно наполнено злом.

— Да, — кивнул Мордекай Тремейн. — Оно наполнено злом.

— Вы тоже это заметили?

— Да, заметил.

— Почему вы двое вдруг заговорили загадками? — удивился Расселл.

— Все в порядке, Пол, — произнес Тремейн. — Просто это наш маленький общий секрет. Полагаю, — добавил он, — завещание будет оглашено после похорон?

— Завещание? А, завещание Лидии. Да, видимо. В сущности, я об этом не задумывался, но теперь, когда вы упо-

мянули о нем, вспомнил, что у Лидии должно было остаться небольшое состояние.

Тремейн внимательно наблюдал за ним. Безразличие врача казалось неподдельным.

— Интересно, кому оно достанется? — вскользь заметил Тремейн.

— Наверное, Фарранту, — ответил Расселл. — Хотя я бы предположил, что в завещании будет упомянута и Санди — ведь она лучшая подруга Лидии.

— Мы давно договорились завещать друг другу свою долю коттеджа, — произнесла Сандра Борн. — Мы ведь купили его вместе. Но вряд ли будет что-нибудь сверх этого. Лидия знала, что я вполне обеспечена. Моих средств более чем хватает на все, что мне необходимо. Я даже как-то сказала, что ей вовсе незачем завещать мне что-нибудь еще.

До сих пор Пол Расселл не проявил хоть сколько-нибудь заметного интереса к вопросу завещания, его поведение выглядело совершенно естественно. Тремейн невольно вздохнул свободнее и только теперь понял, как угнетал его недавний разговор с Джонатаном Бойсом о наследстве.

Ему удалось наконец отвлечься от Расселла, чтобы понаблюдать за остальными. Карен Хэммонд не принимала участия в разговоре и не меняла позы. Она сидела прямо, рассеянно и нервно играя обручальным кольцом на своем тонком пальце. Несмотря на старания сделать вид, будто она слушает остальных, Тремейну показалось, что ее занимают собственные мысли. Он вспомнил, как впервые наблюдал за Карен Хэммонд в этой же комнате вечером, в день своего прибытия в Далмеринг. Отметил то же невольное подергивание уголков губ, ту же тень страха в голубых глазах и то же напряженное ожидание, которое выражала ее изящная фигурка.

— Хорнсби больше не беспокоил вас, миссис Хэммонд? — спросил Тремейн.

— Хорнсби?

Эту фамилию она повторила так удивленно, что стало ясно: она ей ни о чем не говорит.

— Да, — кивнул Тремейн. — Тот человек, который спрашивал о вас и вашем муже. Мы говорили о нем в про-

шлый раз, когда вы приходили сюда. С тех пор я сам встречал его по соседству и задумался, не нанес ли он вам визит.

При этих словах она замерла: ему удалось застать ее врасплох.

— Домой к нам он не приходил, — сказала Карен так поспешно, что Тремейн понял: это отговорка. — Я с ним не знакома. Понятия не имею, с какой стати он продолжает расспрашивать о нас. Мистер Тремейн, а инспектор уже нашел... ему известно, кто убил Лидию?

— Скажу только, что его расследование продвигается успешно, — осторожно ответил он. — Боюсь, больше я пока что ничего не могу добавить, но, как вы понимаете, полиция не считает нужным разглашать все, что ей известно, пока не придет время.

В воспоминаниях Тремейн перенесся обратно в недавнее прошлое, на затененную дорогу, где Карен Хэммонд, дождавшись, когда он договорит с Джонатаном Бойсом, смотрела на него и умоляла помочь ей, единственный раз за все время знакомства выразив эту просьбу словами. Сейчас та же мучительная мольба читалась в ее глазах.

— Поскорее бы, — вздохнула она. — Пока не стало слишком поздно.

Положение спасла Эдит Лоррингтон. Как только пауза после замечания Карен Хэммонд начала затягиваться, Эдит вдруг подняла голову и со свойственной ей непоследовательностью заговорила совершенно о другом:

— Понятия не имею, что нашло на Мартина.

— Вы о мистере Воэне? А что такое? Что с ним случилось?

— Он продолжает задавать вопросы, — объяснила она. — Сегодня вечером явился ко мне и интересовался, что я делала в момент убийства Лидии, — как будто решил, что это я ее убила.

— Странно, — задумчиво промолвил Расселл. — Вообще-то Воэн и в разговоре со мной отпустил пару подобных замечаний. Мне сразу показалось: тут что-то не то, — но я не уделил этому факту особого внимания. Воэн спрашивал, что мне известно о Галески.

— О молодом человеке Полин Конрой? — уточнил Тремейн и, когда Пол кивнул, произнес: — Они ведь в близких отношениях?

— Да, но эта тема из числа запретных, — сообщил Расселл. — Большинство местных жителей подозревают худшее. Полин честолюбива, а у Галески есть связи в кинематографической среде. Распространено мнение, что Полин... бывает у него в коттедже в неурочные часы.

— Но никто ничего не говорит открыто?

— Нет. Полин зорко следит, чтобы этого не произошло. Видите ли, обычно она играет на сцене добродетельных героинь. Если не ошибаюсь, Полин пытается снискать славу актрисы, роли которой вызывают сочувствие, и, наверное, считает, что сплетни о личной жизни повредят ее профессиональной репутации. Конечно, она права. Жизнь актеров театра и кино всегда на виду, не то что у нас, простых смертных.

— Хотя я почти не знаю ее, — заметил Тремейн, — но мисс Конрой производит впечатление решительной женщины, склонной сделать карьеру, поэтому ее действия вполне понятны. В ее глазах ничто не сравнится по значимости со стремлением сохранить собственную славу. Ей нужна помощь Галески, однако она не желает, чтобы зрители, видя ее в роли обманутых женщин, мысленно ассоциировали ее с ним.

Тремейн повернулся к Карен Хэммонд, и его сентиментальное сердце сжалось при мысли, что он разбередил свежую рану. Но убийство невозможно раскрыть, отказываясь браться за неприятные задачи.

— Простите за личный вопрос, миссис Хэммонд. Несколько дней назад мне показалось, будто в отношениях между вами и мисс Конрой присутствует некий... антагонизм. Это правда?

Густой румянец медленно проступил под ее загаром.

— Да, — ответила она, — мы разошлись во мнениях. Но об этом мне больше нечего добавить. Видите ли, женщины порой недолюбливают друг друга. Полин обиделась за что-то на Филиппа, а я, наверное, тоже не проявила должной терпимости. Отношения между нами стали натянутыми — вы же знаете, как начинаются мелкие деревенские ссоры. Кто-то

выразился резко, другой дал отпор, и никто опомниться не успел, как очутился в гуще конфликта.

Тремейн вспомнил, как о Галески упомянули в связи с допросами полицейских и как Полин делала намеки в адрес Карен Хэммонд. Полин стремилась обойти Сержа Галески молчанием, а Карен Хэммонд в отместку воспользовалась случаем и напонила о нем.

— Понимаю, — кивнул он. — Жизнь порой каверзная штука.

Разговор перешел на несущественные темы. Тремейн поймал взгляд Джин, в котором сочетались и предостережение, и мольба. Он догадался, что ее встревожило упоминание известных лиц, и помог направить беседу в более безопасное русло.

Вскоре после этого гости стали расходиться. Пол Расселл как врач настаивал, что Сандре Борн пора в постель.

— Вы еле держитесь, Санди, — уверял он. — Если не отдохнете как следует, то совсем расклеитесь и на нас лягут заботы о вас.

— Я устала, Пол, — призналась она. — Неделя выдалась трудной.

— Вы слишком много взвалили на себя, — добавила Джин. — Вам надо было попросить у нас помощи хотя бы в некоторых делах.

— Вы так добры ко мне, — и вы, и Пол, — но я должна сама сделать все, что смогу. Ведь это мой долг, а не ваш. Вы же знаете, что Лидия и я... мы... — Она помолчала, а потом продолжила: — Скоро все останется позади. После похорон я немного переведу дух.

Признаки стресса и напряжения, которое до сих пор не отпускало Сандру Борн, были очевидны. Тремейн отметил, как осунулось и заострилось ее лицо. Сандра Борн принадлежала к тем людям, которым свойственно трудиться без усталости, помогать, строить планы, избавлять окружающих от трудностей, брать на себя львиную долю работы, какую неизбежно требует организация чего бы то ни было. Вдобавок теперь она несла на себе груз полицейских допросов и устраивала похороны погибшей подруги.

Эдит Лоррингтон и Сандра Борн собрались уходить, Карен Хэммонд двинулась следом за ними, но задержалась в коридоре. Понизив голос, она обратилась к Полу Расселлу и протянула к нему руку. Находившийся достаточно близко Тремейн услышал ее прерывистый шепот:

— Доброй ночи, Пол. Спасибо вам за все, что вы сделали с тех пор, как мы здесь. Что бы ни случилось, прошу вас, пожалуйста, не судите меня слишком строго.

Прежде чем он успел ответить, Карен Хэммонд уже ушла и догнала своих спутниц на озаренной лунным светом тропинке.

Мордекай Тремейн лег в постель через двадцать минут. Он взял с собой машинописную копию пьесы «Для убийства есть мотив», автором которой являлся Алексис Кент. Пьеса так его увлекла, что только в два часа ночи он выключил в спальне свет и уснул.

За завтраком Тремейн заметил, что Пол Расселл внимательно смотрит на него.

— Вы поздно вчера уснули, Мордекай, — произнес Рассел. — Я видел свет под вашей дверью в два часа ночи. Мне тоже не спалось.

— Не припомню, чтобы Пол раньше вел себя так беспокойно, — заметила Джин. — Я даже сказала ему, что это, наверное, муки нечистой совести.

Тремейну показалось, будто на лице его друга мелькнула досада.

— Я уже думал, что по ошибке прописал кому-то из пациентов не то лекарство и мое подсознание таким образом пытается до меня достучаться, но поскольку в конце концов сумел-таки уснуть, возможно, все не так уж плохо.

— Да, свет я погасил довольно поздно, — признал Тремейн, — но не из-за бессонницы. Я читал вашу пьесу. Довольно любопытное произведение. Вы не встречались с автором?

Расселл покачал головой:

— Не припомню, чтобы я вообще когда-либо слышал о писателе по имени Алексис Кент до того, как мы приступили к репетициям. Понятия не имею, есть у него другие пьесы или нет. Если бы он приезжал сюда, в деревню, я на-

верняка знал бы об этом, даже если бы мне не довелось встретиться с ним лично. Но почему бы вам не расспросить Воэна? По его совету мы решили ставить «Для убийства есть мотив», когда выбирали пьесу.

— Да, вы говорили.

Тремейн начал завтракать, а потом спросил:

— Пол, что хотела сказать Карен Хэммонд своей последней репликой?

— Так вы слышали? Мы с Джин уже обсудили ее слова.

И оба не можем сообразить, что она имела в виду.

— По-моему, она ожидает каких-то событий.

— Карен Хэммонд с тех пор, как убили Лидию, не в себе, — вздохнула Джин. — Неужели вы не заметили вчера, как она напряжена и встревожена?

— Да, я заметил, — кивнул Тремейн.

Самым важным событием этого утра в Далмеринге стали похороны Лидии Дэр. Почти вся деревня собралась посмотреть на шествие от коттеджа, где она жила, до старинной церкви, где прошла ее последняя служба, и до маленького кладбища при церкви, где гроб опустили в свежерытую могилу, на которую возложили цветы.

Ближайшим родственником покойной был отец. Тремейн узнал, что он только сегодня прибыл в деревню, проделав путь из Йоркшира и проведя предыдущую ночь в Лондоне. Отец выглядел очень старым и слабым и, видимо, с трудом перенес известие о трагическом конце дочери. Его жена была прикована к постели, потому и не присутствовала на похоронах. Тремейн представлял, каким сокрушительным стал удар для их и без того ограниченной жизни, и искреннее сочувствие престарелой паре, сумеречные годы которой были так жестоко омрачены, вновь вызвало у него в душе негодование против убийцы.

Было ясно, что старик не в состоянии отдать необходимые распоряжения. Тревога и усталость, которые предыдущим вечером выказывала Сандра Борн, получили объяснение. Весь груз ответственности несла на своих хрупких плечах она. Бледная, но полная решимости не сдаваться, Сандра, не дрогнув,

выстояла всю панихиду. Лишь бледность лица и неподвижный взгляд выдавали напряжение, с которым она боролась.

В числе тех, кто нес гроб, был и Джералд Фаррант — мрачный и строгий, серовато-бледный и осунувшийся от горя. Тремейн опасался, что Фаррант разрыдается, когда гроб станут опускать в могилу, но тот сумел справиться с собой.

Мартин Воэн отсутствовал. Тремейн ожидал увидеть его где-нибудь неподалеку от могилы, однако, обводя взглядом притихшую толпу на кладбище, не заметил знакомую массивную фигуру. Не видел он ее и в церкви. Другие тоже обратили внимание на отсутствие Воэна: Тремейн слышал, как его фамилию то и дело повторяют шепотом.

Неужели появиться на похоронах ему помешал страх? Или Воэн понимал, что находится под подозрением? Может, он спасался от такого испытания, как множество обвиняющих взглядов, которые были бы неизбежно обращены на него, повись он на похоронах?

Тремейн посмотрел вверх еще не засыпанной могилы, и выражение, какое он увидел на лице Джералда Фарранта, объяснило ему отсутствие Воэна. При встрече с человеком, которого он подозревал больше других, измученный, переполненный ненавистью ум мог подтолкнуть его к внезапному акту возмездия.

Мордекай Тремейн вздохнул. День был чудесный, на голубом небе опять ни облачка, легкий бриз, поднявшийся еще ночью, смягчал сияние солнца. Горько было сознавать, что среди всего этого света, красоты и благоухания затаились ненависть и страх, свершилось жестокое убийство.

Тремейн видел слезы, блеснувшие в глазах Эдит Лоррингтон, заметил маленькую, не успевшую распуститься розу, которую она уронила в могилу. Эдит выражала свои эмоции открыто. Может, знала о пяти сотнях фунтов в завещании Лидии Дэр и скорбела напоказ, на виду у всей деревни?

Эта мысль возникла в голове Мордекаея Тремейна, прежде чем он понял, что происходит, и ему стало стыдно. Неужели то, что он взялся расследовать убийство, означало, что он стал циничным и подозрительным и теперь должен искать корыстные мотивы каждого людского чувства и поступка?

Ответ Тремейн знал. И реагировал соответственно — так же, как когда Джонатан Бойс сообщил ему, что Пол по завещанию является главным выгодоприобретателем. Убийцы не кричат о своей вине на весь мир. Они выдают себя в мелочах. Вот почему он обязан быть придирчивым, подмечать каждую деталь, ничто не принимать как должное, всегда быть начеку и учитывать малейшие промахи, которые могут оказаться свидетельством вины.

Выходя с кладбища, Тремейн посмотрел на Полин Конрой и Сержа Галески. На лице Галески застыло выражение вежливой скуки, а Полин держалась с достоинством одного из главных персонажей трагедии. Тремейн догадался, что темный галстук, который Галески надел вместе со спортивным пиджаком, был уступкой условностям, сделанной по настоянию Полин. Когда Мордекай Тремейн проходил мимо них, ему показалось, будто Полин взглянула на него с приветственной полуулыбкой. Она быстро сказала что-то Галески, и этот неряшливо одетый джентльмен удостоил пожилого джентльмена кивком. Тремейн улыбнулся в ответ и зашагал дальше. Подобных любезностей от Полин Конрой он не ожидал.

Дородный, внушительный и излучающий уверенность мистер Берджесс, средний партнер юридической компании «Дэрфорд, Берджесс и Дэрфорд», тем же днем посетил принадлежавший теперь уже одной Сандре Борн коттедж и огласил содержание завещания. Присутствовали лишь немногочисленные заинтересованные лица — сама Сандра Борн, Эдит Лоррингтон, Джералд Фаррант, Расселлы и отец Лидии Дэр, — они же выслушали завещание, но вскоре новости о том, кому досталось наследство, стали известны всей деревне.

Не прошло и нескольких часов, как самой обсуждаемой темой разговоров стал факт, что доктору Расселлу досталась значительная доля состояния Лидии Дэр. Сам доктор казался удивленным и немного растерянным. Он обратился к своим спутникам и к поверенному, выразив сомнения в том, что завещание действительно выражает подлинные намерения Лидии, привлекал внимание к дате, настаивал, чтобы отец Лидии, Сандра и Фаррант приняли хотя бы часть или всю сумму, завещанную ему, но Берджесс заверил его, что завещание под-

линное, безусловно имеет юридическую силу, а остальные отказались даже слушать предложения прийти к компромиссу.

— Если Лидия сказала, что деньги достанутся вам, доктор, — заявил старик Дэр в прямолинейной йоркширской манере, — значит, так тому и быть. Лидия всегда знала, что делает, и я исполню ее желание. Ей было известно, что нам с ее матерью ничего не нужно. Нам хватит и того, что у нас есть, на всю оставшуюся жизнь. Берите эти деньги, доктор, и успехов вам в исследованиях.

— Я согласен с мистером Дэром, — проговорил Фаррант. — Совершенно ясно, что этого хотела Лидия.

— Вы же знаете мое мнение, Пол, — произнесла Сандра Борн. — Мы с Лидией понимали друг друга. Она восхищалась вами и так хотела вам помочь. Она была бы рада узнать, что с ее помощью вы сумели заняться тем, о чем всегда мечтали.

Однако в «Стране роз» царила подавленность. Пол Расселл чувствовал себя явно не в своей тарелке, и даже Джин вела себя как-то странно. Казалось, оба остерегаются наговорить лишнего; им приходилось взвешивать каждое слово, прежде чем произнести, чтобы не совершить ошибки.

Ощущая эту натянутость, Тремейн попытался выяснить, что тревожит его друга.

— Это наследство много значит для вас, Пол? — спросил он. — Его хватит, чтобы вы могли оставить врачебную практику?

— Сразу — нет, — ответил Расселл, — но благодаря наследству сделать это можно гораздо раньше, чем я представлял. Например, начать строить планы, подыскивать необходимые приборы и приличную лабораторию. В обычных условиях мне понадобилось бы несколько лет, чтобы достичь этого этапа, и к тому времени мои желания уже исчезли бы.

— Да, полагаю, вы правы, — отозвался Тремейн. — С возрастом желания угасают. А порой хочется достичь цели любой ценой.

Джин со стуком опустила свою чашку на блюдечко. Расселл тоже растерялся, и Тремейн не стал развивать свою мысль. Очевидно, удовольствие от чаепития она бы ему не прибавила.

На вечер была назначена репетиция пьесы «Для убийства есть мотив». Время определили еще до того, как стал известен день похорон, и не отменили ввиду несогласованности действий. В итоге репетиция не задалась с самого начала, и положение так и не выправилось, сложности нарастали и усугублялись.

Тягостное чувство, вызванное похоронами, повергло всех в беспокойство. Нервы были на пределе, Тремейн заметил несколько мелких вспышек, явно обусловленных атмосферой всеобщих подозрений и подавленности. Он направлялся к деревенскому клубу, когда узнал о репетиции. Пол как исполнитель одной из ведущих ролей был обязан присутствовать, и приглашение распространялось на сопровождающего его друга. Вдобавок Тремейну хотелось еще раз понаблюдать за действующими лицами жизненной драмы, которая разыгрывалась вокруг него, и выяснить их реакцию на недавние события. И наконец, сама пьеса вызвала у Тремейна такой интерес, что ему не терпелось вновь увидеть ее на сцене.

Мартин Воэн, необщительный, угрюмый, прибыл на репетицию одним из первых. Он на пять минут опередил Джералда Фарранта, который занял место в полумраке зала и сидел неподвижно, глядя на сцену.

С самого начала действие шло неровно и воодушевления не внушало. Сандра Борн заменила Джин в качестве суфлера (какие-то срочные домашние дела помешали Джин присутствовать на репетиции), сочетая его обязанности с работой режиссера и постановщика. Отвлекаться ей было некогда, поскольку на сей раз, в отличие от предыдущей репетиции, когда все знали свои роли назубок, игру прерывали досадные заминки — кто-то забывал реплики, не слышал подсказок. Вскоре стало ясно, что постановка движется к катастрофе: каждая сцена получалась чуть хуже предыдущей, с каждым действием ситуация выходила из-под контроля.

Воэн не выказывал и тени былого огня. Он уже не доминировал в труппе — напротив, играл посредственно и с каждой минутой все хуже. Свои реплики Воэн произносил машинально и невыразительно.

Тремейну пришлось признать, что аплодисментов заслу-

живает только Полин Конрой. Ее талант актрисы не вызывал сомнений. Рядом с ней Пол Расселл в роли обуздывающего ее злого гения смотрелся неуклюжей марионеткой, которой никого не обмануть.

Филлис Голуэй и Джеффри Маннинг прилагали все старания, чтобы вдохнуть в пьесу жизнь, но какой бы притягательной ни была красота юной девушки, каким бы воодушевлением ни пылал Маннинг, их способностей не хватало, чтобы противостоять хаосу на сцене. Вдобавок сами они, подавленные, как и остальные, часто допускали промахи. Говард Шеннон не мог сосредоточиться и забывал свои реплики. Сандре Борн приходилось снова и снова поправлять его, и Тремейн видел, что она уже теряет терпение. Ее нервы тоже были расшатаны, и хотя Сандра предпринимала усилия, чтобы сохранить спокойствие, было ясно, что долго сдерживаться она не сможет.

Ситуация усугубилась настолько, что любой мелочи, которая в обычных обстоятельствах вызвала бы смех, было достаточно, чтобы поднять бурю. Как уже было известно Тремейну, по ходу пьесы неверного мужа Говарда Шеннона убивает (за сценой) разъяренная ревнивая жена. Сюжет строился так, что жене предстояло «обнаружить» его труп в присутствии свидетелей в большом железном кофре, и поскольку этот кофр находился на сцене примерно десять минут, Шеннону требовалось провести некоторое время, скорчившись, в тесноте.

На предыдущей репетиции Тремейн отметил проявленное труппой внимание к деталям — настолько тщательное, что «труп» Шеннона действительно «находили» в кофре, несмотря на отсутствие зрителей в зале, — но сегодня упитанный участник труппы наотрез отказался следовать роли. Он заявил, что это всего лишь репетиция, и ему незачем терпеть неудобства. Шеннон повел себя как капризный мальчишка, упрямо отказываясь играть по тем правилам, какие соблюдают его товарищи. Он закатил такую сцену, что Сандра Борн раздраженно прикусила губу.

— Что с вами такое, Говард? Вы же раньше не возражали.

— Не понимаю, зачем мне торчать в этом проклятом сундуке, — недовольно поморщился тот. — Мы ведь просто репетируем!

— Да, но мы же всегда старались сделать репетиции похожими на представление.

— А я все равно не полезу. И вообще: вся эта дурацкая затея с пьесой — потеря времени.

— Хорошо, — поспешно отозвалась Сандра, уловив опасные нотки в его голосе, — сегодня пропустим этот момент. Но хотя бы поставьте кофр на место, Говард, чтобы мы могли представить, что происходит. Он вон там, за кулисами.

Все еще протестуя и ворча, Шеннон принялся выдвигать кофр из темноты за кулисами на указанное место у рампы, чтобы подготовиться к дальнейшим сценам.

— Очень тяжелый, — недовольно пробурчал он. — Может, вообще обойдемся без него?

— Если уж мы собираемся показать эту сцену, то должны сыграть ее как полагается! — заявила Сандра Борн.

Мордекай Тремейн впервые видел, как она выходит из себя, и гнев в ее голосе был настолько очевиден и силен, что отрезвил Шеннона, который перестал пререкаться и вскоре справился со своей задачей.

В этой сцене тон задавала в основном Карен Хэммонд, кульминацией становилось ее притворное удивление и ужас в тот момент, когда она «обнаруживала» труп своего мужа. Показано было, как продуманно и ловко Карен создает себе алиби. Ее виновность выяснялась только в последнем действии пьесы. Свою сцену Карен начала неуверенно и робко. Как и у Возна, ее мысли витали где-то далеко, а слова, которые она произносила, не вызывали ни малейшего интереса у нее самой.

Тремейн оглянулся на полутемный зрительный зал. Филиппа Хэммонда в нем не было. Он посмотрел на красивую женщину на сцене. Чем была вызвана ее странная уклончивость в ответ на расспросы о муже? Что она пыталась утаить?

Драма кое-как доковыляла до кульминационного момента. Карен Хэммонд произносила свои реплики — вроде небрежные, но на самом деле продуманные, — с таким расчетом, чтобы ей представилась возможность открыть кофр в присутствии Пола Расселла и Джеффри Маннинга, которые были ее партнерами по сцене. Она направилась к кофру. Откинула крышку. И завизжала. Визг был предписан ее ролью.

Он звучал на редкость реалистично. Но Мордекай Тремейн вдруг понял: что-то не так. Карен Хэммонд больше не играла роль. Но продолжала визжать — дико, истерически, будто не могла остановиться. Раздался голос Сандры Борн, резкий от паники и тревоги:

— Карен, в чем дело?

Тремейн вскочил со своего места и бросился к сцене. В спешке он не добежал до ступенек сбоку, а неуклюже перебрался через рампу. И рванулся к открытому кофру, возле которого с обезумевшим видом стояла Карен Хэммонд.

Там, в невероятный миг ужасного осознания, он понял, почему визг не прекратился. Внутри кофра Тремейн увидел неестественно розовое и искаженное лицо Филиппа Хэммонда. Его глаза были широко открыты, но не видели ничего: Филипп Хэммонд был мертв.

Глава 12

Газеты выжали из случившегося все, что могли. «Ужас объял Далмеринг» — гласил заголовок крупными буквами в «Дейли вью», над снимками деревенского клуба и наглухо запертой калитки, ведущей в рощу. «Неизвестный убийца лишил жизни вторую жертву». «Морнинг глоб» вступала в общий хор голосов: «Страшное испытание для прекрасной вдовы. Тело мужа найдено в кофре. Кто он, таинственный убийца?»

Заголовки наглядно свидетельствовали о содержании дальнейших статей. Обстоятельства, при каких был обнаружен труп Филиппа Хэммонда, показались бы достаточно драматичными, даже будь они описаны в сухой и деловитой манере, но из-под резвых перьев самых речистых писак Флит-стрит они вышли в виде целых столбцов убористого шрифта и цветистой прозы, изобилующей эпитетами.

Гибель Лидии Дэр уже привлекла внимание публики к деревне. Известие о втором убийстве стало семенем, упавшем на хорошо взрыхленную, плодородную почву. Материала, собранного журналистами, приезжавшими освещать первую трагедию, хватило также на подробную предысторию для второй.

Пожалуй, не следовало удивляться акценту, сделанному на элементе чудовищности. Его новостная ценность была слишком велика, чтобы пренебречь ею. Случившееся в деревенском клубе воспроизвели во всех подробностях, проявив в них определенную вольность, а Карен Хэммонд превратили в трагическую и прекрасную героиню драмы, ужасающей своей гротескностью.

Статью Барри Энстона в «Дейли рекорд» Мордекай Тремейн перечитал несколько раз. Его новый знакомый написал, пожалуй, самый детальный отчет из всех опубликованных. Было сразу ясно, что время в Далмеринге он провел не даром. Осведомленность репортера о деревне и ее обитателях свидетельствовала о скрупулезных исследованиях.

Помимо перечисления фактов, которые, несмотря на всю свою точность и сенсационность, не содержали ничего такого, чего не знал бы Мордекай Тремейн, Энстон написал также общую статью о двух убийствах. В ней он позволил себе такую роскошь, как несколько весьма художественных абзацев. Тремейн представлял, с каким удовольствием Энстон работал над ними.

«В чем тайна Далмеринга? Какая странная и мрачная истина скрыта за ужасом, зловещая тень которого упала на эту живописную и еще недавно мирную деревушку?

Здесь невозможно жить, как я жил несколько последних дней, и не чувствовать трагедии, пронизывающей, похоже, все эту красоту. В самом воздухе ощущается зло. Невероятное заявление для бывшего репортера криминальной хроники? Тем не менее это правда. В атмосфере можно уловить гнусное присутствие убийства. Будто в округе завелся некий вызванный из глубин преисподней демон, которого надо подвергнуть экзорцизму, прежде чем тут вновь воцарится покой.

Перед нами — прелестнейшие из пейзажей, какие только можно увидеть в наших английских райских кущах. Однако они не радуют. Разум нашептывает, что именно здесь убили Лидию Дэр. Здесь погиб Филипп Хэммонд. Ужас их смерти губит благоухание, от него увядает красота.

Уже дважды это зло нанесло смертельный удар. Будет ли третий? Разразится ли третья страшная трагедия, появится ли новая жертва?

Этот вопрос стал насущным в жизни маленькой общины. Вот почему, пока я пишу эти строки, люди говорят приглушенными голосами, а дети не играют на озаренной солнцем улице за моим окном. Вот причина невысказанного ужаса, в настоящий момент парализовавшего деревню Далмеринг».

Мордекай Тремейн аккуратно сложил газету и, откинувшись на спинку шезлонга, поднял голову и посмотрел в голубое небо. Статью он счел примечательной. Она подкрепляла версию, которая постепенно вырисовывалась у него в голове.

Убийства Филиппа Хэммонда Тремейн не ждал в прямом смысле слова. Разумеется, оно потрясло и ужаснуло его. Но вскоре он понял, что в результате какой-то странной убежденности все это время знал, что именно должно случиться, потому убийство и не стало для него настолько неожиданным.

Он пытался уверить себя, что это просто уловка психики — ощущение из тех, с каким люди часто сталкиваются, входя в помещение и зная, что оно им не знакомо, и тем не менее испытывая чувство, будто они здесь уже бывали. Все это имело какое-то отношение ко времени и к подсознанию, получающему впечатление за долю секунды до того, как оно будет воспринято.

Но почему-то подобные рассуждения казались неубедительными. Тремейн никак не мог избавиться от стойкого ощущения, что ему было известно о предстоящем убийстве. Абсурд, конечно. Знать о нем он не мог. Если бы он хотя бы заподозрил такую возможность, то сразу обратился бы к Джонатану Бойсу и изложил ему факты. Ему вновь вспомнилось залитое слезами, искаженное страхом лицо Карен Хэммонд. Никогда в жизни Тремейн не пожелал бы снова увидеть такую бездну горя и отчаяния в человеческих глазах. Нет, он не мог знать, что ее ожидает настолько сокрушительный удар, и бездействовать. Иначе был бы не меньшим злодеем, чем сам убийца.

Но теперь хаос у него в голове постепенно начал исчезать. Однако идея сформировалась лишь наполовину, он все еще двигался ощупью впотьмах хоть к какой-нибудь определенности, на которую мог бы с уверенностью указать. Тем не менее, каким бы невероятным ни казалось решение, Тремейну постепенно открывалась истина.

Он поднялся и медленно направился по садовой дорожке, одновременно с напряженной работой мысли восхищаясь опрятностью и красотой цветочных клумб Пола Расселла. Дойдя до небольшого садового сарая, остановился и минуту-другую задумчиво смотрел на него. Да, и это тоже возможно.

В дом Тремейн зашел за своей панамой. Он знал, что в это утро у Пола прием, а у Джин полно домашних забот. Тремейн просунул голову в дверь кухни, где она готовила еду и присматривала за работницей из деревни, усердной, но непредсказуемой в своих действиях, и сообщил, что намерен уйти на пару часов. Джин пыталась дружески улыбнуться ему, но ее лицо по-прежнему осталось встревоженным. До Тремейна вдруг дошло, что с тех пор, как стало известно о наследстве Пола, спокойная и деловитая Джин не похожа сама на себя.

Неспешным шагом Тремейн направился по дороге. Увидеть Джонатана Бойса он не рассчитывал, а встретившись с ним случайно, не надеялся, что у инспектора найдется свободная минутка для разговора. Второе убийство до раскрытия первого — неважная реклама для детектива из Скотленд-Ярда. Наверняка Бойс сейчас не в лучшем настроении.

Единственным светлым пятном в преобладающем мраке оставался факт, что Бойс находился в деревне в тот момент, когда обнаружили труп Филиппа Хэммонда, и не пришлось терять времени на приведение в действие следственной машины. Деревенский клуб подвергся тщательному обыску. Фотографы и эксперты-криминалисты приступили к работе через считанные минуты после того, как стало известно о страшной находке. Бойс бросил все имеющиеся в его распоряжении силы на такие задачи, как измерения, поиски, расспросы, записи. И ничего не оставлял на волю случая.

Основные факты, касающиеся преступления, прояснились почти сразу. Филиппа Хэммонда убили примерно за со-

рок восемь часов до того, как его труп обнаружили. Убийца нанес ему сильный удар по затылку молотком, который использовался для мелкого ремонта в клубе и хранился в одной из комнат за кулисами, где его и нашли, — кстати, без каких-либо отпечатков пальцев. По мнению судебно-медицинского эксперта, удар был достаточно силен, чтобы оглушить жертву, но не убить ее. Бесчувственное тело Хэммонда волоком дотащили до большей из трех комнат, засунули его голову и плечи в духовку и открыли газ. Эксперт утверждал, что причина смерти — отравление угарным газом. И указал с жутковатым, хоть и явно профессиональным удовлетворением, что ярко-розовый оттенок кожи типичен для подобных отравлений. Самоубийство, продолжал рассуждать он, могло иметь место. Оправившись от сильного удара по голове, нанесенного неизвестным, Хэммонд мог решить покончить с собой, сунуть голову в духовку и открыть газовые краны. Но с другой стороны, неразумным представляется предположение о том, что после смерти он снова закрыл краны и улегся в кофр ждать, когда его обнаружат.

Заметив выражение лица инспектора Бойса, эксперт поспешно добавил, что просто стремился обрисовать все возможности. Разумеется, поскольку второй человек явно был необходим, чтобы нанести удар молотком, и в равной степени нужен, чтобы закрыть краны и затолкать труп в кофр за кулисами, почти наверняка этот же человек и открыл газ. В сущности, самоубийство настолько маловероятно, что он поднял эту тему лишь для того, чтобы закрыть ее раз и навсегда.

Итак, произошло хладнокровное убийство. И совершили его отнюдь не сгоряча. Преступник бесстрастно стоял поодаль и ждал, когда газ умертвит его бесчувственную жертву.

Впереди на дороге Тремейн заметил рослую фигуру Барри Энстона и, ускорив шаг, вскоре нагнал его.

— Здравствуйте! — произнес Тремейн. — Слушаете приглушенные голоса?

Журналист озадаченно повернулся к нему:

— Какие еще голоса?

— Ну, помните: «...дети не играют на озаренной солнцем улице...» Все вокруг ждут судного дня!

Энстон заметил, как иронично поблескивают глаза Тремейна, и его лицо прояснилось.

— А, так вы читали? Пожалуй, местами получилось слишком мрачно, но публика ничего не имеет против сгущения красок.

— Меня просто позабавил абзац про озаренные солнцем улицы, — объяснил Тремейн. — Поскольку об убийстве узнали вчера вечером, было, наверное, уже совсем темно, когда вы писали эти строки, — вам ведь пришлось продиктовать их по телефону, чтобы статья попала в утренний номер.

— Назовем это разумным предвидением, — промолвил Энстон. — В конце концов, сейчас светит солнце, а я что-то пока не видел беззаботной детворы, играющей на деревенской улице. Если уж на то пошло, деревню заполонила полиция.

— Из вашей статьи я сделал вывод, что вы обращались с расспросами к местным жителям.

— Да, ходил по округе. Ведь это как-никак моя работа. Знаете, Тремейн, я писал все это совершенно искренне: здесь действительно чувствуется что-то настораживающее. Может, и не настолько жуткое, как следует из моего описания, — признаться, я намеренно призвал на помощь все эти упоминания об атмосфере ужаса и так далее, — но я убежден, что это не пустая болтовня.

— Хотите сказать, — подхватил Тремейн, — что вы заметили некие ощущения... страха, ужаса, предчувствия, которые не остались незамеченными и для жителей деревни. Подобное возникало и у Лидии Дэр перед смертью. Вы об этом знали?

Энстон внимательно посмотрел на него:

— Да. Похоже, вы поняли, что я имею в виду.

— Я тоже ходил по округе. И какого же вы мнения об убийстве Хэммонда?

— Если вы спрашиваете, знаю ли я, кто его убил, мой ответ — «нет», зато могу назвать вам подозреваемого номер один.

— Воэна, конечно?

— Естественно, — кивнул Энстон. — Наш общий друг инспектор Бойс как раз сейчас допрашивает его. Если выяснится, что у него нет алиби, похоже, ему не на что рассчитывать.

— И дело будет выглядеть очевидным, — добавил Тремейн. — Хэммонд открыто говорил о том, что Воэн убил Лидию Дэр. Он заявил мне, что, если нам нужны доказательства, он позаботится, чтобы мы их получили. Но вам, наверное, это уже известно?

— От инспектора. Скверная история. Воэн убил Лидию Дэр. У Хэммонда появилось доказательство, способное отправить Воэна на виселицу, поэтому тот убил и его, чтобы заставить замолчать.

— Это же очевидно, — попытожил Мордекай Тремейн и спросил: — Вы сегодня виделись с Карен Хэммонд?

— Нет... Бедняжка, она так тяжело перенесла этот удар... — вздохнул Энстон. — Они с мужем были преданы друг другу. Не завидую инспектору Бойсу, когда придет время допрашивать ее. Хотел бы я знать, виделись ли с ней вы... Хэммонд был убит за сорок восемь часов до того, как обнаружили труп. То есть он пропал довольно долго, и не было задано никаких вопросов по поводу его отсутствия.

— Именно, — согласился Тремейн.

Он полагал, что Энстон ждет от него рассуждений по данному поводу, но по неким причинам, которые не мог объяснить, говорить об этом не желал. Через несколько минут Тремейн простился с репортером и направился в сторону деревенской площади. Карен Хэммонд вызывала у него смутные сомнения. Она вписывалась в отведенное ей место его версии, но не совсем. Что-то было не так, чего-то не доставало. Неужели он выбрал не тот путь? Тремейн уже признался себе, что решение, выстроившееся у него в голове, кажется невероятным. Или все-таки ошибочным?

На деревенской площади жители ближайших коттеджей стояли группами по двое и по трое, будто бы увлеченные разговорами, но на самом деле ожидающие дальнейшего развития событий. Здесь было и немало приезжих. Газетчиков можно было распознать по их бесцеремонной манере являться на собрания местных жителей, очевидно, в поисках сведений для статей, которые предстояло отослать редакторам. Полицейские тоже выделялись — тем, что, где бы ни появлялись,

действовали целеустремленно, всем видом давая понять, что заняты серьезным делом и им некогда терять время.

Возле деревенского клуба, который Бойс превратил в свой оперативный штаб, Тремейн увидел его самого, совещавшегося с коллегами. Отвлечь инспектора Тремейн даже не пытался, зная, что у Бойса сейчас и без того полно хлопот. Развернувшись и направившись обратно к центру деревни, Тремейн заметил Полин Конрой. У него сразу возникло ощущение, что она следила за ним, а когда он подошел ближе, его подозрения частично подтвердились, так как она улыбнулась ему и ясно выразила намерение заговорить с ним. Тремейн замедлил шаг.

— Доброе утро, мисс Конрой!

Она ответила на приветствие и зашагала рядом с ним.

— Ваш друг инспектор сегодня очень занят, — произнесла Полин Конрой. — Поднялся ни свет ни заря.

— Инспектор Бойс не теряет времени, — ответил Тремейн, пытаясь понять, к чему она клонит. — В случае убийства необходимо начать поиски преступника сразу. Важные улики порой исчезают, если промедлить с их поиском.

— Да, я понимаю, что так надо, — кивнула она.

На лбу Полин Конрой появились морщины, словно она старательно обдумывала слова собеседника. Ее всегда чуть излишне подчеркнутая смуглая красота излучала притягательность. Тремейн уловил аромат крепких и вместе с тем изысканных духов, который вскружил ему голову, несмотря на погруженность в размышления. «Молине»? «Шанель»? «Герлэн»? Он позволил себе улыбнуться. Полин разыгрывала сцену ради него.

— Ужасная трагедия! — воскликнула она. — Бедный Филипп, кто бы мог подумать, чем все обернется! Газеты подняли шум, съехались репортеры. С прошлого вечера я только и делаю, что отвечаю на чьи-нибудь вопросы. Да, это реклама, ради этого актеры и живут, но я бы предпочла не иметь вообще никакой рекламы, чем обеспечить ее себе таким путем.

— Полагаю, в ближайшие несколько дней у вас не будет отбоя от репортеров и фотографов, — сказал Тремейн. — Особенно из «Дейли вью».

Полин Конрой резко повернулась к нему, и он увидел, что самообладание покинуло ее. Значит, «Дейли вью», спеша порадовать читателей, уже воспользовалась фотогеничностью мисс Конрой. А видимое нежелание этой леди пожинать плоды рекламы, связанной с ее участием в пьесе об убийстве, где труп оказался настоящим, — просто уступка условиям. Но все эти рассуждения не отразились на его лице, которое хранило выражение невозмутимости.

— Я искренне сочувствую Карен, — продолжила Полин, потом разыграла пристыженное замешательство и нерешительно спросила: — Вы, наверное, уже знаете, что мы с ней... не очень-то ладили в последнее время?

— Да, я слышал нечто подобное, — нехотя признался Тремейн, словно намекая: если и слышал, то не обратил внимания.

— Получилась глупая ссора, — объяснила она. — В ней виноваты в равной степени мы обе. Разумеется, я понятия не имела, что будет дальше, иначе забыла бы свою гордость и попыталась помириться с ней. Вряд ли Карен все еще готова продолжать эту глупую вражду. Ей и без того тяжело. Представить не могу, как она выдержала этот ужас. Они с Филиппом так любили...

Полин вдруг замолчала и взглянула на Тремейна. Он понял намек и поспешил подать реплику:

— Да?

— Трудно говорить об этом, — вздохнула Полин Конрой. — Разумеется, газетчики от меня ничего подобного не услышат. Но вы или инспектор должны об этом узнать. Они производили впечатление преданной пары. Но было кое-что...

— Кое-что? — словно актер с большим опытом, отозвался Тремейн.

— Филипп часто отлучался. Он постоянно ездил по долгу службы в Лондон. Невозможно было угадать заранее, когда он будет дома. Филипп никогда не брал Карен с собой в город; в сущности, он ее вообще никуда не брал, хоть и казался преданным супругом. А в ночь, когда убили Лидию... кое-что показалось мне странным. Карен говорила, что Филипп все время находился с ней, а на следующее утро никто не видел

его потому, что он рано уехал в Лондон, но я не слышала шума его машины.

— В то утро, наверное, вы на что-то отвлеклись, ведь Филипп уехал раньше обычного.

— Нет, — возразила Полин, и уверенность в ее голосе показалась Тремейну чрезмерной. — Я убеждена, что услышала бы машину, если бы Филипп уехал на ней, — я сплю чутко и слышу, как он выезжает из гаража. Вот я и подумала, мистер Тремейн... Может, у Филиппа была какая-то тайна или враги, потому он и жил так... скрытно?

— А что именно навело вас на мысль, что у мистера Хэммонда могли быть враги? Вам известно, что у него возникали какие-то проблемы?

Она покачала головой:

— На самом деле я ничего не знаю наверняка. Вот только несколько дней по деревне блуждал какой-то человек, и Карен, по-моему опасалась его.

Очевидно, Полин Конрой имела в виду Хорнсби. Тремейн уже взял себе на заметку, что пора заняться этим похожим на хорька джентльменом.

— Что-нибудь еще? — спросил он.

— Одно время у Филиппа были трения с Джеффри Маннингом. Но вскоре все закончилось. Они снова стали друзьями.

— Какого рода трения?

— Не знаю. Но вроде что-то серьезное. Они чуть не сцепились друг с другом. Но потом как будто обо всем забыли.

— Давно это происходило?

— Месяца два-три назад, — ответила Полин. — Но, по-моему, сейчас это не важно.

Они снова вышли на площадь, а ярдов через двести-триста, приближаясь к улице, ведущей к той же площади с противоположной стороны, увидели впереди неуклюже шагающего Сержа Галески в фланелевом костюме. Заметив его, Полин Конрой извинилась и отошла, Тремейн посмотрел ей вслед. Галески оглянулся в его сторону и жестом дал понять, что узнал его. Тремейн с трудом удержался, чтобы не помахать

ему рукой. Он был прав. Теперь Тремейн уже не сомневался, что прав. Его версия подтверждалась.

Днем он отправился автобусом в Кингсхэмптон, и в этом приморском городке первым делом поспешил на поиски книжного магазина и машинописного бюро, принадлежавших друзьям Эдит Лоррингтон. Сам книжный магазин был невелик, но поражал богатством ассортимента и, судя по тому, что в нем толпились покупатели, процветал. Машинописное бюро размещалось над магазином. Остановившись у лестницы в глубине помещения, Тремейн услышал деловитый стук клавиш пишущих машинок, доносящийся сверху.

Выбрав момент относительного затишья, он подошел к пожилой седовласой даме, заведовавшей магазином.

— Простите, — произнес он, — но вы, если не ошибаюсь, дружите с мисс Эдит Лоррингтон, проживающей в Далмеринге?

Дама окинула его недоверчивым взглядом:

— Вы из газеты?

— Нет, — с обезоруживающей улыбкой заверил Тремейн. — Полагаю, меня тоже можно назвать другом мисс Лоррингтон. Я сейчас в гостях в той же деревне, у доктора Расселла.

Упоминание имени доктора оказалось своего рода талисманом.

— Извините, — проговорила дама. — С тех пор, как произошли эти ужасные убийства, мы здесь готовы к самым разным визитам, потому что знакомы с Эдит, а вы же знаете, какие они, эти газетчики: вечно пристают с расспросами. Так чем я могу помочь вам, мистер?..

— Тремейн. Да, пожалуй, вы могли бы мне помочь. Меня чрезвычайно заинтересовала пьеса, которую ставят в клубе Далмеринга.

— Вы имеете в виду «Для убийства есть мотив»? Я видела упоминания о ней в газетах сегодня утром. Как ужасно, что мистера Хэммонда нашли вот так! Наверное, его жена, бедняжка, была потрясена. Меня поразило это обстоятельство еще и потому, что пьесу перепечатывали здесь. Вы знаете,

что мы держим не только книжный магазин, но и машинописное бюро?

— Да, — кивнул Тремейн. — Кстати, это и есть причина моего визита. Можно ли мне побеседовать с тем, кто перепечатывал пьесу?

— Пожалуй, это можно устроить. — Дама с любопытством взглянула на него. — Будьте добры, пойдемте навстречу.

Мордекай Тремейн послушно последовал за ней и через несколько минут уже разговаривал с машинисткой, ради встречи с которой предпринял поездку в Кингсхэмптон. Он задал ей ряд вопросов относительно пьесы «Для убийства есть мотив», и ответы его полностью удовлетворили, потому что из здания Тремейн вышел, уверенный в себе, хоть и озадачил дам, с которыми распрощался.

Остаток дня после возвращения в Далмеринг Тремейн выглядел не более чем гостем, праздно созерцающим картины деревенской жизни, но когда стемнело, направился к «Адмиралу», где договорился встретиться с Джонатаном Бойсом. В здание он вошел через боковую дверь и поднялся в отведенную инспектору комнату — довольно уютную, хотя и с низкими потолками. Бойса он застал мрачным, пьющим пиво из кружки, которая вмещала пинту.

— Добрый вечер, — угрюмо произнес инспектор. — Садитесь куда-нибудь.

Тремейн принял приглашение и с удобством расположился на плетеном стуле.

— Критики уже взялись за дело? — осведомился он.

— Пока нет, — ответил Бойс, — но скоро возьмутся. Я весь день ждал личного сообщения от комиссара.

— Вы сделали все, что в ваших силах!

— Я мог произвести арест.

Тремейн внимательно посмотрел на инспектора:

— Вы что-то выяснили? У Мартина Воэна нет алиби?

— Да, — кивнул Бойс. — Он сам признался, что выходил из дома в то время, когда, по мнению, экспертов, скорее всего убили Хэммонда. После репетиции в клубе Воэн не возвращался довольно долго. В ночь первого убийства, как вы помните, его слуга Бленкинсон сказал, что хозяин находился

у себя в кабинете с того момента, когда Лидия Дэр покинула дом, и до тех пор, как он лег спать. Но отвечая на расспросы о той ночи, когда убили Хэммонда, Бленкинсон заявил, что Воэн вернулся домой очень поздно.

— Воэн не отрицает это?

— Он не в состоянии — ввиду свидетельства Бленкинсона.

— Полагаю, его объяснения, где он находился, звучат неубедительно?

— Вы угадали. По его словам, бродил по округе, ему не хотелось спать, и он решил подышать свежим воздухом.

— На репетиции прошлым вечером Воэн выглядел довольным собой — по крайней мере, мне показалось, что он держится весьма уверенно. Какого вы мнения о его отношении к смерти Хэммонда?

— Неопределенного, — ответил инспектор. — Воэн не пролил ни слезинки, но в то же время вел себя совсем не так, словно пытался что-либо скрыть. В целом казался почти равнодушным.

Плетеный стул скрипнул под Тремейном, он поднял голову и уставился в потолок.

— Если Воэн убил Лидию Дэр... Если Филипп Хэммонд знал об этом и мог это доказать... Если Воэн знал, что он знает, и если он убил Хэммонда, чтобы спастись самому... в таком случае сейчас он очень доволен собой, поскольку устранил источник опасности, и демонстрирует равнодушие на грани черствости.

— Для того чтобы осуществить подобный план, Воэн должен быть хладнокровным, как демон, — заметил Бойс. — По сути дела, безумным.

— Тот, кто убил Хэммонда, действительно был хладнокровным, — подтвердил Тремейн. — А поведение Воэна далеко не всегда можно назвать нормальным. Но я согласен с тем, что доводы против него, хотя они и складываются один к одному, большей частью предположения. Есть ли какое-нибудь веское доказательство? К примеру, удалось установить его причастность к отпечаткам ног возле трупа?

— Отпечатки оставлены ботинками, — ответил инспектор, — а Воэн обычно носит туфли. С другой стороны, най-

денные отпечатки больше отпечатков Воэна, поэтому он с легкостью мог оставить их, если надел ботинки подходящего размера. И мы возвращаемся к тому, с чего начали.

Он снова взялся за кружку с пивом и замолчал. А вскоре неожиданно заявил:

— Я по-прежнему недоволен, Мордекай. Воэн мог быть тем, кто нам нужен. Он совершил оба убийства. В сущности, все выглядит так, будто он их и совершил, но мне это не нравится.

— Хотите сказать, это слишком очевидно?

— Как подозреваемый Воэн бросается в глаза.

— Предположим, убийца знал, что, как бы умно ни действовал, ему не следует надеяться на то, что он избежит подозрений. Не кажется ли вам, что в данном случае удачной мыслью было бы намеренно выглядеть убийцей?

— Мой мозг сейчас туговато соображает, — признался инспектор. — День выдался нелегкий.

— Если преступник знал, что рано или поздно предположение о его виновности всплывет в ходе следствия, то мог даже решить действовать, как и полагается виновному: к примеру, вопреки обыкновению, стать необщительным и ясно давать понять, что он под подозрением. Конечно, эта игра была бы опасной, особенно если в его планах имелся изъезд, но она подвела бы полицию к мысли, что он настолько очевидный кандидат в убийцы, что на самом деле быть им не может. Мелочи, которые полицейские могли бы счесть очень важными, стали бы восприниматься как незначительные, если бы он постарался навести на них глянец.

— Я понимаю, к чему вы клоните, но не горю желанием выдвигать конкретные обвинения против Воэна до тех пор, пока не проясню несколько моментов. Вот с этим Шенноном, к примеру. После того, что вы рассказали мне тогда за чаем, я решил снова пересмотреть его показания. Пока я не получу последние отчеты и не спрошу Энстона, чтобы выяснить, что известно ему, я не смогу выкинуть из головы мысли о Шенноне. Почему он отказался вчера вечером лезть в кофр? Вот еще одна деталь, какую нам необходимо прояснить.

— Все были сильно взвинчены. Шеннон ощущал напряжение, как и остальные, и кофр стал для него поводом для срыва.

— Но ведь раньше Шеннон всегда забирался в кофр без возражений, — напомнил Бойс, — а репетиций провели множество. Почему же именно этим вечером он отказался наотрез? Неужели потому, что знал, где находится труп Хэммонда?

Ответов на свои вопросы, которые были риторическими, он не ждал.

— Потом еще миссис Хэммонд, — продолжил инспектор, и Мордекай Тремейн вздохнул.

— Так я и знал, — сказал он. — Вы недовольны ее показаниями.

— Да, недоволен. Я уже начинаю привыкать к тому, что в этой деревне все рассказывают мне лишь половину правды. Филипп Хэммонд посетил репетицию в деревенском клубе и ушел оттуда вместе с женой. После этого никто не видел Хэммонда до того момента, как был обнаружен его труп, — через сорок восемь часов. Почему Карен Хэммонд не заявила о том, что муж пропал? Почему не сообщила хотя бы мне?

— Какие-нибудь объяснения были?

— Она сказала, что бизнес ее мужа отнимает массу времени и ему часто приходится срочно и без предупреждения уезжать в Лондон. Мол, Филиппу позвонили из конторы, как только они вернулись домой. Почти сразу муж уехал, и живым она его больше не видела.

— Карен Хэммонд упоминала, что сама приняла сообщение для мужа? Или он подошел к телефону, потом сообщил ей, что звонили из офиса и просили приехать?

— По ее словам, к телефону подошел муж. Но в тот вечер звонили не из Лондона. Конечно, я не стал верить на слово и справился на местной телефонной станции. Кроме того, я узнал, что Филипп Хэммонд ездил в Лондон не на поезде — к станции он даже не приближался — и не по шоссе, потому что его машина в настоящий момент по-прежнему стоит в гараже.

— Следовательно, в показаниях Карен Хэммонд полно неувязок.

Он поднялся со стула, который протестующе скрипнул. Выпрямившись, Трмейн посмотрел на инспектора сверху вниз.

— Джонатан, — негромко произнес он, — по-моему, вы опасаетесь третьего убийства.

Инспектор едва не выронил свою кружку на пол.

— Вы спятили?! — воскликнул он.

— Мне страшно, Джонатан, честное слово, мне очень страшно. — Трмейн наклонился над столом и негромко проговорил: — Если вы хотите предотвратить новую трагедию и ужас в этой обреченной деревне, не спускайте глаз с Полин Конрой!

— С Полин Конрой? — Инспектор удивленно взглянул на него. — Вы имеете в виду, она...

— Не могу вам сказать, что я имею в виду. Но следите за ней, Джонатан, следите днем и ночью. Не спускайте с нее глаз ни на минуту!

Мордекай Трмейн выпрямился и повернулся. Инспектор Бойс, продолжая держать в руке кружку, услышал, как эхом отозвались шаги Трмейна по дубовым ступеням лестницы, как он распахнул входную дверь и как она захлопнулась за ним.

Глава 13

Колеса вагона выстукивали один и тот же ритм, он убаюкивал, несмотря на странное ударение: Ка-рен Хэм-монд, Ка-рен Хэм-монд... А потом поезд загрохотал и закачался на многочисленных стрелках, Мордекай Трмейн очнулся от дремоты и увидел, что уже проезжает через пригороды Южного Лондона.

О Карен Хэммонд он думал непрестанно с тех пор, как утром покинул Далмеринг. Она не шла у него из головы, потому что ему было страшно. А боялся он того, что ему вскоре предстояло узнать. Трмейн догадывался, какая длинная и запутанная история скрывается за ее горестным, трагическим взглядом и за смертью Филиппа Хэммонда, и старался отдалить встречу с ней, хотя и понимал, что она неизбежна.

Раз десять за время поездки он принимался перебирать в памяти то небольшое, что уже знал. Вспоминал затравленное выражение лица Карен вечером в «Стране роз» и отчаянную мольбу на ее лице, когда она остановила его позднее на дороге. Вспоминал похожего на хорька Хорнсби и его интерес к Хэммондам, а также страх перед ним, который пыталась скрыть Карен Хэммонд. Вспоминал вопиющий факт, на какой указал Джонатан Бойс: Филипп Хэммонд был убит за сорок восемь часов до того, как о его смерти стало известно, и все это время жена не выразила беспокойства, хотя и не получала от него никаких известий, и не предприняла попыток найти его.

Вспомнилось ему и напряжение Карен Хэммонд в тот день, когда выяснилось, что ее супруга убили, и странное выражение, адресованное ею Полу Расселлу, когда она задержалась у него в коридоре и сказала: «Что бы ни случилось, прошу вас... пожалуйста, не судите меня слишком строго».

Что побудило Карен Хэммонд обратиться к нему с такими словами? Мордекай Тремейн задумался о наиболее вероятных причинах, и его сердце снова мучительно сжалось.

Поезд подъехал к вокзалу Виктория. Тремейн взял такси и через тридцать пять минут уже с наслаждением пил кофе в обществе мисс Аниты Лейн в ее уютной кенсингтонской квартире. Аниту Лейн хорошо знали множество людей, никогда не встречавшихся с ней лично. Она снискала репутацию одного из наиболее заслуживающих доверия, хотя и острого на язык, лондонского критика, ее статей о театре и кино неизменно ждали и жадно прочитывали, а суждения ценили.

Это была женщина лет пятидесяти с мягким голосом, седеющими волосами, обаятельными манерами и талантом умно рассуждать на всевозможные темы. Мордекай Тремейн познакомился с ней во время одного из своих периодических визитов в Лондон к Джонатану Бойсу. Их представил друг другу инспектор — поразительно, сколько у него было знакомых и как широк был круг их интересов, — и оба сразу же прониклись дружескими чувствами. С тех пор они встречались несколько раз и постоянно переписывались. Тремейн знал, что всегда найдет радушный прием в художественно обставленной

квартирке, где о литературной деятельности Аниты Лейн свидетельствовала лишь портативная пишущая машинка.

Дождавшись, пока он допьет свой кофе с шоколадным печеньем, Анита спросила:

— Итак, Мордекай, в чем причина этого неожиданного визита? Как правило, вы не приезжаете, не известив меня письмом о своих намерениях заранее. Значит, если я правильно понимаю, дело серьезное.

— Да, действительно, — признался он. — В настоящий момент я в гостях в Далмеринге, и...

— В Далмеринге? — Услышав это название, она указала на газеты, которые читала перед его приходом. — Хотите сказать, в том самом Далмеринге? Опять вы что-то расследуете!

— Можно сказать и так. Джонатан Бойс там же, и я проявил интерес к его делу. Вот почему приехал увидеться с вами, Анита. — Он взял квадратный пакет в коричневой оберточной бумаге, который привез с собой. — Я хотел бы, чтобы вы прочитали эту пьесу.

— Пьесу? — удивилась Анита Лейн. — Только не говорите мне, что вы встали на путь гибели! — И тут же она переменялась в лице. — А-а, вы имеете в виду пьесу, которую ставят в этой деревне, — ведь труп нашли во время репетиции! Дайте-ка взглянуть... «Для убийства есть мотив». Это она?

— Да, — кивнул Тремейн и вручил ей развернутую рукопись. — Я хочу, чтобы вы прочитали ее, Анита, и высказали свое мнение. Если только, — добавил он, — вы еще не читали.

— Нет, — ответила она, взглянув на первую страницу. — Алексис Кент? Впервые слышу это имя.

Мордекай Тремейн посмотрел на часы.

— Уже почти одиннадцать. Я вернусь к вам через полтора часа, и мы вместе сходим пообедать. Конечно, если у вас нет других планов.

— Если бы и были, я бы отменила их. Вы меня заинтриговали. В любом случае сейчас я ничем не занята, поэтому вы и застали меня дома. Ладно, Мордекай. Следующие полтора часа меня лучше не отвлекать.

Тремейн улыбнулся. Он и не собирался задерживаться у нее, поскольку хотел, чтобы она прочитала привезенную

им пьесу целиком, не отвлекаясь на заботы об удобстве гостя. Ему было известно, что полутора часов ей хватит, чтобы проанализировать пьесу. Живой и быстрый ум Аниты был натренирован на решение подобных задач.

Тремейн знал, что самому ему представится более чем достаточно занятий на время ожидания. Лондон неизменно завораживал его. Огромные серые здания, сам воздух города, прочно вросшего корнями в землю, плотное уличное движение, миллионы спешащих горожан, его сила, энергия и поразительное ощущение жизни всякий раз с успехом пробуждали в нем любопытство, и он бродил по этим улицам, широко раскрыв глаза и удивляясь своим невероятным приключениям.

Когда Тремейн вернулся к Аните, она уже ждала его. За обедом в маленьком, но превосходном ресторане на одной из соседних улиц, шеф-повар которого превращал каждое блюдо в шедевр, Анита высказала свое мнение о пьесе.

— Ей недостает зрелости, Мордекай: конструкция непрочная, диалоги надо бы сократить, — и все же в ней что-то есть. В пьесе чувствуется жизнь. Кажется, будто она была написана по горячим следам. События развиваются стремительно, словно выходят из-под контроля, и автор уже ничего не может с ними поделать. Странно, но местами эта пьеса меня пугала.

— Любопытно, — заметил Тремейн. — Весьма любопытно. — Его глаза поблескивали за стеклами пенсне. — Спасибо вам, Анита. Ваше мнение бесценно.

— Мне это было в радость, — ответила она. — Такое чувство, будто я совершила открытие. Я не прочь встретиться с Алексис Кент. Она наверняка незаурядный человек.

— Она? — встрепнулся Тремейн.

— Да, а что? Ведь автор женщина...

— Не знаю. Пока не знаю.

Он беседовал с Анитой Лейн до тех пор, пока она поощряла его — разговоры с ней всегда помогали ему воспрянуть духом, — но в конце концов с сожалением объявила, что ей пора.

— Дел у меня хоть и не много, — объяснила Анита, — но они все-таки есть: нужно закончить статью для «Театрального обозрения». Надо же на что-то жить.

— Простите, — пробормотал Тремейн. — Я совершенно забыл о том, что вам надо работать.

Поезда до Далмеринга ходили часто, эта станция располагалась на одной из основных веток Южной линии, поэтому на вокзале Виктория он прождал всего десять минут. На маленькой станции в конце своего пути он вышел с приятным осознанием, что успеет в «Страну роз» к чаю.

По дороге к дому он встретил Джеффри Маннинга. Тот кивнул и хотел было продолжить путь, но Тремейн окликнул его.

— Минутку, Маннинг! Я как раз надеялся встретить вас.

Маннинг приблизился, держась чуть настороженно. Его дружбу с инспектором Бойсом, иронически подумал Тремейн, местные жители восприняли с одинаковым беспокойством, однако выразили свои чувства по-разному. Опасения Полин Конрой вылились во внезапную демонстрацию радушия, а Маннинг, не обладающий актерскими талантами, реагировал менее двусмысленно.

— Как ужасна эта история с Хэммондом... — начал Тремейн.

— Карен пришлось тяжело, — вздохнул Маннинг. — Говорят, она в полной прострации.

Ему было явно неловко. Он понимал, что это лишь вступление и добродушный с виду мужчина в пенсне, который, по слухам, дружит с самим детективом из Скотленд-Ярда, расследующим убийство, остановил его не ради обмена банальностями.

Тремейн не стал томить его в неизвестности.

— Если не ошибаюсь, — негромко продолжил он, — вы с Филиппом Хэммондом были не в ладах.

Маннинг опешил. На лице у него отразилась паника.

— Кто вам сказал?

— Мой источник сведений неважен, — ответил Тремейн. — Что меня интересует в данный момент, так это выяснить, правда это или нет.

Он смотрел Маннингу в лицо. Тот опустил голову, а потом проговорил:

— Ну хорошо... вы, наверное, все равно уже знаете, так что я могу признаться. Мы поссорились. Но я думал, все уже забыто. Хэммонд больше не упоминал о нашей ссоре, и я тоже.

— Что же стало предметом вашей ссоры?

— Все уже в прошлом.

В его голосе послышались нотки гнева и тревоги, и Мордекай Тремейн понял: Маннинг пытается что-то скрыть.

— Так что же?

— С какой стати я должен отвечать на ваши вопросы? — возмутился Маннинг. — У вас нет права допрашивать меня!

— Разумеется, нет. Но с вашей стороны было бы разумно рассказать мне все, что вам известно. Я гораздо отзывчивее многих — к примеру, полицейских.

— Я встретил Хэммонда несколько месяцев назад в Лондоне, — нехотя произнес Маннинг.

— Вряд ли этого обстоятельства было достаточно, чтобы между вами вспыхнула ссора.

— Я тоже так думал. Но когда вскользь упомянул об этом в деревне, он вдруг вскипел, обвинил меня в том, что я шпионил за ним, и пригрозил выбить из меня дух, если я не угомонюсь. Терпеть это я не собирался. И высказал ему все, что думал.

— Больше вы с Хэммондом не встречались в Лондоне?

— Нет.

— А кто-нибудь еще из деревни видел его там?

— Вряд ли.

— У вас есть какие-нибудь предположения, почему ваша встреча с Хэммондом вызвала у него такую реакцию?

— Да, — кивнул Маннинг, — есть. Он был с женщиной... не с женой.

Тремейн молчал. Он не сомневался, что Маннинг сказал правду. Судя по виду, тот сознавал, что поднес искру к пороховой бочке, и боялся последствий своего поступка. Помолчав немного, Маннинг продолжил:

— По-моему, об этом больше никто не подозревает. Я не говорил о случившемся ни одной живой душе, даже Филлис. И миссис Хэммонд вряд ли что-либо знает.

Смысл этих объяснений был очевиден. Филипп Хэммонд часто уезжал из дома и во время этих отлучек имел связь с другой женщиной. Само по себе то, что однажды его видели не с женой, ничего не означало: этому случаю мог найтись десяток простых объяснений, — но изобличающим фактором стала реакция Хэммонда. Он повел себя как виноватый, как человек, которому есть что скрывать.

Вот это и имел в виду Маннинг. Ему было известно, что Хэммонд ведет двойную жизнь, но изо всех сил старался сделать так, чтобы полиция поверила, будто бы Карен Хэммонд об этом не знала, потому что в противном случае становилось ясно, что у нее был мотив для убийства своего мужа.

— Можете положиться на меня: я не стану рассказывать всем и каждому то, что услышал от вас, — заверил Тремейн. — Но вы же понимаете, насколько это важно. Вы отдаете себе отчет, что инспектора Бойса надо поставить в известность?

— Да, — кивнул Маннинг.

Продолжая свой путь к «Стране роз», Мордекай Тремейн чувствовал встревоженный взгляд Джеффри Маннинга. Только когда Тремейн свернул к дому и вошел в калитку, Маннинг наконец перестал буравить его глазами.

Тремейну открыла дверь Джин, и он радостно поприветствовал ее.

— Надеюсь, я успел к чаю! Меня мучает жажда, как верблюда, который истощил свои запасы, а пабы закрыты.

— Еще немного — и будете уверять меня, что были бы не прочь выпить пива, — отозвалась Джин. — Вы же сами знаете, что вам к нему не пристраститься.

— Вы правы, — согласился он. — Будущее завсегдатая пивных с извечной кружкой в руках, увенчанной шапкой пены, мне не светит. А Пол дома?

— Он у себя в приемной, но скоро выйдет. Пол просматривает свои записи.

— Беспокойный день?

— Почти как всегда.

— Привычные вызовы к пациентам, полагаю? Ничего из ряда вон выходящего?

Джин вдруг насторожилась.

— Нет. Он или принимал пациентов здесь, или совершал обычные визиты на дом.

— А вечером Пол куда-нибудь собирается?

— Нет, мы оба останемся дома. Не часто нам удается выбраться куда-нибудь вместе. А в чем дело, Мордекай? К чему эти вопросы?

— Ни в чем, — поспешно ответил он, — и ни к чему. Просто хотел узнать, нет ли у вас каких-нибудь планов. Я соби-рался встретиться и пообщаться с Бойсом, вот и не хотел вас задерживать.

Во время чаепития в комнате ощущалась некая скованность. Несколько раз Тремейн замечал, как многозначительно переглядываются Джейн и Пол. Никто ни словом не обмолвился о его поездке в Лондон — казалось, они стараются выбирать самые безобидные темы для беседы.

Тремейн вздохнул с облегчением, когда смог наконец, извинившись, покинуть дом. Он хоть и заявил, что намерен повидаться с Джонатаном Бойсом, однако сомневался, что у инспектора найдется время для разговора. Служебные обязанности могли занять его целиком. Но на сей счет он вскоре смог успокоиться, хотя и получил новую пищу для размышлений. Инспектор ждал Тремейна и вышел ему навстречу, как только увидел его на дороге возле «Адмирала».

— Здравствуйте, Мордекай! — воскликнул Бойс. — Энстон ждет, я тоже собиравался повидаться с ним сегодня — у него в номере, в пабе.

— Энстон? — удивился Тремейн. — Зачем?

— Не знаю. Он ждет нас у себя в девять часов. Сказал, что это важно и что потом все объяснит.

— Вы пойдете?

— А почему бы и нет? Мы остановились в одном и том же заведении, я знаю Энстона. Если он говорит, что это важно, значит, так и есть. Хочет, чтобы и вы пришли, считает, что вам будет интересно. Похоже, Энстон принял вас в свой круг.

— Хорошо, я приду, — пообещал Мордекай Тремейн. — Возможно, наш друг Энстон намерен удивить нас.

Инспектору он об этом не говорил, но его мысли были заняты Говардом Шенноном.

Без пяти минут девять Тремейн уже был неподалеку от «Адмирала». У главного входа он увидел рослую фигуру журналиста, а рядом коренастого Джонатана Бойса. Энстон поприветствовал его кивком, в котором чувствовалась ирония вперемешку с триумфом, и провел в небольшой номер, который снимал в пабе. Репортер явно готовился к приему гостей, поскольку на тумбочке были выставлены три стакана.

— Располагайтесь, почувствуйте себя как дома, джентльмены, — произнес он.

Тремейн сел, достал трубку и протянул свой кисет Джонатану Бойсу. Инспектор удивленно посмотрел на него:

— Трубка! Значит, вам наконец-то это удалось, Мордекай!

Тремейн переглянулся с Энстоном, который с улыбкой наблюдал эту сцену.

— Джонатан считал, что я никогда не приобрету привычку курить трубку, — пояснил он. — Она часто действовала на мой желудок. Но я уже достиг той стадии, когда могу рискнуть выкурить трубку в чем-либо присутствии. И мне кажется, — со значением добавил Тремейн, — что дым от трубки создаст подходящую атмосферу для нашего маленького совещания.

— Пожалуй, — согласился репортер. — Если не возражаете, я и сам угощусь вашим табаком.

Через несколько минут все трое уже сидели в креслах, а дым из трубок поднимался к старым, неровно отесанным балкам, поддерживавшим крышу паба. Бойс выжидательно взглянул на репортера:

— Вам слово, Энстон. Где ваш большой сюрприз?

— А разве я говорил, что приготовил большой сюрприз? — возразил тот. — Вообще-то мне есть что сообщить, и, полагаю, вы найдете мое известие достойным вашего визита, но я подумал, что сначала мы могли бы просто пообщаться и обменяться новостями, тем более что и в редакции от меня ждут материалов.

— А это, случайно, не шантаж? — усмехнулся Бойс.

— Если и так, что такого? — обезоруживающим тоном ответил Энстон. — Вы же меня знаете, инспектор. Моя задача — действовать вместе с вами, а не против вас. Но работа есть работа, и я хотел бы знать все, что, по вашему мнению,

можно опубликовать. Итак, попробуем создать подходящую для беседы атмосферу... Пива?

— Да, не откажусь, — кивнул Бойс. — Если предстоит разговор, меня замучает жажда.

— А мне сидр, — подал голос Трмейн. — Если, конечно, найдется.

— Найдется, — заверил Энстон. — Я уже выяснил у инспектора, что вы предпочитаете сидр местному пиву.

Трмейн улыбнулся:

— Вы на редкость тактично выразились.

Джонатан Бойс подался вперед, сделал большой глоток из своего стакана, потом снова откинулся на спинку кресла. Видно было, что словесную пикировку он затеял просто для отвода глаз. Если бы инспектор не хотел обсуждать дело, которое расследовал, то не явился бы к Барри Энстону. Репортера он хорошо знал и понимал, как тот дорожит его доверием.

— Итак, — начал Бойс, — вы оба в ожидании — следовательно, вправе кое-что узнать. Я до сих пор так и не принял решение насчет Воэна.

— Полагаю, ваши доводы против него весьма серьезны, — произнес Энстон.

— Да. Однако множество неувязок мешают мне высказаться определенно. Что я хотел бы знать, Мордекай, — продолжил он, обращаясь к Трмейну, — так это мотив, который, по вашему мнению, может быть у Полин Конрой. Мои коллеги внимательно следят за нею, но пока что она ничем не навлекла на себя подозрения.

— А я и не говорил, что у нее есть мотив, — возразил Трмейн, — но если хотите, могу высказать одно предположение. Полин Конрой актриса. Она только и ждет, когда ей выпадет шанс сделать себе имя и триумфально ворваться на самые известные сцены Уэст-Энда. И не просто ждет. Ее гложет тщеславие. Вы когда-нибудь задумывались, на что способна такая женщина?

— Убийства — рекламный трюк, чтобы ее имя появилось в газетных заголовках и привлекло к ней внимание лондонских продюсеров? — Бойс покачал головой. — Нет, я на эту удочку не клону. Слишком надуманно.

— Есть ведь еще и Галески. Может, и он тут замешан.

— Даже с участием Галески данная затея бессмысленна. За убийства людей отправляют на виселицу. Да, рекламы они получают сколько угодно, только никакой пользы она им не приносит.

— Я и не говорил, что дело обстояло именно так, — лишь указал, что у нашей блистательной Полин мог найтись подобный мотив.

— Но вы ведь посоветовали мне следить за ней...

— Да, посоветовал.

Мордекай Тремейн поудобнее устроился в кресле, попыхивая трубкой.

— «Это представленье я задумал, — негромко процитировал он, — чтоб совесть короля на нем суметь намеками, как на крючок, поддеть»*.

— Значит, теперь будем развлекаться загадками? — усмехнулся Бойс. — Я знаю, что это Шекспир, цитата из «Гамлета». Далеко не все полицейские неучи. И все-таки, к чему вы клоните?

Тремейн выпрямился, позабыв про свою трубку.

— Я просто обращаю ваше внимание на одну версию, поскольку она представляется мне любопытной. Вы работаете над версией, согласно которой Воэн убил Филиппа Хэммонда, потому что Хэммонд знал, что Воэн убил Лидию Дэр. Иными словами, исходите из предположения, что два убийства взаимосвязаны. А если между ними нет связи? Допустим, что это два совершенно разных преступления. И к чему мы придем тогда?

Барри Энстон пристально посмотрел на него.

— Продолжайте, — попросил он.

— Я предполагаю, что, во-первых, Мартин Воэн мог убить Лидию Дэр, потому что был влюблен в нее, а она собиралась замуж за другого. А во-вторых, Карен Хэммонд убила своего мужа, потому что у него был роман с другой женщиной!

Джонатан Бойс не проявил реакции, на какую рассчитывал Тремейн.

* Пер. Б. Пастернака.

— Я старался не думать об этом, — нехотя признался он, — но ее показаниям не продержаться на свидетельской трибуне и пяти минут, если за них возьмутся обвинители. Единственная соломинка, за которую я могу уцепиться, — отсутствие свидетельств, что они с мужем не были преданы друг другу.

— В том-то и дело, — подхватил Тремейн, — что такое свидетельство есть! Я побеседовал с Джеффри Маннингом: несколько месяцев назад он видел Филиппа Хэммонда в Лондоне в обществе некой женщины. Хэммонду встреча не понравилась, и он обвинил Маннинга в слежке за ним, причем зашел так далеко, что начал угрожать ему. Вел себя как человек, который что-то скрывает.

Вот теперь реакция инспектора была очевидна. Он выпрямился в кресле, позабыв про свою трубку.

— Думаете, Маннинг говорит правду?

— Не вижу причин лгать, — ответил Тремейн.

— А я вижу! Я знаю, что у Маннинга с Хэммондом вспыхнула бурная ссора. Этот факт известен настолько широко, что Маннинг вряд ли сможет отрицать его. Но причина ссоры, похоже, не стала достоянием гласности. Теперь Маннинг утверждает, будто все дело в его встрече с Хэммондом в Лондоне, как вы и сказали, и в том, что Хэммонд поднял из-за нее шум. Звучит правдоподобно, но допустим, что ссора вовсе не закончилась и она стала причиной вражды между ними, а также дала Маннингу мотив для убийства. Тогда что же такое его история? Вероятно, хитрая уловка, предназначенная для того, чтобы бросить подозрения на Карен Хэммонд, а от себя, напротив, отвести.

— Не исключено, — промолвил Тремейн. — Разумеется, я не могу доказать, соврал ли Маннинг.

— Мне кажется, — вмешался Барри Энстон, — это мой шанс. — Несколько минут он слушал своих гостей молча, а теперь поднялся и перевел взгляд с одного на другого. — Вот как я вижу сложившуюся ситуацию. Может, Филипп Хэммонд и вправду был донжуаном и все время, пока считался счастливо женатым человеком здесь, в Далмеринге, на самом деле встречался в Лондоне с любовницей. Допустим, Карен Хэммонд разоблачила его и убила из ревности. Я прав?

— К чему вы ведете? — спросил инспектор.

— К тому, что миссис Хэммонд здесь, — объявил Энстон. — Возможно, она сумеет нам помочь. Нет, не вставайте, — поспешно добавил он, заметив, что Бойс собирается подняться. — Я попросил вас прийти сюда, потому что знал, что и она тоже будет тут. Миссис Хэммонд ждет в соседней комнате.

Он шагнул к двери в стене, теряющейся в тени, и запахнул ее:

— Вы не могли бы войти, миссис Хэммонд?

После краткой паузы в комнате появилась женщина. Мордекай Тремейн с любопытством взглянул на нее и вдруг вытаращил глаза, так как прежде никогда ее не видел. Темными глазами и волосами и усталым лицом незнакомка ничуть не напоминала белокурую Карен Хэммонд.

Инспектор Бойс встал.

— Что за игру вы затеяли, Энстон? — возмутился он. — Мне показалось, вы сказали, что пригласили сюда миссис Хэммонд!

Услышав его слова, женщина ничем не выразила недовольства, а напротив, как будто ожидала этой вспышки, вышла в центр комнаты и произнесла:

— Я и есть миссис Хэммонд. Настоящая миссис Хэммонд.

Глава 14

— Миссис Хэммонд и есть мой сюрприз, инспектор, — объяснил Энстон. — Я попросил вас прийти сюда, чтобы познакомиться с ней.

К Бойсу вернулось самообладание, и он снова стал хладнокровным полицейским, готовым впитывать новые факты и раскладывать их по местам.

— Значит, Филипп Хэммонд был двоеженцем, — медленно проговорил он.

Женщина, назвавшая себя миссис Хэммонд, покачала головой:

— Нет, на... другой женат он не был. — Ее голос дрогнул, она осеклась, а потом добавила: — Поскольку скрывать

это бессмысленно, вы должны узнать все, и я позволю себе быть откровенной.

— Насколько я понимаю, для вас подобное положение должно быть мучительным, миссис Хэммонд, — сказал Бойс.

— Оно и было мучительным — раньше, но теперь... Мы с Филиппом за долгое время постепенно отделились друг от друга. После нашей свадьбы прошло около десяти лет, прежде чем я впервые заметила, что он начал меняться. Стал пропадать, реже бывал дома и всякий раз оправдывался занятостью по работе. А потом я поняла, что у него есть другая. Невозможно жить с человеком и не знать его, если... если его не любишь. Мы живем... то есть жили в Харфорд-роу, в десяти милях к северу от Лондона. Поначалу Филипп уезжал и снова возвращался домой каждый день. Потом, когда время его возвращений становилось все более и более неопределенным и так продолжалось много месяцев подряд, сказал, что поездки отнимают у него слишком много сил, и он, пожалуй, будет жить в Лондоне в самые напряженные периоды. Филипп оставался в городе на ночь лишь изредка: может, раз в неделю, — но постепенно эти отлучки участились. И наконец, он начал проводить вне дома гораздо больше времени, чем в нем.

— Если я правильно понял, миссис Хэммонд, вы не поверили объяснению, которое дал вам муж? — уточнил Бойс.

— Да, не поверила.

— Вы предприняли что-нибудь?

— Долгое время я не предпринимала ничего. Вы спросите почему? Я не была уверена. Отчасти причиной стало то, что я любила Филиппа и... боялась потерять окончательно. Кроме того, я надеялась, что его влюбленность в другую женщину пройдет, он забудет ее и все опять станет по-прежнему.

— Но он ее не забыл.

— Да, — она понизила голос, — не забыл. Я поняла, что все гораздо серьезнее, чем мне представлялось поначалу. Именно тогда мои чувства изменились. Оказалось, что я больше не люблю Филиппа — по крайней мере, его поступки меня уже не ранили, — и стала подумывать о разводе...

Инспектор вдруг прервал ее, как на допросе:

— Муж никогда не просил вас дать ему развод?

— Я знала, что он бы не решился. Скандал нанес бы ему слишком большой ущерб: мог даже погубить. На таком посту, какой занимал Филипп, человек должен быть безупречен. И имелась еще одна причина. Мы были счастливы в первые годы брака, и я думала, он помнил это, потому и не желал ранить меня. Вот почему старался скрыть от меня правду. Филипп не хотел, чтобы я знала о произошедшем, поскольку был все еще неравнодушен ко мне.

— А вам не кажется, что он подозревал о том, что вам все известно? — спросил инспектор.

— Не уверена, но вряд ли. Он бы выдал себя, если бы догадался. Филипп был странным человеком, — с внезапной нежностью в голосе продолжила она. — Слабым, но любящим. Едва ли он сумел бы сохранить душевный покой, разрываясь надвое — между своей новой любовью и давней любовью ко мне. Наверное, я становлюсь сентиментальной теперь, когда он мертв, вот и говорю так. Но если бы Филипп остался в живых, я по-прежнему готовилась бы к разводу с ним, как бы это ни отразилось на его карьере.

— Так вы все-таки готовились к разводу? — уточнил инспектор.

— Да. Я обратилась к частному детективу. Объяснила ему, что убеждена в неверности своего мужа, и мне нужны доказательства.

— Хорнсби, — произнес Мордекай Тремейн, и женщина повернулась к нему.

— Так вы знаете? — спросила она, и он немного смутился.

— Догадался. Но прошу вас, продолжайте, миссис Хэммонд. Я не хотел прервать ваш рассказ.

— Мне больше нечего добавить. Я выяснила, что Хорнсби отыскал Филиппа в деревне Далмеринг, где он жил вместе с женщиной, которая называет себя его женой. Прочитав в газетах об убийстве Филиппа Хэммонда, я была ошеломлена и... понятия не имела, что мне делать. Я не сомневалась, что убит именно Филипп, но знала: если приеду сюда и объявлю, что я миссис Хэммонд, эта история будет предана огласке. Возникнет скандал, о нем напечатают в газетах, и репутация Филиппа будет погублена. А вскоре со мной связался мистер

Энстон. — Она указала на репортера. — И объяснил, что мой долг — приехать сюда и рассказать обо всем вам. Конечно, он был прав. Потому я и приехала.

— Вы поступили правильно и разумно, миссис Хэммонд, — заверил Бойс. — Ваш рассказ поразил меня открытностью и явным желанием помочь нам, и я понимаю, как вам было нелегко.

Она взглянула на него почти умоляюще, на мгновение напомним Тремейну Карен Хэммонд, хотя между этими женщинами не было внешнего сходства.

— Вы ведь не станете губить его репутацию, инспектор? Не допустите огласки?

— Не могу вам обещать, что мне удастся скрыть историю целиком, — ответил инспектор. — То, что я узнал от вас, имеет важное значение в деле об убийстве вашего мужа, и, вероятно, вам понадобится дать показания. Но можете мне поверить: мы сделаем все, чтобы избавить вас от лишних душевных мук. Речь пойдет о тех фактах, которые непосредственно относятся к делу.

— Спасибо вам, инспектор, — благодарно произнесла она. — Наверное, вы хотите услышать от меня еще что-нибудь?

— В настоящий момент — нет. Насколько я понимаю, мы сможем легко связаться с вами в случае необходимости?

— Я нашел жилье в Мирхеме, — сообщил Энстон. — Машина ждет, чтобы доставить ее туда. Думаю, ей будет лучше побыть там, а не здесь, в Далмеринге, у всех на виду.

Деревня Мирхем располагалась на расстоянии пяти миль от Далмеринга. Бойс кивнул, поддерживая решение репортера, и молча дождался, когда он проводит вдову Филиппа Хэммонда к выходу.

Дверь за ними закрылась, и инспектор вздохнул:

— Плохи дела, Мордекай.

— Вы правы, Джонатан. Интересно, представляем ли мы, насколько плохи?

— По крайней мере, вопрос с мотивом Карен Хэммонд снят. Она не жена, убившая неверного мужа, а «другая женщина».

— Означает ли это, что Карен не убивала Филиппа Хэммонда? — спросил Тремейн. — Или все же убила, но не по тем причинам, какие мы предполагали ранее?

— С его смертью Карен потеряла все. Женщине, живущей с чужим мужем, не позавидуешь, если с ним что-нибудь случится.

— С другой стороны, женщина, которая настолько презрела условности, что стала жить с мужчиной, не будучи его женой, вряд ли мыслит традиционно. Она предрасположена сначала действовать, а уж потом задаваться вопросами. Допустим, у Карен имелись причины считать, что Филиппу Хэммонду она надоела и он подумывает вернуться к жене. Как по-вашему, могла бы она в этом случае убить его?

— Нет оснований полагать, что таковы были его намерения. Напротив: все, что мы услышали сегодня, подтверждает догадку, что Филипп стал не отдаляться от Карен, а бывать с ней чаще.

— Я не говорил, что такие основания есть, — возразил Тремейн. — Просто указал, что мы пока не вправе снять подозрения с Карен Хэммонд, — я буду по-прежнему называть ее так, поскольку настоящее имя нам не известно.

Инспектор вздохнул, давая волю раздражению.

— Ладно, — сказал он, — ладно. Итак, мы до сих пор понятия не имеем, в каком положении находимся.

Из «Адмирала» Мордекай Тремейн возвращался в глубокой задумчивости. Он не любил, когда исчезает романтика, а сегодня ему довелось увидеть, как она была вдребезги разбита. Зато теперь нашлось объяснение и поведению Карен Хэммонд в последние несколько дней, и ее обращению к нему в первый вечер по приезде в деревню. Ей хотелось, чтобы причина гибели Лидии Дэр была раскрыта как можно скорее, потому что она боялась огласки. Если бы убийцу нашли сразу, Карен удалось бы избежать расспросов, заводящих слишком далеко и раскрывающих ее секрет.

Объяснился и страх Карен перед похожим на хорька Хорнсби. Если верить словам законной жены, Филипп Хэммонд делал все, чтобы скрыть от нее факт наличия у него любовницы, но знала ли его любовница — Тремейн поймал себя

на том, что за неимением лучшего мысленно пользуется этим словом, — о существовании жены? Если да, тогда это и есть причина ее страха. Может, точные намерения Хорнсби были ей и неведомы, но она по крайней мере догадывалась о них.

Теперь стало понятным даже то, почему Карен не забила тревогу, поняв, что Филипп Хэммонд где-то пропадает уже сорок восемь часов. Она привыкла к его отлучкам и не могла знать, что на сей раз он не отправился к жене. Карен лишь ждала вестей от него час за часом.

Ее положению не позавидуешь. Изводясь от беспокойства за любимого человека и в то же время боясь поднять тревогу, чтобы не вызвать публичный скандал, способный погубить его, Карен понятия не имела, что ей делать.

Следовало признать, что могло найтись и еще одно объяснение: Филипп Хэммонд мог обманывать и Карен, так же как обманывал свою жену. Предположим, Карен Хэммонд вдруг случайно узнала правду и в порыве ревности действительно убила человека, который изменил ей. Постепенное осознание двуличности Хэммонда могло быть причиной ее нервозности, напряженной неуверенности перед тем, как стало известно о его убийстве, а чувство собственной вины — объяснять странное поведение впоследствии.

Мордекай Тремейн вздохнул, покачав головой. Положение трагическое и безрадостное, какая бы истина за ним ни крылась. Эти мысли продолжали угнетать его, когда он дошел до дома и поднялся к себе в спальню. Даже «Романтические истории» не доставили ему удовольствия, когда он попытался почитать этот сентиментальный сборник перед сном. Тремейн погасил свет и долго лежал в темноте, размышляя над сложившейся ситуацией.

На следующее утро оттенок натянутости был по-прежнему очевиден в поведении Джин и Пола Расселл, а также их гостя. Тремейн заметил их подозрительные взгляды, когда вошел в столовую и сел завтракать, но разговор складывался как обычно: внешне казалось, будто хозяева не изменили своего мнения о нем.

— Кстати, Пол, — небрежным тоном промолвил он, когда завтрак уже завершился, — я что хотел спросить: вы не возра-

жаете, если я буду сопровождать вас во время визитов к пациентам?

Расселл не сумел скрыть удивления.

— Разумеется, нет, — ответил он. — Сделайте одолжение. Но боюсь, вам будет скучно.

— Вряд ли, — возразил Тремейн. — Я как раз в настроении поколесить по округе. Полагаю, каждый визит не займет у вас много времени.

— Верно, — кивнул Расселл. — Но нужно закончить амбулаторный прием.

— Отлично. Кстати, и мне надо сначала отлучиться.

Пол Расселл явно не понял, чем вызвано его оживание. Тремейн заметил, как он переглянулся с женой, и в глазах Джин тоже мелькнуло сомнение.

Делом, в связи с которым Тремейн собирался в деревню, была просто-напросто покупка унции табака. За время вчерашнего визита в «Адмирал» его кисет изрядно похудел. Выходя из лавки на деревенской площади, Тремейн заметил женскую фигуру, решительным шагом идущую по дороге на Кингсхэмптон, и узнал узкую спину и несколько нарочитое покачивание бедрами, свойственное Миллисент Силуэлл. В деревне он встречал ее пару раз, и знал, что она служит у Полин Конрой. Очевидно, девушка попала под влияние своей хозяйки. Она выглядела уменьшенной и менее яркой версией эффектной Полин, технически точной репродукцией, которой, однако, недоставало колоритной индивидуальности подлинника.

Повинуясь внезапному порыву, Тремейн поспешил за ней. Услышав за спиной его торопливые шаги, Миллисент Силуэлл обернулась, а когда увидела, кто ее догоняет, помрачнела и словно заранее приготовилась обороняться. К подобному отношению Тремейн уже начал привыкать.

— Вы Миллисент Силуэлл, если не ошибаюсь? — спросил он. — Горничная мисс Конрой?

Она смерила его взглядом и вызывающе ответила:

— Нет, не ошибаетесь.

Нотки враждебности в ее голосе побудили Мордека Тремейна ринуться в атаку. Если бы девушка улыбнулась или сделала вид, будто не прочь побеседовать, его решимость могла

бы ослабеть, но увиденное подсказало ему, что она что-то скрывает, и он отбросил сантименты и посерьезнел.

— Мне нужно поговорить с вами, — сказал Тремейн. — Я хочу знать правду.

— Правду? — усмехнулась она. — Не понимаю, о чем вы.

— Вы сообщили полиции, что в ночь убийства Лидии Дэр мисс Конрой не выходила из дому. Вы ведь солгали?

Страх, промелькнувший в глазах, выдал ее и помешал держаться как ни в чем не бывало.

— Солгали, — твердо повторил Тремейн. — Вам не кажется, что было бы разумнее признаться в этом? Настаивая на своем, вы можете оказаться в опасном положении. Препятствование полицейскому расследованию — дело очень серьезное.

— Ну хорошо, — кивнула горничная, — признаюсь. Неприятности мне не нужны. Так захотела она: сказала, что вреда от этого не будет, — а на самом деле дома ее не было. Она... она находилась с мистером Галески.

Даже если это известие удивило Мордекая Тремейна, то он не подал виду.

— Вы не поняли, что лжесвидетельство может навлечь на вас обвинение в пособничестве тягчайшему преступлению?

Миллисент Силуэлл испуганно вытаращила глаза:

— Вы же не считаете, что это сделала она?

— Этого я не говорил.

— Но подумали. Нет, она не могла...

— Когда вы сказали, что мисс Конрой находилась с мистером Галески, вы имели в виду — в его коттедже?

Горничная кивнула, словно загипнотизированная его пристальным взглядом.

— Да, она часто там бывает.

— Вероятно, вы видели, как мисс Конрой покидала дом. Может, она сообщила вам, куда идет, но можете ли вы быть уверены, что она была там?

— Нет, но...

— То, что, как вам кажется, мисс Конрой сделала или не сделала, — продолжил Тремейн, в голове которого звучало эхо слов Джонатана Бойса, — это не свидетельство. Все,

что вам известно, — только что ее не было тем вечером дома. Разве не так?

— Я не хотела совершить ничего плохого. — Горничная чуть не плакала, и он поспешил смягчить тон:

— Надеюсь, серьезный ущерб еще не был нанесен. Вы можете исправиться. Но не сообщайте своей хозяйке о разговоре со мной. Инспектор Бойс может послать за вами или прийти к вам побеседовать, а до этого — никому не слова. Вы поняли?

— Я ничего не скажу, — пообещала она с явным облегчением, оттого что ее отпустили.

Тремейн проводил ее взглядом, чувствуя слабый приступ угрызений совести. Несмотря на явное подражание стилю хозяйки, Миллисент Силуэлл, в отличие от Полин, была простодушна. Видимо, еще до разговора с Тремейном ее мучила совесть. Ее не покидали мысли о двух убийствах, случившихся в деревне, она опасалась за свое положение, в итоге именно потому и сдалась так быстро. Чем раньше ей представится возможность исповедаться, тем быстрее для нее наступит облегчение.

На обратном пути Тремейн поглядывал по сторонам в поисках коренастой фигуры инспектора, но Джонатана Бойса нигде поблизости не было, а он не мог позволить себе тратить время на его поиски. Тремейн знал, что амбулаторный прием уже заканчивается, и не хотел заставлять Пола ждать или задерживаться настолько, чтобы тот отправился в путь без него.

Ему удалось вернуться за десять минут до окончания приема, и остаток утра он провел в стареньком седане, на котором Расселл ездил к пациентам. Когда они вернулись домой к обеду, Пол окинул своего приятеля внимательным взглядом и спросил:

— Вы довольны, Мордекай?

— Полностью, — ответил тот, словно не усмотрел ничего странного в вопросе друга. — Приятно было ради разнообразия познакомиться с местными новостями и сплетнями.

После обеда Пол снова занялся делами, а Тремейн воспользовался случаем, чтобы еще раз пройтись по деревне в поисках Джонатана Бойса. На сей раз найти его было не трудно, и инспектор, внимательно выслушав рассказ о встрече с Миллисент Силуэлл, заметил:

— Похоже, Полин Конрой выступает на первый план. Значит, ее все-таки не было дома в ночь первого убийства. А проверить, находилась она в коттедже у Галески или нет, сложно. Если они оба причастны к убийству, то постараются обеспечить друг другу алиби.

— Долг профессионального полицейского, — напомнил Мордекай Тремейн, — разоблачать фальшивые алиби. Оставляю рутинные детали вам, Джонатан, — добавил он и ушел, провожаемый пристальным взглядом инспектора.

За остаток дня Пол Расселл не мог не заметить, что гость постоянно находится неподалеку от него. Куда бы он ни направился, повсюду видел дружелюбное лицо с внимательными глазами за стеклами пенсне — Тремейн казался таким же непримечательным, как тень, но отделаться от него было так же трудно, как от тени.

Когда вечерний прием завершился, Пол вышел в гостиную, где уже расположились его жена и Тремейн.

— Есть что-нибудь еще, дорогая? — спросил он.

— Нет, сегодня у нас только Дарби и Джоан, — ответила Джин, и Пол слегка поморщился.

— Дарби, Джоан — и тень.

— Тень? — озадаченно повторила она, потом заметила его многозначительный взгляд и смутилась.

Мордекай Тремейн промолчал.

Уже начинало темнеть, когда в дверь позвонили и Джин, открыв ее, увидела на пороге Сандру Борн.

— Можно к вам, Джин? — спросила она. — В последнее время я к вам зачастила, но весь вечер просидела дома одна, и мне уже начинает становиться не по себе.

— Мы всегда рады вам, Санди, — отозвался из гостиной Пол. — Проходите!

Войдя, Сандра Борн кивнула Мордекаю Тремейну.

— Привет, — произнесла она. — Еще не поймали убийцу?

— Или убийц, — проговорил он, подчеркнув множественное число. — Нет, пока нет, мисс Борн.

Когда Сандра села, Тремейн заметил, что ее настроение не соответствует легкости тона, каким она к нему обратилась. Правда, реплика показалась ему неестественной, словно Сан-

дра с трудом сдерживала истерику. Ее лицо по-прежнему было осунувшимся и напряженным.

Пол Расселл взглянул на ее руки: она нервно сжимала пальцы.

— Почему бы вам не уехать из этого коттеджа, Санди? — негромко спросил он.

— Я, пожалуй, уеду, Пол. Раньше я думала, что смогу по-прежнему жить здесь, несмотря ни на что. Но я... не могу. Наверное, это нервы, реакция на случившееся. Сегодня я заметила, что прислушиваюсь к каждому шороху. Мне не остается ничего другого, как признаться: я... боюсь. — Она помолчала, а потом подняла голову и улыбнулась. — Ну вот, я веду себя глупо. Смешно, правда? Я понимаю, что проблема в моих нервах и бояться нелепо. Знаю точно, что со мной происходит. И все-таки ничего не могу с собой поделать.

Пол Расселл подался вперед:

— Послушайте, Санди, наше приглашение остается в силе. Почему бы вам не перебраться сюда, к нам? Здесь вам с избытком хватит места.

Она восприняла его слова с облегчением. У Тремейна сложилось впечатление, что напрямую просить приютить ее Сандра не собиралась, но надеялась на приглашение.

Напряжение покинуло его. Многолетний опыт позволил Джин и Полу сразу разобраться в ситуации, взять инициативу в свои руки и направлять беседу так деликатно, что вскоре она приобрела непринужденный и легкий характер. На время даже осторожность супругов по отношению к самому Тремейну развеялась. Время текло незаметно, но быстро, и Мордекай Тремейн, случайно взглянув на часы, с удивлением обнаружил, что уже десять минут двенадцатого. Остальные тоже вдруг спохватились, понимая, что время позднее.

— Пора варить кофе, — произнесла Джин и поднялась.

Она направлялась к маленькой кухне, когда неожиданно позвонили в дверь. Звонок залился пронзительной, настойчивой трелью. Пол Расселл беззвучно чертыхнулся.

— Ничего, — крикнул Тремейн вслед Джин, — я открою!

Он поспешил в холл, включив по пути свет, и отпер дверь. На пороге стоял Джонатан Бойс. Как только Тремейн увидел

коренастую фигуру инспектора в дверях, стало ясно, что он едва сдерживает эмоции. От этих усилий неподвижное лицо Бойса казалось каменным.

— Что стряслось, Джонатан? — встревожился Тремейн.

Инспектор шагнул через порог и произнес:

— Мордекай, когда вы говорили о третьем убийстве, что именно было вам известно?

Тремейн молча смотрел на него, удивленный тоном, каким был задан вопрос.

— А что такое? О чем вы? — наконец сумел выговорить он.

— Дело в том, что мы обнаружили Эдит Лоррингтон. Мертвую. Убитую.

Если прежде Мордекай Тремейн казался ошеломленным, то теперь он выглядел как после сокрушительного удара. Он воззрился на инспектора. Его глаза были полны ужаса и неверия.

— Эдит Лоррингтон? — шепотом повторил он. — Эдит Лоррингтон! Нет, этого не может быть! Это ошибка... ошибка!

Глава 15

Инспектор Бойс неподвижно стоял у двери, его мрачность подчеркивали резкие тени от света лампочки под абажуром в холле.

— Может, и ошибка, но тем не менее факт! — бросил он. — Эдит Лоррингтон мертва. Кто-то забил ее насмерть тяжелой медной кочергой и бросил труп на полу у нее в гостиной. Мы обнаружили бы ее лишь завтра, если бы одна из жительниц деревни, которой она пообещала что-то испечь, не постучалась к ней. Ответа она не дождалась, заглянула в заднюю дверь, которая была приоткрыта, и нашла труп.

Тремейн все еще смотрел на него в упор, словно не веря своим ушам:

— Вы уверены? Вы совершенно уверены, что это не ошибка?

Джонатан Бойс ответил почти резко:

— Я видел ее. Таких ошибок не бывает. — В его голосе прозвучал упрек. — Да что с вами, Мордекай? Вы же сами на-

мекали, будто ждете чего-то подобного. Вот поэтому я здесь — выяснить, чего именно вы ожидали.

— Не этого, — покачал головой Тремейн. — Не этого.

Он прижал ладонь ко лбу, стараясь мыслить логично, понять, в чем ошибся, обрести рассудок среди хаоса и ужаса.

К тому времени их голоса привлекли внимание остальных. Пол Расселл вышел в холл.

— Что случилось, инспектор? — спросил он.

За его спиной Бойс увидел осунувшееся и настороженное лицо Сандры Борн, а из открытой двери кухни с любопытством выглядывала Джин.

— Боюсь, у меня плохие вести, — негромко объявил он. — Мисс Лоррингтон мертва.

Расселл вздрогнул:

— Эдит? Нет, не может быть, вы шутите, инспектор! Я тщательно обследовал ее на прошлой неделе и поручился, что она проживет еще лет двадцать!

— Ваши гарантии не распространялись на насильственное нападение с тяжелым оружием, доктор, — возразил Бойс. — Мисс Лоррингтон умерла не своей смертью. Ее убили.

— Убили! — воскликнул Расселл. — Нет, только не это... Теперь и она!

— Да, и она, — подтвердил Бойс.

Тремейн увидел ужас в широко раскрытых глазах Сандры Борн. Она пошатнулась, и он едва подоспел вовремя, чтобы уберечь ее от падения. Сандра тяжело приникла к нему и схватилась за его руку.

— Нет... — прошептала она, — только не говорите, что Эдит...

— Сожалею, мисс Борн, — вздохнул Бойс, — но, увы, это правда.

В тумане замешательства, окутавшем мозг Мордекая Тремейна, призраком догадки казался слабым огоньком, мерцающим вдали. Тремейн двинулся к нему ощупью сквозь густые тучи. Мерцание усиливалось. Вскоре призраком обрел определенность, ослепительно вспыхнул, разгоняя туман, а тем временем сам Тремейн изумлялся, не понимая, как мог долго не замечать очевидного... и горько досадовал

на себя — за то, что не успел увидеть этот огонек и спасти Эдит Лоррингтон.

— Болван! — выпалил он и застонал. — Безмозглый слепой болван!

— Это вы о чем? — поинтересовался инспектор.

Тремейн не ответил.

— Я должен был спасти ее, — заявил он. — Должен был догадаться!

Инспектор взглянул на него так, словно собирался что-то сказать ему, но вместо этого обратился к Полу Расселлу:

— Вы пробьли здесь весь вечер, доктор?

— Да, — кивнул Пол.

Известие детектива ошеломило его. Единственное слово он произнес машинально. Бойс, видимо, удовлетворился ответом.

— Я подумал, что вы могли бы что-нибудь сообщить мне, Мордекай, — проговорил инспектор. — Вероятно, утром, — многозначительно добавил он. — В таком случае до встречи. Всем доброй ночи.

Дверь за инспектором закрылась, а Тремейн по-прежнему стоял в холле. По его лицу было ясно: он настолько погружен в свои мысли, что не замечает ничего вокруг. Остальные не сводили с него глаз. Ужас принесенной Джонатаном Бойсом вести до всех только начинал доходить. Они лишь теперь понемногу осознали, что это означает. Перепуганные взгляды устремились на Мордекаю Тремейна, от него словно ждали указаний.

— Бедная Эдит, — наконец пробормотала Джин, — бедная Эдит...

Услышав ее дрожащий, пронзительный голос, Сандра Борн резко обернулась к ней.

— Не могу поверить, — призналась она. — Сначала Лидия, потом Филипп, и вот теперь Эдит. Что это значит? Что происходит с нами?

Мордекай Тремейн сделал глубокий вдох и обратился к Расселлу:

— Мне необходимо отлучиться, Пол.

Тот вздрогнул:

— В столь поздний час?

— Вы шутите, Мордекай? — вмешалась Джин. — Ведь вы же все равно... нет ничего, что вы могли бы...

— Есть, — возразил он. — Есть. — И добавил: — Не ждите меня, Джин. Я не знаю, сколько буду отсутствовать.

Прежде чем они разгадали намерения Тремейна и хотя бы попытались переубедить его, он ушел. Все молча уставились на дверь, которая захлопнулась за ним.

Быстро и решительно Мордекай Тремейн шагал по темной дороге в сторону деревни. У поворота к роще он помедлил, но всего на мгновение, затем двинулся дальше так же целеустремленно, как прежде. Пройдя через рощу, он вышел бы к дому Мартина Воэна несколькими минутами раньше, но ему не хватило духу пробираться в темноте там, где свершилось убийство. Его черная тень до сих пор витала над рощей.

Тремейн все еще пытался преодолеть шок, вызванный известием о смерти Эдит Лоррингтон. Третье убийство, как и следовало ожидать, принесло с собой настоятельную необходимость в срочном расследовании. Завтра о Далмеринге заговорит вся страна. Случившееся в деревне попадет под слепящие лучи прожекторов огласки. Для полиции это будет означать насмешки, обвинения, резкую критику.

Никто не знал об этом лучше, чем Джонатан Бойс. Этим и объяснялось его поведение в «Стране роз». Задыхаясь от быстрой ходьбы, Тремейн понимал: если он хочет помочь другу, надо сделать это немедленно.

На первый его звонок в дверь «Хоум-лоджа» никто не отозвался. Тремейн позвонил снова. Ответа не было. Он положил палец на кнопку звонка, нажал и не отпускал. И услышал, как за дверью по дому разносится пронзительная трель. Наверху распахнулось окно. Запрокинув голову, Тремейн увидел, как в окно высунулся кто-то из обитателей дома.

— Кого там принесло? — раздался раздраженный голос.

Он принадлежал самому Воэну — ошибки быть не могло, Тремейн сразу узнал его. Голос был хриплым и угрожающим. Тремейн отступил от двери.

— Это Тремейн, — сообщил он.

Воэн негромко чертыхнулся.

— Какого дьявола вам надо?

— Поговорить с вами. Это важно.

Рослая фигура Воэна еще секунду медлила в оконном проеме. Казалось, он уже готов захлопнуть окно, не ответив. Внезапно Воэн буркнул:

— Ждите там, я спущусь.

Вскоре он, в халате, отпер дверь и провел посетителя в дом. Толкнув дверь комнаты по соседству с холлом, включил свет. Пока Воэн задергивал плотные шторы, Тремейн с любопытством огляделся. Судя по забитым книгами полкам, письменному столу и лампе на нем, которую держала в руках резная статуэтка в египетском стиле, комната служила Воэну кабинетом. Фигура с лампой на столе, несколько бронзовых статуэток и репродукции образцов древней керамики свидетельствовали об увлечении хозяина археологией. Многочисленные снимки на стенах демонстрировали процесс раскопок на разных стадиях и в разных местах; некоторые фотографии были подписаны, словно имели для владельца особое значение.

— Простите, что разбудил, — начал Тремейн. — Я думал, Бленкинсон еще не спит.

— Он в отъезде. — Воэн ничуть не смягчился. — В Мирхеме. Его сестра больна. Я отослал его сегодня днем. Это с ним вы хотели увидеться?

— Нет, я пришел к вам.

Воэн выдвинул большое кожаное кресло и жестом предложил Тремейну сесть.

— А теперь, — сказал Воэн тем же вызывающим тоном, — может, наконец, объясните, зачем вы явились сюда так поздно? Надеюсь, вы подняли меня с постели не без причины?

— Причина есть. — Тремейн забыл о недавнем чувстве вины и говорил резко, как и хозяин дома. — Сегодня убили Эдит Лоррингтон.

Воэн замер, пальцы сжались на спинке стула, возле которого он стоял.

— Где это случилось? — спросил он.

— В ее доме.

— Каким образом?

— Эдит Лоррингтон забили насмерть. Преступник орудовал медной кочергой.

— Полиции известно, кто это сделал?

— Нет.

Воэн глубоко вздохнул. Пальцы на спинке стула разжались, словно нервное напряжение вдруг исчезло.

— Зачем вы явились ко мне?

Мордекай Тремейн посмотрел на него в упор:

— Я хочу знать, выходили ли вы из дома сегодня вечером или нет.

Щеки Воэна стали красными. На левом виске вздулась жилка.

— Чертовски беспардонный вопрос!

— А если вас спросят полицейские, вы ответите то же самое? А они спросят. — Тремейн не стал ждать, когда до Воэна дойдет смысл его слов, и продолжил: — Почему вам так хотелось, чтобы для постановки в местном клубе была выбрана именно пьеса «Для убийства есть мотив»?

Резкая смена темы разговора удивила Воэна. Он смутился.

— Что вы имеете в виду?

— Почему вы настояли на данной пьесе, а не на какой-нибудь другой?

— Это никого не касается, — заявил Воэн.

— Касается — к примеру присяжных, — возразил Тремейн еще более резко. — Вы находитесь в очень опасном положении, мистер Воэн. Наверное, даже не сознаете, насколько оно опасно. Так почему вы пожелали поставить эту пьесу?

— Если это все, ради чего вы пришли, то зря потеряли время. Я не намерен обсуждать подобные вопросы с вами.

— Вас об этом кто-то попросил? Так захотела мисс Дэр?

В глазах Мартина Воэна вспыхнул злобный блеск.

— Оставьте мисс Дэр в покое! — крикнул он.

— Какие же причины имелись у нее? — продолжил Тремейн, словно не слышал предостережения. — Почему она предпочла эту пьесу всем прочим?

Воэн шагнул к нему. Его широкие плечи ссутулились, крупные кулаки сжимались и разжимались, весь его вид свидетельствовал об угрозе.

— Я уже наслушался достаточно! — бросил он. — Убирайтесь отсюда, вы, любитель совать нос в чужие дела! Предупреждаю, не выводите меня из себя!

Сердце Мордекай Тремейна судорожно забилося, но он сумел спокойно выдержать взгляд Воэна.

— Вчера инспектор Бойс так и не смог решить, взять вас под стражу или нет, — сообщил Тремейн. — Завтра это решение скорее всего будет принято без его участия. Так что времени у вас не много.

— Вы мне угрожаете? — спросил Воэн, и голос его завибрировал. — Я видел, как вы ходили по деревне и что-то высматривали. Слышал, как задаете вопросы и лезете не в свое дело. Займитесь кем-нибудь другим, слышите? Попробуйте пошпионить за кем-то еще. Например, за этим мелким прохвостом Хорнсби. Почему бы вам не разузнать, чего добивается он? А заодно и Шеннон — примените к нему свои дедуктивные методы. Спросите, что он делал в Колминстере, когда, по его собственным словам, должен был находиться в Лондоне!

— В настоящий момент я занимаюсь вами. — Тремейн старался, чтобы его голос звучал ровно. — Вы были влюблены в Лидию Дэр. У вас имелся мотив для ее убийства и была возможность. Филипп Хэммонд считал, что это вы ее убили. Вы с легкостью могли убить и его, чтобы заставить замолчать и спастись самому.

— Полагаю, Эдит Лоррингтон убил тоже я? — усмехнулся Воэн, и Тремейн кивнул.

— Наверное, и в этом случае найдется какой-нибудь мотив.

К тому, что случилось дальше, он оказался не готов. Воэн порывисто шагнул к нему, схватил за воротник, и мощные, как тиски, пальцы протащили Тремейна через комнату и притиснули к стене. На искаженном яростью лице, нависшем над ним, читалось безумие.

— Настырный придурок! — зарычал Воэн. — Больше твои драгоценные друзья из полиции не услышат от тебя ни единого слова!

Только тогда Мордекай Тремейн осознал степень опасности, в которой очутился, и в его глазах мелькнул страх.

— Бросьте глупить, приятель! — сдавленно выговорил он. — Вы меня задушите!

— Да неужели? — язвительно протянул Воэн и сильнее сжал пальцы.

Тремейн вскинул руки, пытаясь высвободиться из безжалостных тисков, медленно душащих его, но оказался беспомощен против сильного Воэна. Тремейну осталось лишь в ярости и отчаянии пытаться оторвать его стальные пальцы от собственного горла. Открыв рот, чтобы крикнуть, он услышал лишь хрип. Воэн усмехнулся и слегка разжал пальцы:

— Ну что же вы не зовете на помощь? Почему не кличете своих друзей полицейских?

В ушах Тремейна зашумело, как вблизи водопада. Стены вдруг закачались. Электрический свет потускнел, книжные шкафы скрылись за неровными мутными волнами. Только теперь он понял, какую глупость совершил, придя в «Хоум-лодж» один и никого не предупредив о своих намерениях. Ему следовало знать, с каким человеком он имеет дело; заранее предвидеть опасность, которой себя подверг.

Что он не предусмотрел, так это отсутствие Бленкинсона. Рассчитывал, что слуга будет в доме. Но Тремейн просчитался и теперь должен был поплатиться за это. Он оказался наедине с безумцем и собственным страхом.

Невнятно, словно издалека и сквозь шум водопада, Тремейн услышал голос Воэна:

— Вы правы: я действительно любил Лидию. Вы ведь уже все поняли, да? Догадались, как той ночью я вышел следом за ней из дома, двинулся кружным путем по шоссе, дождался ее в роще и убил ее! Вам известно, что я сделал, почему и как. Точно так же, как вы знаете, что сегодня днем я отделался от Бленкинсона, чтобы беспрепятственно покинуть дом, убить Эдит Лоррингтон и вернуться обратно незамеченным! Но кое-чего вы все же не знали. Вероятно, вам даже в голову не приходило, что этим вечером здесь, у меня в доме, мы окажемся только вдвоем. Именно в этом месте ваших планов обнаружился просчет.

Воэн улыбался, но веселья в этой улыбке не было. Тремейн не видел ничего, кроме диких глаз возвышающегося над ним противника, который, казалось, разросся до чудовищных

размеров, заслоняя собой все. Воэн продолжил тоном, предвещающим худшее:

— Это же почти беспрюирышный вариант: если я убью вас, об этом никто никогда не узнает. Вы просто исчезнете. При моем опыте нетрудно будет найти способ избавиться от трупа. И готово, появится еще одна неразгаданная тайна. Вы слишком умны, Трмейн. Вы пришли прямиком ко мне в руки, и вы чересчур опасны для меня, чтобы я вас отпустил. А вдруг вы разговоритесь? Начнете задавать эти ваши бесконечные вопросы?

Весь ужас Далмеринга сосредоточился в единственной комнате. Казалось, страх, тень которого, грозная и черная, омрачила прелесть здешних мест, переполнила это замкнутое пространство. За задернутыми шторами в пустом доме двое мужчин были отрезаны от мира так же надежно, как на другой планете, и компанию им составляло лишь огромное и ужасное зло.

Мозг Мордекая Трмейна работал лихорадочно, на грани паники. Ранние годы жизни Воэна, проведенные в атмосфере беззакония, одержимость древними народами и кровавыми дикарскими культами, глубоко укоренившиеся страсть и любовь к Лидии Дэр, сила этого сумасброда — все, что Трмейн знал о нем, вдруг слилось воедино и побудило высказать вслух последнее предостережение. Если он не заставит Воэна прислушаться, если не пробьется сквозь панцирь ожесточенной ярости, овладевшей им, ему, Трмейну, конец.

— Стойте, безумец! — прохрипел Трмейн. — Вас повесят! Воэн громко рассмеялся:

— Только один раз. Всего один. За Лидию, за Хэммонда и за Эдит. Один раз за всех!

Трмейн предпринял последнее отчаянное усилие и на мгновение разжал руки противника:

— Ради всего святого, остановитесь! Я же знаю, вы их не убивали!

Воэн переменился в лице. Лихорадочный блеск в его глазах исчез. Колени Трмейна подогнулись, как только чужие руки, еще недавно прижимавшие его к стене, разжались. Воэн подхватил гостя под мышки и усадил в большое кожаное кресло.

Пройдя к небольшому шкафу, он достал бутылку виски и стакан, куда и плеснул крепкого напитка, ничем не разбавляя. Тремейн обмяк в кресле. Его трясло, руки дрожали. Возн поднес стакан к его губам и заставил глотнуть виски. Зубы Тремейна застучали по краю стакана.

Виски словно прожгло огненную дорожку в его сдавленном горле, и Тремейн невольно попытался схватить ртом воздух. Возн дал ему еще несколько минут, чтобы прийти в себя, а потом требовательным тоном спросил:

— Что вы сказали?

Тремейн поднес руку к шее и поморщился:

— Я знаю: вы их не убивали.

Глава 16

Вопреки своему обыкновению, Полин Конрой не играла. Бурная вспышка гнева, которую она демонстрировала, не имела никакого отношения к ее сценическим талантам. Под возмущенным взглядом горящих темных глаз Полин Мордекай Тремейн невольно попятился. Ему вспомнились строчки из Киплинга о женщинах рода, и он с грустью признал, насколько они справедливы. Полин пребывала в опасном расположении духа.

Это произошло утром после убийства Эдит Лоррингтон. Актриса остановила Тремейна на деревенской площади, и с первых же ее слов стало понятно, что от ее недавнего дружеского отношения к нему не осталось и следа. Скрыть причины своей враждебности Полин Конрой даже не пыталась.

— У меня к вам дело! — заявила она, увидев Тремейна, и преградила ему путь. — Ну и что вы затеяли?

Он заморгал, напуская на себя растерянный и беспомощный вид, игравший главную роль в его испытанной оборонительной стратегии.

— Ничего не понимаю, — произнес Тремейн.

— Все вы понимаете! С какой стати вы подучили своих друзей детективов шпионить за мной?

Она не спрашивала, утверждала, а потом перешла и к другим замечаниям, подчеркнуто критическим и оскорбительным.

— А ведь я вам доверяла! Считала вас другом, а не шпионом! Я этого так не оставлю, слышите? Не потерплю, чтобы за мной следили и ходили по пятам!

— Уважаемая мисс Конрой, — попытался прервать поток обвинений Трмейн, — но ведь об этом следовало бы поговорить с инспектором Бойсом, а не со мной. Я не могу приказывать полицейским следить за кем-либо или прекратить наблюдение. Я простой смертный, такой же человек, как все.

— Не пытайтесь заговорить мне зубы. Всем известно, что вы с этим детективом из Скотленд-Ярда неразлейвода. Это вы велели ему шпионить за мной.

Уязвленный ее враждебностью, Трмейн холодно парировал:

— Ни в чем не повинные люди не мешают полиции исполнять свой долг. Судя по вашему отношению, можно подумать, вам и мистеру Галески есть что скрывать.

Он так и не понял, что внезапно смутило Полин: то ли его непримиримость, то ли неожиданно упомянутый им Галески, — но гневный блеск ее глаз вдруг угас, в них мелькнул страх.

— С чего вдруг вы заговорили о мистере Галески? — воскликнула она.

— Просто это имя пришло мне в голову.

Он посмотрел ей в лицо, и она уловила скрытый смысл его слов. Не добавив ни слова, Полин Конрой развернулась и ушла.

Очевидно, думал Трмейн, провожая взглядом ее торопливо удаляющуюся фигуру, Джонатан Бойс буквально воспринял его совет не спускать глаз с Полин Конрой. Настолько буквально, что она быстро заметила это. Разумеется, в таком тесном мирке, как Далмеринг, невозможно тенью следовать за человеком так, чтобы он долго не догадывался об этом. Как только эта мысль пришла ему в голову, он увидел ту самую «тень». Незнакомец не был похож на полицейского: в городе он сумел бы выполнить свою задачу и остаться незамеченным, — но здесь, в Далмеринге, выделялся как чужак

и неизбежно привлекал к себе внимание, хотя за последние несколько дней приезжих в деревне значительно прибавилось.

Однако важнее было не то, что Полин Конрой заметила, как ее держат под наблюдением, а то, что выразила обеспокоенность этим фактом. Яростная вспышка несколько минут назад доказывала, насколько она встревожена.

Тремейн поднес руку к шее и осторожно ощупал ее. Шея болела и слегка опухла, глотать было трудно. Стальные пальцы Мартина Воэна оставили на ней свой отпечаток. Следствие завело Тремейна в опасные воды. Он до сих пор содрогался при мысли, насколько близок был к смерти накануне вечером. От безумия в глазах его противника веяло погибелью; Тремейн понимал, что сумел спастись чудом.

Так что же он сказал Мартину Воэну? Тремейн вспомнил, как сидел в кабинете Воэна, съездившись в кожаном кресле и боясь вновь подвергнуться нападению. Когда на карту поставлена жизнь, тут уже не до педантичности. Точность в высказываниях удается соблюсти не всегда, и Тремейн прекрасно сознавал, что кое в чем погрешил против истины, но своей цели при этом достиг. И с безмерным облегчением возвращался домой из «Хоум-лоджа», живой и способный дышать свежим ночным воздухом, который после пережитого ужаса кружил ему голову, как вино.

Тремейн размышлял об этом и осматривал окрестности, поскольку вышел из дома с определенными намерениями. Заметив возле «Адмирала» высокую фигуру Барри Энстона, он поспешил к нему. Репортер поприветствовал его и произнес:

— Похоже, ситуация вышла из-под контроля. Этак я скоро поверю, что здешние места были прокляты. Бедная пожилая дама, я как раз вчера утром беседовал с ней. Мне показалось, она и мухи не обидит. Кому могло прийти в голову убить ее?

— Тому, у кого имелись на то веские причины, — ответил Тремейн.

Энстон вопросительно взглянул на него и заметил синяки на его шее.

— С вами что-то случилось? Вас мучил ночной кошмар?

За это ключевое слово Тремейн и ухватился, как тот самый утопающий, которому подвернулась соломинка.

— Именно, — с жаром подхватил он, — кошмар. Видимо, за ужином съел что-то не то. И проснулся оттого, что пытался задушить сам себя.

— Похоже, вы едва не преуспели в этом деле, — сухо промолвил Энстон.

Тремейн не желал пускаться в объяснения. Он знал, что на языке у репортера уже вертится десяток вопросов, но не собирался посвящать его в подробности своего вчерашнего приключения. И потому опередил его, сменив тему:

— Я хотел поговорить о Шенноне — вам ведь что-то о нем известно. Я думал, тогда вечером вы поделитесь со мной, а вы вместо этого представили нам миссис Хэммонд.

— Да, мне кое-что известно, — кивнул Энстон. — И как раз сегодня я жду подтверждения. Получить его рассчитываю к вечеру, а пока буду хранить молчание. Вероятно, я все-таки ошибаюсь.

— Вряд ли, — возразил Тремейн. — Кстати, — продолжил он, — в последнее время я не встречал в округе Хорнсби — того частного сыщика. Миссис Хэммонд отозвала его? Ведь теперь, разумеется, необходимость в его услугах отпала. Представлять доказательства в суде по делу о разводе уже не понадобится.

— Интересно, были бы вообще обнародованы эти доказательства? Странная история. Обе женщины, несомненно, любили Хэммонда. Да, с самим Хэммондом я почти не общался, но насколько успел заметить, он вроде не из тех, от кого женщины теряют голову. Хотя они считали его привлекательным. Женщина, с которой он жил здесь — Карен, кажется? — прелестное создание. У нее наверняка были десятки поклонников, и все-таки она предпочла Хэммонда, чтобы, выражаясь чопорно, жить с ним во грехе. А законная жена, как мне показалось, на самом деле не желала разводиться с ним, хотя он и обманывал ее, а она наняла Хорнсби следить за ним. Ее нежелание чувствовалось в разговоре со мной.

— Да, темная и мучительная история, — с тяжким вздохом согласился Тремейн. — Бог знает, какой трагедией она могла бы обернуться. Вы знаете, где сейчас Хорнсби?

— Вероятно, в Колминстере, — ответил Энстон. — Он остановился там. Это следующая станция по той же ветке.

Рискну предположить: Хорнсби решил, что там будет привлекать меньше внимания к себе, но, как вам известно, тут, в деревне, многие уже заметили его.

Еще некоторое время Мордекай Тремейн беседовал с репортером — отчасти надеясь дожидаться Джонатана Бойса, — но инспектор так и не появился, поэтому он вскоре попрощался с Энстоном и направился обратно в «Страну роз».

Сумел ли Бойс отчитаться перед начальством о прогрессе в расследовании или же убийство Эдит Лоррингтон вынудило его блуждать словно в тумане, как и после двух предыдущих преступлений? Тремейн не сомневался, что инспектор не находит себе места от беспокойства. Теперь Далмеринг у всех на устах. От Бойса ждут результатов, причем немедленно. Три нераскрытых убийства подряд — достаточно, чтобы заставить любого инспектора Скотленд-Ярда просыпаться в холодном поту. Тремейн подозревал, что сам комиссар держит связь с Бойсом, ежечасно требуя отчетов и создавая у незадачливого инспектора ощущение, будто его карьера повисла над пропастью на волоске.

Разумеется, с точки зрения газет случившееся стало сенсацией, достойной пристального внимания. Убийство Филиппа Хэммонда побудило журналистов состязаться, придумывая броские заголовки, а новая трагедия вызвала просто ажиотаж. Вечерние газеты вышли со статьями, обрушивающими словесные потоки критики на Скотленд-Ярд, после чего комиссар наверняка напустился с еще более резкой критикой на инспектора Бойса, растравляя его и без того свежие душевные раны.

Дальнейший ход событий был очевиден. Жители Далмеринга потребуют защиты. Там, где произошло три убийства, может случиться и четвертое, и пятое. Расследование Скотленд-Ярда до сих пор ничего не дало. И неизвестно, когда закончится весь этот ужас.

Погруженный в свои мысли, Тремейн не замечал, куда бредет, и чуть не столкнулся с человеком, идущим ему навстречу. Он поспешно вскинул голову, бормоча извинения, и увидел, что перед ним Джеффри Маннинг.

— Ничего страшного! — жизнерадостно откликнулся Маннинг. — Мы видели, что вы задумались, и потому были начеку.

Его голос прозвучал преувеличенно беззаботно. Маннинга сопровождала Филлис Голуэй, лица у обоих раздумянились, оба казались воодушевленными.

— По-моему, вы радуетесь жизни, — заметил Трмейн, слегка удивившись этому ввиду известных обстоятельств.

— Так и есть, — подтвердил Маннинг, взглянув на девушку, а когда она кивком выразила согласие, объяснил: — Вы первый, кого мы встретили, так что я просто не могу не сообщить: мы с Филлис обручились.

В обычных обстоятельствах на душе у Мордекая Трмейна потеплело бы от ликования, которое отчетливо слышалось в голосе Джеффри Маннинга. Со свойственной ему сентиментальностью он умилился бы при виде расцветающих чувств — это зрелище всегда доставляло ему ни с чем не сравнимое удовольствие, — но сегодня его слишком угнетали мысли, он чересчур остро сознавал близость зла, вырвавшегося на свободу, и потому не смог проявить энтузиазма.

— Поздравляю, — только и сказал он. — Надеюсь, вы оба будете счастливы.

— Понимаю, — произнесла Филлис Голуэй. — Вам кажется, что сейчас не время — после стольких трагедий. Вы считаете это решение... неподобающим.

— Пожалуй, — признал Трмейн. — Или, скажем проще, несколько преждевременным.

— Мне ясно, что вы имеете в виду. Ведь в последнее время случилось столько ужасного. Бедная Эдит...

— Это не значит, что я считаю ваше обручение неуместным, — добавил Трмейн. — Жизнь продолжается. Молодежи надо строить ее, несмотря на трагедии. Не следует только из-за них откладывать свои планы. Просто... просто мне кажется, что было бы разумнее пока не объявлять об этом во всеуслышание.

— Мне и не хотелось никому говорить, — призналась Филлис. — Но вы же знаете, как это бывает, — просто невозможно удержаться и сохранить тайну. Глупо, конечно. Далеко не всем она интересна. Но я знала, что Джеффри хочется рассказать вам...

— А почему бы и нет? — воскликнул Маннинг. — Зачем это скрывать?

— Признаться, я немного удивлен, — промолвил Тремейн. — Когда приехал сюда несколько дней назад, я даже не подозревал, что отношения между вами настолько близки.

Маннинг помолчал.

— Родители Филлис не вполне одобряют меня, — наконец объяснил он. — Им кажется, будто я еще не окончательно определился с выбором карьеры: моя мечта — стать художником, но в настоящее время я работаю в одной компании в Кингсхэмптоне. Вот мы и старались не афишировать наши чувства. В деревнях всегда столько сплетен.

— Нет, маме с папой нравится Джефф, — уточнила Филлис, — просто речь зашла о деньгах. Они уверены, что желают мне добра, но возражать не станут, я точно знаю.

— Теперь мы обручены, — подхватил Маннинг, — и я хочу, чтобы об этом знали все. Мы поженимся как можно скорее.

— Пожалуйста, простите Джеффа, — с улыбкой добавила Филлис. — По-моему, у него слегка вскружилась голова. Можно подумать, у Джеффа осталось в запасе всего несколько дней!

— Вероятно, так оно и есть, — усмехнулся Маннинг. — Значит, нужно радоваться, пока существует возможность. Откуда нам знать, что будет дальше? Только посмотрите на эту деревушку — еще неделю назад она была тихим уголком. А теперь все перепуганы, хоть и не признаются в этом. Кто станет следующим? Вот о чем все гадают. Мне страшно за Филлис. Я хочу увезти ее отсюда!

— Джефф, не надо! Послушать тебя, так ты уверен, что эти ужасные убийства еще не закончились!

Тремейн пристально посмотрел на Маннинга: его лицо было неестественно застывшим. Некоторое время Тремейн колебался в нерешительности, а потом негромко произнес:

— Я хотел бы попросить вас кое о чем. Вы сказали, что я первый, кому вы сообщили о своем обручении. Вы не могли бы пока больше никому не говорить?

Филлис Голуэй озадаченно взглянула на него, но, заметив, что он настроен серьезно, воздержалась от вопросов.

— Хорошо, — кивнула она. — Возможно, так будет даже лучше.

Маннинг собирался что-то возразить, но передумал.

— Если Филлис согласна, то и я тоже, — нехотя поддержал он девушку. — Пока мы никому ничего не скажем.

— Спасибо, — произнес Тремейн, обращаясь главным образом к Филлис Голуэй. — Уверяю вас, у меня есть весьма веская причина.

И он двинулся прочь. Шагал Тремейн быстро и решительно, зная, что Маннинг внимательно смотрит ему вслед. Тремейну удалось настоять на своем. Он твердо держался курса, который наметил еще до встречи с Маннингом и его спутницей. Чтобы продолжить в том же духе, прежде требовалось найти Джонатана Бойса.

Поиски инспектора заняли у Тремейна почти час, но в конце концов он увидел Бойса выходящим из дома, где жила Эдит Лоррингтон. Инспектор вместе с подчиненным осматривал место преступления. Тремейн не позволил себе свернуть с намеченного курса, хотя Бойс был озабочен и раздражен.

— Нашли что-нибудь? — спросил Тремейн.

Инспектор обернулся к нему. Его глаза под кустистыми бровями сверкнули.

— А я как раз хотел вас видеть, Мордекай, — чуть резко-вато объявил он.

Тремейн изобразил удивление:

— Правда?

Бойс многозначительно взглянул на мужчин в штатском, которые находились поблизости.

— Поговорим по пути, — предложил он и, когда они отдалились на несколько шагов и могли уже не опасаться, что их подслушают, произнес: — Плохи дела, Мордекай, чертовски плохи. Три убийства и ноль результатов не тот случай, когда популярность в Скотленд-Ярде тебе обеспечена.

— Да уж, — сочувственно откликнулся Тремейн. — Как складывается ситуация? Вы опять в тупике?

— Ничего хоть сколько-нибудь напоминающего улики, — сообщил Бойс. — Тот, кто убил Эдит Лоррингтон, вошел в дом, взял кочергу, прикончил пожилую даму и вышел, не оставив следов. Ни отпечатков пальцев, ничего.

— А в прошлом Эдит Лоррингтон нет никаких зацепок?

— Мы пока не обнаружили, хотя об этом судить рано. Похоже, она жила здесь очень тихо и уединенно. У нее было несколько друзей, но не близких. — Бойс широко развел руками, высказывая вслух мысль, которая не давала ему покоя: — Ну кому, кому могло понадобиться убивать ее? В случае Лидии Дэр и Филиппа Хэммонда убийство еще можно хоть как-то объяснить, несмотря на то что мы не нашли ничего определенного в подтверждение своей версии. Но в случае Эдит Лоррингтон нет вообще ничего — кроме дьявольской, дикой, чудовищной жестокости.

— Я же говорил вам однажды, Джонатан, — спокойно заметил Тремейн, — для каждого убийства есть мотив. И это убийство не исключение.

Бойс вдруг взял его под руку:

— Вам что-то известно, Мордекай! У вас что-то на уме, какая-то версия насчет всей этой чертовщины. Вы ведь ждали еще одного убийства.

— Пожалуй, да, — признал Тремейн и продолжил: — Но если бы знал, если бы догадывался, что станет с Эдит Лоррингтон, я сообщил бы вам. Вряд ли мне известно нечто такое, чего не знаете вы. — И неожиданно добавил без явной связи с предыдущими словами: — Я не рассказывал вам, как потерял несколько сотен фунтов в Трастовой компании Ройдейла?

Бойс удивленно уставился на него:

— Нет. Хотя, припоминаю, вы говорили, что потеряли деньги в какой-то сомнительной биржевой конторе, которая якобы занималась производством амортизаторов новой конструкции. Но ведь крах Ройдейла — старая история. Почему вы сейчас упомянули о нем? Если не ошибаюсь, Ройдейлу дали пятнадцать лет?

— Верно. Ему дали пятнадцать лет.

— И при чем, черт возьми, все это сейчас? — раздраженно воскликнул Бойс. — Мы говорим не о вашей биржевой деятельности. Довольно отвлекающих маневров; вернемся к тому, на чем мы остановились.

Мордекай Тремейн сразу принял покаянный вид.

— Извините, Джонатан. Я понимаю, положение у вас отчаянное.

— Отчаянное — это, по-моему, еще мягко сказано. Мне грозит увольнение, после которого я могу лишиться будущей пенсии. Не хочется даже вспоминать, что наговорил мне комиссар по телефону сегодня утром.

— Вы сообщили ему, какие результаты вам уже удалось получить?

— Беда в том, что их слишком много, этих результатов. Когда я привожу кого-либо на скамью подсудимых, прежде убеждаюсь, что этому человеку там место. А здесь совершить это преступление могли слишком многие. Не могут же они все быть виновными!

— Трое из них — могут.

— Если только все три преступления никак не связаны друг с другом. В чем я склонен сомневаться. — Инспектор помолчал минуту, а потом продолжил: — Есть короткий путь от дома Эдит Лоррингтон до «Страны роз». От одного коттеджа до другого можно дойти за четыре-пять минут, если знаешь, где тропа, но найти ее нелегко. Кстати, вы были с доктором Расселлом весь вечер, Мордекай?

— Да, — кивнул Тремейн, ожидая очередного вопроса.

— Но вряд ли все это время он был у вас на глазах. Неужели он, к примеру, не вел прием у себя в кабинете?

— По-моему, вел.

Мордекай Тремейн не знал, что сказать дальше. Было ясно, к чему клонит Бойс. Тремейн решил, что ему остается лишь одно, — признать очевидное, и, выдержав паузу, спросил:

— Почему вы решили, что Пол мог убить ее?

Инспектор облегченно вздохнул:

— Хорошо, что вы сами высказались напрямик. Я понимаю, доктор Расселл — ваш друг. Но нам приходится иметь дело с фактами. Это наследство... оно могло стать причиной убийства Лидии Дэр. Вероятно, остальные преступления непреднамеренные. Может, Хэммонд и мисс Лоррингтон стали вызывать у виновного ощущение опасности и ему пришлось убить их ради собственного спасения.

— Если Пол убил Лидию Дэр, то почему просил меня сделать все, чтобы найти преступника?

— В качестве дополнительной меры предосторожности. Он считал, что вне подозрений, но на всякий случай решил гарантированно отвести их от себя. Разумеется, в то время Рассел не думал, что понадобятся новые убийства.

— Вчера вечером, когда вы заходили к Расселлам, вы хотели что-то сказать мне, но промолчали. Потому что там был Пол?

— Да, поэтому. — И Бойс добавил так, словно эта неожиданная мысль только что пришла ему в голову: — Вы полагаете, это сделал он?

— Может, да, — уклончиво ответил Тремейн, — а может, и нет. Вам будет небезынтересно узнать, — продолжил он, меняя тему, — что наш приятель Шеннон на самом деле был в Колминстере — в тот самый день, когда, по его словам, обсуждал деловые вопросы в Лондоне с Миллуордом.

— Я виделся с Энстоном, поэтому знаю, и не надо делать такие явные попытки уйти от ответа.

— Ну, хорошо, — кивнул Тремейн. — Сегодня вечером вы получите своего убийцу.

Он произнес это так небрежно, что поначалу смысл его слов не дошел до Бойса. Внезапно инспектор остановился и резко спросил:

— Что?

— Я сказал, что сегодня вечером вы получите своего убийцу. Если, — добавил он, — сделаете то, что я попрошу.

И Тремейн объяснил инспектору, что ему требуется, так многозначительно, что Джонатан Бойс внимательно выслушал его и не стал возражать.

Глава 17

На сцене деревенского клуба уже не репетировали пьесу «Для убийства есть мотив» — там разыгралась настоящая драма. Возможно, атмосфера, которой было проникнуто это действие, оказалась более захватывающей, чем у пьесы, из-за того, что в ней отсутствовали умышленно акцентированные реплики, озвученные старательными актерами под влиянием

искусственных эмоций. Слова вылетали поспешно, их банальность выдавала нервное напряжение, побуждающее к действию тех, кто их произносил. Они вторгались в молчание зала, словно зная, что они здесь незваные гости, и снова растворялись в сумерках, оставляя за собой неловкое чувство раскаяния.

Мордекай Тремейн обводил беглым взглядом присутствующих. Действовал он почти незаметно, однако мог с закрытыми глазами составить в воображении колоритное описание этой сцены.

Он мог бы изобразить крупную и рослую фигуру Мартина Возна, восседающего на стуле, который выглядел неуместно низким и непрочным, и возвышающегося над остальными в виде мрачного колосса. Будто окруженный пигмеями, Воэн чувствовал себя не в своей тарелке, и в то же время подозревал и опасался их. Мог описать Говарда Шеннона, нервно сжимающего и разжимающего кулаки и украдкой поглядывающего по сторонам.

Тремейн мог дать точный словесный портрет сидящей рядом с Шенноном Полин Конрой, смуглой и мрачной, всячески подчеркивающей соблазнительностью форм мятежную, осознающую свою власть красоту и по-прежнему играющей на публику, несмотря на страх. Тремейн заметил, как она украдкой опустила правую руку под стол и нащупала там руку Сержа Галески. И сжала ее так крепко, что ладони обоих стали влажными.

Тремейн видел, как Полин Конрой в буквальном и переносном смысле льнет к Галески в поисках поддержки, хотя продюсер ничем не проявляет ее. Казалось, к волнению спутницы он совершенно равнодушен. На его лице было написано чувство собственного превосходства: слишком часто взгляды, которыми Галески обводил сидящих за столом, были если не презрительными, то по меньшей мере покровительственными. Своим видом он словно говорил, что против него нет доказательств, и сидел с пренебрежительным и надменным видом, уверенный в своей правоте.

Будет ли Галески и дальше таким откровенно высокомерным, когда драма этого вечера достигнет своей кульминации?

Мордекай Тремейн подумал, что самоуверенность мистера Сержа Галески исчезнет еще до того, как он покинет сцену.

Тремейн взглянул вверх огней рампы в сумрачную пустоту зрительного зала. В темноте видно было плохо, но ему показалось, что в самой глубине, в густой тени, мелькнула белизна лиц, и он, напрягая глаза, узнал Барри Энстона и Джералда Фарранта.

Присутствию репортера Тремейн не удивился. Энстон знал, что очередная глава истории, освещать которую его и отправили в Далмеринг, вскоре будет готова к публикации. Возлагал ли он на нее большие надежды, Тремейн не знал, но даже если репортер был настроен скептически насчет дальнейшего развития событий, то все равно считал своим долгом присутствовать при нем. Однако, возможно, его побудило к этому не только чувство долга, но и веское слово инспектора Бойса. Детектив из Скотленд-Ярда объяснил репортеру, что этим вечером стоит посетить деревенский клуб.

Тремейн увидел Джералда Фарранта. Обратил внимание на то, как лихорадочно и яростно блестели его глаза, как осунулось бледное лицо. Несомненно, Фаррант явился за отмщением.

В зале находились не только Энстон и Фаррант. Вход в зал никем не охранялся, а по деревне разнесся слух о том, что должно произойти в клубе. Присутствующие были главным образом газетчиками. Теперь беспокоиться об этом было уже поздно, и Мордекай Тремейн надеялся, что зрители будут сидеть тихо, не привлекая к себе внимания.

Он ощущал покалывание во всем теле. Наступил его час. Замысловатую версию, которую он выстроил, предстояло подвергнуть проверке. В случае фиаско, если вся его конструкция рухнет, не выдержав эксперимента, ее автор будет заклеймен презрением и ничего не сможет сказать в свое оправдание Джонатану Бойсу. Ему не останется ничего, кроме как с позором и немедленно покинуть Далмеринг.

Но Тремейн знал, что фиаско не будет. Уверенность нарастала в нем, как спокойный и неумолимый морской прилив.

Он снова обвел взглядом стол, за которым расположился сам и остальные действующие лица драмы. Покосился на Ка-

рен Хэммонд. Никто в деревне еще не знал, что она не жена Филиппу Хэммонду. Законная жена убитого не сделала заявления в газетах, не вызвала публичного скандала и пересудов в деревне. В целом она вела себя сдержанно и благоразумно: Тремейн подозревал, что объясняется это ее любовью к мужу, и хранила молчание, чтобы имя Филиппа Хэммонда осталось незапятнанным как можно дольше.

Белокурые волосы Карен Хэммонд, высвобожденные из-под облегающей шляпки, в какой она пришла в клуб, контрастировали с темным костюмом строгого покроя, свидетельствующим о том, что она считает себя вдовой. Растрепанные светлые пряди обрамляли лицо, которое, казалось, застыло от горя. На нем не осталось ни следа страха, будто смерть Филиппа Хэммонда заморозила ее сердце. Карен Хэммонд сидела за столом неподвижно, устремив взгляд голубых глаз прямо перед собой, но не видя того, что находилось перед ней.

Тремейн посмотрел туда, где место во главе стола занимала Сандра Борн. Она с сочувствием косилась на Карен Хэммонд. Заметив, что Тремейн глядит на нее, повернула голову, и на ее лице возникло просительное выражение. Он понимающе кивнул и указал на два свободных стула справа от нее.

Джин и Пол Расселл пока не появились. Тремейн ждал их. Для него было важно, чтобы все актеры, занятые в представлении, находились на своих местах.

Мартин Воэн заметил, как они переглядываются, и поерзал. Стул под ним заскрипел.

— Чего мы ждем? — спросил он. — Если это настолько важное собрание, почему не начинаем его, а сидим здесь как манекены?

— Мы ждем, — ответила Сандра Борн, — доктора Расселла и Джин. Нельзя начинать, пока их нет, а они скоро подойдут.

Ее ровный и терпеливый голос успокоил Воэна. Удивительно, но он даже как будто смутился.

— Извините, Сандра, я не хотел быть резким с вами. Ждешь, а ничего не происходит...

Непривычная кротость Воэна вызвала легкое движение за столом, словно внезапно через присутствующих пропустили электрический ток, связав этих людей в одну цепь. Шеннон

быстро повернулся, и его дряблые щеки затряслись. Он внимательно посмотрел на Воэна, словно заметил опасность, исходящую от источника, ранее не вызывавшего подозрений.

Тремейн критически изучал сидящих вокруг людей через пенсне, как всегда, сползшее на кончик носа и придающее ему безобидный вид. Он замечал все их реакции.

Филлис Голуэй сидела за столом напротив Воэна. Ее рот был приоткрыт, выглядела она как ребенок, которого пригласили за стол вместе со взрослыми и теперь ему интересно и немного страшно. Тремейн подумал, что ее юная прелесть еще никогда не была настолько очевидной.

На Джеффри Маннинга он посмотрел с легкой завистью старика, сожалеющего об упущенных возможностях навсегда утраченной молодости. Зависть усилилась, когда он заметил, что Маннинг не обращает внимания на девушку, на которой собрался жениться. Ему полагалось бы, с возмущением всей своей сентиментальной души подумал Тремейн, не отводить от нее взгляда. А если Маннинг способен игнорировать эту притягательную красоту и свежесть, то он их не заслуживает.

Но едва эта мысль возникла в голове у Тремейна, Маннинг посмотрел на Филлис. Хмурое лицо Маннинга смягчилось, черты утратили обычную резкость, которая портила их, и теперь он был просто симпатичным молодым человеком, как и несколько дней назад. Однако метаморфоза оказалась краткой. Жесткость и напряженное ожидание вернулись. Он опустил голову и помрачнел.

На лице Сержа Галески проступила краска. Нарочито неряшливый длинноволосый продюсер отчасти утратил свое самодовольство. Наконец Галески искоса глянул на Полин Конрой и откашлялся.

— Мисс Конрой и я не можем ждать, — с важным видом объявил он. — Наше время бесценно.

— Извините, мистер Галески, — отозвалась Сандра Борн. — Надеюсь, ждать осталось недолго.

Несмотря на свое заявление, Галески не сделал попытки уйти. О своей занятости он заговорил только ради спасения престижа. Тремейн понимал: этот человек не уйдет, не увидев кульминации событий.

В душе Тремейна шевельнулось невольное уважение, пока он наблюдал за Сандрой Борн. Ее нервозность была несомненной, не менее острой, чем у любого присутствующего, но она ничем не выдала ее. Сандра по-прежнему занимала в деревне то же положение, с каким давно свыклась: была трудолюбивой покладистой рабочей лошадкой, которая берет на себя решение многих задач и не устаивается похвал. Все уже привыкли принимать как само собой разумеющееся, что если требуется что-нибудь уладить и организовать, то это бремя ляжет на плечи Санди. Необходимую подготовку к сегодняшнему собранию тоже провела она.

За время краткого пребывания в деревне Тремейн несколько раз убеждался в правильности своих наблюдений. Отдавая должное другим ее жителям, он заметил, что Сандра выполняла свою работу без жалоб и была готова брать на себя всё новые обязательства. На нее всегда можно было положиться.

Но несмотря на то что внешне она осталась прежней и была готова всем помочь, Тремейн не сомневался, что Сандра Борн очень устала. Морщинки обозначились на ее лице отчетливее, чем всего пару дней назад; темные круги под глазами увеличились и стали заметнее. Самообладание было всего лишь позой, поддерживать которую ей становилось все труднее.

Говард Шеннон беспокожно поерзал. Сам он был лишен такого самообладания, ожидание стало для него невыносимым, тем более что снять напряжение было нечем. Он украдкой облизнул губы и уже собирался что-то сказать, когда в глубине за сценой послышались шаги и вскоре к столу приблизились Джин и Пол Расселл, попавшие в клуб через заднюю дверь.

Пол Расселл быстро огляделся.

— Прошу прощения за опоздание, — слегка взвинченным тоном произнес он. — В последнюю минуту мы задержались из-за вызова.

— Ничего страшного, Пол, — ответила Сандра Борн и указала на два свободных стула. — Будьте добры сесть здесь вместе с Джин.

Итак, все были в сборе. Тремейн гадал, о чем сейчас думают присутствующие, молча и почти незаметно сидящие в глубине зрительного зала. То, что происходило на сцене, казалось не совсем реальным: горстка людей расселась вокруг стола, на виду у большого зала, мрачного и пустого, если не считать нескольких неофициальных наблюдателей.

Пол Расселл неловким движением отодвинул свой стул и неуклюже сел. Обычно он действовал более уверенно. На Мордекая Тремейна Пол старался не смотреть.

— Вижу, Санди, вы по-прежнему загоняете себя, работая за всех, — заметил он, и хотя в его словах не было ничего особого, он выдал себя тоном.

Тремейн посмотрел в его сторону и перехватил взгляд Джин, испуганный и расстроенный. Доктор Расселл и его жена сильно волновались. Джин вспыхнула и торопливо повернулась к Сандре:

— Ходят слухи, будто вы покидаете нас. Это правда?

— Да, Джин, правда, — ответила она. — Несмотря на все мои усилия, дольше оставаться здесь я не могу. Слишком уж много... воспоминаний.

Воэн кашлянул.

— Извините, Мартин, — продолжила Сандра. — Вам не зачем это слушать. Теперь, когда Джин и Пол здесь, можно начинать. Все мы знаем друг друга, так что в формальностях нет необходимости. — Она помолчала, подбирая слова. — Надеюсь, никто не возражает, что я заняла место во главе стола? Только не подумайте, пожалуйста, что я пытаюсь... руководить. Но я... В общем, мне пришлось улаживать разные проблемы, потому и показалось, что так будет правильно.

Воэн подался вперед и проговорил:

— Все хорошо, Санди. Кому-то из нас все равно придется, а вы подходите в большей степени, чем кто-либо другой. Все мы понимаем, что это завершающее собрание.

— Да, точнее не скажешь. После смерти Лидии мы собирались продолжить репетиции, но теперь я не думаю, что кто-нибудь одобрит это. Слишком много трагедий произошло в последнее время, чтобы у нас сохранилось желание лицедействовать. — Сандра Борн обвела присутствующих

взглядом. — Есть здесь тот, кто все-таки считает, что репетиции следует продолжить? Я поговорила с людьми из Кингсхэмптона, вопрос о том, что мы непременно должны исполнить обещание, не сто́ит, — они понимают, в каком мы положении.

Все молчали. Сандра посмотрела на присутствующих:

— Пол? Джеффри? Полин?

После каждого имени она делала паузу. Полин Конрой передернула плечами.

— Нет, — сдавленным тоном, лишенным свойственного ей драматизма, ответила она. — Нет, сейчас я не смогу сыграть в этой пьесе.

Мартин Воэн стукнул кулаком по столу.

— Эта чертова пьеса приносит беду! Мы видели, чем все закончилось в прошлый раз. Все мы это знаем. — Он воинственно посмотрел на остальных. — Как и то, что незачем было устраивать собрание, только чтобы решить, что постановки не будет. Мы явились сюда не ради обсуждения: ставить пьесу «Для убийства есть мотив» или нет, — а потому, что не могли не прийти. Нам сообщили, что мы должны быть здесь, иначе пожалеем!

— Мартин! — воскликнула Сандра Борн.

Но Воэн словно взорвал бомбу. И поскольку все сразу это поняли, затихли и сидели не дыша. Воэн дерзко вскинул голову:

— Ведь это правда? Все было очень вежливо, но именно это и означало. Мы собрались здесь потому, что так пожелала полиция.

Голос Мордекая Тремейна нарушил напряженную тишину, наступившую после вспышки Воэна.

— Почти верно, — спокойно произнес Тремейн, — но не совсем. Вы все здесь потому, что вас захотел собрать я.

Он взял на себя ответственность так невозмутимо, что Воэн, к которому он обращался, растерялся. Прежде чем он сумел прийти в себя, Тремейн поднялся и сказал:

— Я должен извиниться перед вами, леди и джентльмены. Точнее, перед всеми, кроме одного человека, который убил Лидию Дэр, Филиппа Хэммонда и Эдит Лоррингтон.

Никто и не думал перебивать его. Тремейн знал, какой эффект произведут его слова, еще до того, как произнес их. Даже агрессивность Мартина Воэна исчезла: он перестал нависать над столом и сел на место. Тремейн расправил плечи, завладев вниманием аудитории. Перед ним словно лежало озеро молчания, в которое он ловко бросал слова-камушки.

— Я хотел, чтобы все вы собрались здесь сегодня, потому что мне нужно поговорить с вами о пьесе «Для убийства есть мотив». У меня с собой экземпляр. — Тремейн указал на квадратный сверток в коричневой оберточной бумаге, лежавший на столе перед ним. — Вам, конечно, известно, что я побывал на двух ваших репетициях, вдобавок последние несколько дней внимательно изучал текст пьесы. И теперь я хочу, чтобы вы задумались о ней, взглянули на нее под иным, непривычным для вас углом.

Тремейн сделал паузу, давая присутствующим возможность оценить смысл его слов, а потом продолжил:

— Замечания, которые я намерен сделать, покажутся вам личными. Я чужой человек здесь, среди вас, у меня нет официального статуса. Но попрошу вас не забывать, что в этой деревне уже убили трех человек, а преступник разгуливает на свободе среди нас и, возможно, четвертое убийство.

— Вы полагаете, будет и четвертое? — резко спросил Воэн.

— Я сказал, что убийца, возможно, планирует планирует четвертое преступление, — уточнил Тремейн.

— Что все это значит? — вдруг вмешался Серж Галески. — Если вам что-либо известно, так давайте выкладывайте!

— Всем вам нелегко, мистер Галески, — жестко парировал Тремейн. — Понимаю, насколько неприятным может быть ожидание, но буду действовать так, как сочту нужным. В пьесе женщину убивает мужчина, который любит ее, потому что она собирается замуж за другого. В вашей постановке женщину играла мисс Голуэй, а убийцу — мистер Воэн. Это параллель с реальной жизнью, как вы наверняка заметили на репетиции сразу после смерти мисс Дэр, — той самой репетиции, на которой присутствовал и я. Мистер Воэн был влюблен в Лидию Дэр. Она собиралась замуж за другого, назовем его имя: мистер Фаррант. Лидия Дэр умерла при об-

стоятельствах, которые поставили мистера Воэна в опасное положение и привлекли к нему внимание полиции. Далее по ходу пьесы один человек — его играл мистер Шеннон — был убит своей женой за то, что изменял ей. В действительности убили мистера Филиппа Хэммонда. По крайней мере один из вас, а может, и не один, подозревал, что у него была любовница, с которой он виделся в Лондоне. Опять-таки примечательна параллель между убийством в пьесе и убийством, произошедшим в действительности. И точно так же, как мистер Воэн был скомпрометирован первым убийством, миссис Карен Хэммонд была серьезно скомпрометирована вторым. На их вину указывали раскрытые на сцене мотивы преступлений.

Тремейн бросил быстрый взгляд на Карен Хэммонд. Ее белокурая голова была опущена, лица он не видел, но по ее позе понял, что она напугана. Тремейн перевел дыхание. На тонкий лед взаимоотношений Карен и Филиппа Хэммонда он уже ступил, но до сих пор не услышал ни единого возражения. По крайней мере, пока рассказ об убийствах полностью завладел вниманием присутствующих.

— Одним совпадением, — продолжил Тремейн, — еще можно было бы пренебречь. Но двумя — нет. По моему мнению, допустимо лишь одно объяснение: убийства в пьесе и убийства в реальности взаимосвязаны. Иными словами, тот, кто написал эту пьесу, имел в виду Лидию Дэр и Филиппа Хэммонда, зная, что им предстоит умереть.

С лица Сержа Галески исчезло выражение превосходства. В его манерах больше не было ни следа небрежной беспечности.

— Хотите сказать, — хрипло выговорил он, — что пьесу написал преступник?

— Да, — кивнул Мордекай Тремейн, — это я и имел в виду.

— В таком случае как в вашу версию вписывается убийство Эдит Лоррингтон? — спросил Мартин Воэн. — Где его аналог в пьесе?

— Его нет, — ответил Тремейн. — Смерть Эдит Лоррингтон не предполагалась.

— Тогда почему ее все-таки убили?

— Она слишком много знала.

— Если Эдит знала достаточно, чтобы заставить убийцу пойти на риск и избавиться от нее, почему не сообщила кому-нибудь о том, что ей известно? Эдит была не из тех, кто подолгу хранит молчание. Почему она не рассказала обо всем вашему другу, инспектору Бойсу?

— Ответ прост: она сама не создавала, какой информацией владеет.

Если раньше на сцене ощущалось лишь напряжение, то теперь страх и подозрение выплеснулись наружу. Сидящие за столом люди уже не были дружелюбными представителями одного сообщества. Они стали враждебно настроенными чужаками, украдкой следили друг за другом, явно боялись своих соседей.

Пухлыми пальцами Говард Шеннон нервно теребил собственный галстук. Он с трудом сглотнул и произнес:

— Но откуда нам знать, что вы все это не выдумали?

— Я ничего не выдумываю, мистер Шеннон, — возразил Тремейн. — В ночь убийства Лидии Дэр вы находились не в Лондоне, как заявили ранее, а в Колминстере и вполне могли провести некоторое время в Далмеринге. И даже могли бы вернуться пешком в Колминстер менее чем за полтора часа, и вас никто не заметил бы.

Лицо Шеннона стало пепельно-серым, руки затряслись. Пытаясь скрыть волнение, он спрятал их под стол.

— Вы заманиваете меня в ловушку, — пробормотал он, — но все равно ничего не докажете.

— Я не сомневаюсь, что к настоящему моменту у инспектора Бойса уже есть необходимые доказательства. Хочу, чтобы вы поняли: я знаю, как были совершены убийства и кем.

Кто-то негромко ахнул и сразу же испуганно замолчал. Все взгляды были прикованы к Мордекаю Тремейну.

— Ради бога! — воскликнул Джеффри Маннинг. — Если вы действительно знаете, не молчите!

— Чем дальше я изучал пьесу, — продолжил Тремейн так, словно не слышал его, — тем сильнее убеждался, что написать ее мог только человек, хорошо знающий Далмеринг, и Алексис Кент — псевдоним, под которым скрывается один из вас.

Меня немного удивляло, что та же мысль не пришла в голову никому другому. Интересно, подумал я, а если все же Филипп Хэммонд догадался? Мне говорили, что ему предлагали роль в пьесе, однако он отказался. Теперь причина должна быть очевидна для вас: Филипп Хэммонд не пожелал играть роль неверного мужа, поскольку знал, что именно он им и является. Возможно, потому, что понял, что его тайна кому-то известна, он и вернулся сюда после репетиции в ту ночь, не сказав даже своей... жене, куда направляется.

Перед словом «жене» он сделал паузу. Теперь Карен Хэммонд смотрела на него во все глаза, и Трмейн видел, как болезненно она морщится.

— Вероятно, ему передали записку, — добавил он. — Записку, которую он не рискнул оставить без внимания. Признаюсь, это лишь догадки, но, по-моему, они верны. Нам известно, что Филипп Хэммонд пришел в клуб, где его поджидал убийца. Филиппа Хэммонда оглушили ударом молотка — преступник знал, что он хранится в комнате за сценой. Голову жертвы сунули в газовую духовку, убийца смотрел, как Хэммонд умирает.

Представляете, насколько чудовищной была эта сцена? Из человека медленно уходила жизнь, а преступник стоял испуганный, с гулко бьющимся сердцем, прислушиваясь к каждому шороху. Для этого понадобились хладнокровие, дьявольская жестокость и бездушная, порочная целеустремленность.

А убийца и вправду был хладнокровным — и остался таким. Об этом свидетельствует также смерть Эдит Лоррингтон. Несомненно, она приветливо улыбнулась, открывая дверь своему гостю, которого считала другом, и уже в следующий момент была забита насмерть.

С того момента как об убийстве стало известно, очевидной сделалась и неотвратимость намерений преступника. Он обрек Лидию Дэр на смерть, вонзив нож ей в грудь на темной безлюдной тропе. Бедная Лидия! Она была так счастлива. Готовилась к свадьбе и долгой жизни с любимым человеком. Тот, кто виновен в этом, должен понести наказание за свое тяжкое преступление. За ужасное злодейство, совершенное во мраке.

Тремейн помолчал, посмотрел на Сандру Борн, сидевшую как изваяние во главе стола, и проговорил:

— Была жестоко растоптана не одна жизнь, а две. Кто из нас сделал бы все возможное, чтобы предотвратить эту трагедию, окажись он поблизости? Я знаю, почти все вы были бы готовы поклясться, что Сандра, к примеру, пошла бы на любой риск, лишь бы помешать этому жестокому убийству.

Она опустила голову и пробормотала:

— Конечно, Лидия была моей подругой. Я... я любила ее.

— Нет, — спокойно возразил Мордекай Тремейн, — вы ее ненавидели.

Неожиданно он выпрямился, став грозным и суровым, и его гневный голос хлестнул ее ледяным бичом:

— Да, вы ее ненавидели! Разве не так?

Глава 18

Сандра Борн съежилась на стуле, зажав ладонью рот, глаза широко раскрылись от ужаса. Казалось, страх парализовал ее.

Мордекай Тремейн продолжил:

— Вы ее ненавидели. Ненавидели потому, что завидовали ей. А завидовали потому, что у нее было все, чего хотели вы сами. Лидия Дэр умела легко заводить друзей, находилась в центре внимания, ее расположения добивались, мужчины восхищались ею. А вы твердили себе, что вам приходится выполнять нудную и тяжелую работу и мужчины вами совершенно не интересуются.

Все считали вас преданной, покладистой, безропотной Санди, берущей на себя заботы, от которых отказываются остальные, выполняющей самые неприятные поручения ради блага окружающих. Вас воспринимали как надежную опору всей деревни, к вам всегда можно было обратиться, когда требовалось что-либо организовать или оказать кому-то помощь. Люди думали, что вам нравится заниматься подобным, быть в гуще событий: то участвовать в местных благотворительных мероприятиях, то устраивать цветочные выставки, справляться

с рутинными обязанностями, каких хватает в любой деревне, и не требовать ни похвал, ни наград.

Но никто и не подозревал, что все это время зависть точила вас изнутри, медленно отравляя сердце. Вы приветливо улыбались, произносили дружеские слова, однако завидовали тем, к кому обращались, ненавидели их, желали уничтожить — за то, что они вели жизнь, которая казалась вам интереснее и богаче вашей собственной. Вы завидовали тому, что они будто бы обладают всем, чего желают, не прилагая к этому никаких усилий. Я говорю «будто бы», потому что на такие рассуждения способен лишь порочный, извращенный разум; только его хозяин полагает, что никто другой в мире не знает ни трудов, ни горестей, ни тревог.

Со временем вы возненавидели всех, кто принадлежал к кругу ваших знакомых, — считали их более удачливыми, думали, что жизнь к ним гораздо более благосклонна, чем к вам. Вы ненавидели Карен Хэммонд, потому что она была счастлива и у нее был муж, который любил ее. Ненавидели Лидию. Ненавидели всех остальных.

Мало того, вы лелеяли свою ненависть. Лелеяли ее и растили, пока она не разрослась, не овладела вашей душой и не привела вас наконец к стремлению убивать. Убивать не внезапно, не в состоянии аффекта, а хитро, изворотливо, после того как вы безжалостно, на протяжении недель и месяцев, строили планы.

Видимо, ваша зависть достигла наивысшей точки, когда вы услышали, что Лидия собирается замуж за Джералда Фарранта. Вы знали, что Мартин Возн влюблен в нее. И когда поняли, что сразу двоим она нужна настолько, что они готовы жениться на ней, а вам никто и никогда не делал предложения, это унижение стало последней каплей для вашего злого, извращенного ума. И вы решили отомстить.

Вы написали пьесу «Для убийства есть мотив». Сочинили ее с явным умыслом провести параллель между убийствами в пьесе и убийствами в жизни. С таким расчетом, чтобы она указала полиции на виновных, когда начнутся расследования.

И тут, несмотря на ваш план, стали допускать ошибки. Вы отвезли рукопись пьесы в Кингсхэмптон, чтобы перепечатать.

В машинописном бюро объяснили, что тираж этой пьесы уже распродан, а вам нужен экземпляр. Этот шаг был непродуманным, тем более что Эдит Лоррингтон дружила с владельцами этого самого машбюро, — так уж получилось, что оно оказалось единственным в здешних краях. Но вы наверняка рассчитывали, что, если начнутся расспросы о том, откуда взялся оригинал рукописи, вы всегда сможете ответить, что отвезли его на перепечатку по просьбе своей подруги Лидии. А Лидия, будучи мертвой, уже не опровергнет этого. Но вы упустили из виду один маленький нюанс. Много кто в деревне мог бы написать те или иные фрагменты пьесы «Для убийства есть мотив». Многие подозревали или догадывались о том, что Мартин Возн влюблен в Лидию Дэр. Но к моменту написания пьесы только один человек в деревне был настолько посвящен в подробности жизни обитателей Далмеринга и вместе с тем знал, что Лидия любит другого, и этот человек — ее ближайшая подруга, Сандра Борн, которой она доверяла. В то время никто другой в деревне не знал, что Лидия Дэр вообще знакома с Джералдом Фаррантом, а тем более что любит его!

Тремейн сделал паузу. Во всем зале не слышалось ни звука — только хриплое, неровное, преувеличенно громкое дыхание женщины, которую он обвинял. Остальные сидели совершенно неподвижно, не глядя на Сандру Борн и ожидая, когда Тремейн поведаст им финал трагедии, в зловещей тени которой они жили.

— Не так давно, — продолжил Тремейн, — я возил рукопись пьесы в Лондон, чтобы показать ее театральному и кинематографическому критику Аните Лейн. Поскольку мы с ней друзья, я попросил ее прочесть пьесу и высказать свое мнение. От нее я услышал, что автор пьесы — женщина, и кое-где в диалоги вкрались ее собственные мысли и желания, которыми она наделила своих персонажей. Это подкрепило мою убежденность в том, что искать Алексиса Кента долго не придется — это не кто иной, как Сандра Борн.

Однажды, когда я находился в доме у доктора Расселла, в разговоре вы пытались создать у окружающих впечатление, будто долго не знали о существовании Фарранта, и Лидия не рассказывала вам о нем. Это случилось почти сразу после мо-

его прибытия сюда, поэтому особых подозрений не вызвало, но как-то не сочеталось с тем, что мне говорили о ваших близких отношениях с Лидией Дэр. А когда один за другим стали выясняться и прочие сомнительные моменты, я понял, что вы солгали.

Вы помните, зачем пришли к доктору в тот вечер? Якобы для того, чтобы излить и облегчить душу, поскольку вы не были откровенны в разговоре с инспектором Бойсом. Вы сказали, что утаили от него правду, чтобы не пострадала репутация вашей подруги и тень подозрения не пала на Мартина Воэна. Но на самом деле вы дали инспектору понять, что Мартин Воэн любил Лидию, чтобы его взяли под подозрение. Вы знали: если явитесь к доктору Расселлу, ему придется из чувства долга посоветовать вам рассказать полиции все, что известно.

Ограничиваться убийством Лидии вы не собирались. Вам хотелось прикончить и Мартина Воэна, чтобы его приговорили к повешению за убийство. Вы знали, куда направилась Лидия тем вечером и в какое время обещала вернуться. Нож вы украли из дома Воэна — у вас была масса возможностей сделать это во время одного из ваших визитов к нему вместе с Лидией. А из сарая в саду доктора Расселла вы позаимствовали пару садовых башмаков и надели их в ночь убийства. Башмаки оказались настолько вам велики, что пришлось надеть их прямо на туфли — у вас очень маленькая ножка, — и они оставили отпечатки, которые сбили полицию со следа, как вам и требовалось. С вашей стороны было умно наступить на единственный клочок мягкой сырой земли, чтобы полиция восприняла оставленный на ней след как ценную улику, но, пожалуй, тут вы перестарались. Слишком уж неправдоподобной удачей выглядело то, что преступник стоял, будто в задумчивости, только на одном месте. А это место находилось слишком далеко от кустов и вряд ли могло служить ему укрытием продолжительное время. Эти два отпечатка с самого начала показались мне подозрительными. И окурочек — еще один элемент местного колорита, который как-то выбивался из общего ряда. Его не втоптали в землю, как сделал бы человек, куривший так часто, что не смог обойтись без сигареты

даже в напряженные моменты ожидания. Сигарета была выкурена лишь наполовину, на ней виднелись отчетливые вмятины, словно ее сжимали в пальцах, — казалось, ее оставили на месте преступления умышленно.

Когда Лидия Дэр появилась на тропе через рошу, вы напали на нее и убили. Она была вашей подругой, но вы жестоко прикончили ее. Ненависть придала вам сил, и вы вонзили свое оружие глубоко в ее податливое тело. Нож оставили на месте преступления; в соответствии с вашим планом, он должен был привести полицию к Мартину Воэну. А садовые башмаки, которые украли за несколько дней до убийства, вы вернули при первом же удобном случае. Для этого понадобилось выбрать время, когда ни доктора Расселла, ни его жены не было дома, и такая возможность вам представилась, пока они вдвоем ездили на станцию встречать меня. При нашей с вами первой встрече, когда меня только представили вам, вы появились из-за гаража в «Стране роз», то есть явно вышли из сада. В тот момент я не придумал этому значения, но теперь мне ясно, что именно тогда вы вернули на место башмаки. Сарай был заперт, и вы забросили их в окно. Потом доктор Расселл нашел их валяющимися на полу.

Пол Расселл вздрогнул при упоминании Тремейном садовых башмаков. Пока он слушал объяснение их загадочной пропажи и возвращения, в его глазах удивление сменилось пониманием.

— Все шло согласно вашему плану, — невозмутимо продолжил Тремейн. — Лидия умерла, и вы сделали так, чтобы навлечь подозрения на Мартина Воэна. Вы знали: если всплывет вопрос о пьесе «Для убийства есть мотив», подозрение падет опять-таки на него, поскольку его имя изначально ассоциировалось с пьесой. Вся деревня знала, что данную пьесу предпочли потому, что так пожелал Воэн. На самом же деле Лидия просила его повлиять на выбор, чтобы поставили не какую-нибудь другую пьесу, а вашу, но попросила не упоминать об этом. У меня состоялась... беседа с мистером Воэном, — Тремейн многозначительно потрогал свою шею, — и он объяснил мне, как все это произошло. Он выступил в поддержку пьесы потому, что об этом попросила Лидия. А она попросила

его ради вас. Не знаю, какие доводы вы пустили в ход, чтобы уговорить ее, но она, считая вас своей ближайшей подругой, была только рада помочь вам и в то же время сохранить тайну пьесы в ваших интересах.

Следующим шагом стало убийство Филиппа Хэммонда. Вы знали, что у него роман на стороне, поэтому сделали вид, будто намерены шантажировать его, и велели ему прийти одному в деревенский клуб после окончания репетиции. Вы ждали его в темноте, и прежде чем он успел опомниться, нанесли ему удар молотком. Вы миниатюрны, однако от ненависти и отчаяния у вас прибавилось сил и молоток оказался достаточно опасным оружием. Вы втащили Хэммонда в комнату за сценой и, убедившись, что он мертв, спрятали труп в кофре, который служил реквизитом для постановки.

В день похорон Лидии Дэр состоялась репетиция. Все считали, что ее не отменили, потому что забыли об этом в горе и суматохе, но вы ничего не забыли. Репетицию вы не отменили потому, что знали: в кофре лежит труп Филиппа Хэммонда. Вам хотелось эффектно обставить его находку. Из своей мести вы стремились извлечь все, что только можно: желали напугать и шокировать, увидеть страх и ужас на лицах людей.

Вы понимали: рано или поздно выяснится, что у Филиппа Хэммонда был роман. Рискну предположить, что вы приложили бы все старания, чтобы эта правда вышла на свет. Это подготовило бы почву для мучений Карен Хэммонд и стало следующим этапом вашего дьявольского плана. Вы хотели, чтобы она поплатилась смертью за убийство своего мужа.

К тому времени для меня стало кое-что проясняться. Мне показалось, будто я уже знаю, что вы сделали и что намерены совершить далее. А также еще одно — кого вы избрали следующей жертвой. Я принял меры, чтобы помешать вам вновь достичь успеха: не позволить погубить еще одну человеческую жизнь, — но что-то разладилось, и вы нанесли удар не там, где я ожидал. Вашей жертвой стала Эдит Лоррингтон.

Поначалу я решил, что моя версия ошибочна и все это время я шел по ложному пути, но потом вспомнил кое-что и понял, почему вам пришлось убить не заранее выбран-

ную жертву, а Эдит Лоррингтон. Она представляла для вас угрозу. Сама Эдит об этом не подозревала, но вы не могли поручиться, что однажды она не поймет всю важность того, что ей известно. И тогда ее знания приведут вас на виселицу.

Эдит Лоррингтон страдала бессонницей. В ночь убийства Лидии Дэр она гуляла по окрестностям, и ей довелось пройти мимо вашего коттеджа. Она подтвердила, что вы находились дома — как вы и сообщили полиции, — потому что видела в окнах свет и слышала звуки радио. Но сама не понимая, что это означает, Эдит рассказала доктору Расселлу и мне, что по радио в это время передавали свинг. А всем известно, что вы не выносите свинг и, когда передают подобную музыку, выключаете радиоприемник!

В голосе Мордекая Тремейна зазвучал триумф. Это был триумф человека, который видел, что его целенаправленный, упорный труд наконец принес плоды. Он продолжил:

— Кроме того, Эдит Лоррингтон рассказала нам, что хотела повидаться с вами и отдать новый роман, который, как она думала, вам понравится. И упомянула, что раньше уже пыталась занести его вам, но вас не застала. Подробности она опустила, но, зная, какой Эдит человек, я убежден, что она увидела свет у вас в коттедже и решила отнести вам книгу сразу, а не просто прошла мимо. Попыталась привлечь ваше внимание, вызвать вас из дома. Но не сумела, потому что, хотя радио играло громко и горел свет, все это просто создавало вам алиби. А вас самой в доме не было. Вы поджидали в темноте Лидию Дэр, замышляя убийство!

К сожалению, эта истина дошла до меня, когда спасать Эдит Лоррингтон было уже поздно. Но когда инспектор Бойс сообщил, что она убита, я вдруг связал воедино факт, что все знали о вашей неприязни к свингу, с тем, что сказала Эдит, и понял, почему вы убили ее. На виселицу преступников чаще всего приводят мелочи, — мрачно добавил Тремейн. — Вам следовало изучить программы передач радио на тот период, когда намеревались отсутствовать, и убедиться, что среди них нет тех, какие вы не стали бы слушать, чтобы не оказаться в щекотливой ситуации.

В этих негромких словах прозвучала леденящая душу нота, и от них словно дохнуло мертвенным ветром, который предвещал гибель Сандры Борн. Бесстрастный, как судья, Мордекай Трмейн стоял, глядя на нее сверху вниз. Помолчав, он продолжил:

— Лидия Дэр жаловалась, что чувствует, будто в Далмеринге таится некий ужас, какое-то зло нависло над деревней. Об этом упоминали и другие местные жители, и даже газетные статьи, и поначалу мне казалось, будто я ощущаю то же самое, что и остальные.

Но вскоре я обнаружил, что у всех опасений, испуганного шепота и кошмара, о котором говорили лишь намеками, есть один общий источник — Сандра Борн! Это вы создали атмосферу боязни и подозрений. Постепенно разносили страх по деревне. Вы заронили его в первую очередь в голову Лидии. Делали вид, будто ни в чем не уверены, притворялись, что вам самой страшно, и расшатали ее нервы. А после смерти Лидии, разумеется, вам стало гораздо легче. Нашлось множество легковнушаемых людей, которые охотно действовали согласно вашему плану, сами о том не подозревая, и распространяли слухи о том, что деревня очутилась под воздействием некоего зла. Вам осталось лишь ждать и наблюдать, как начатая вами кампания набирает обороты.

Это и вправду было воздействие зла, но в человеческом облике. — Голос Трмейна становился все более твердым, ледяным и обличающим. — В Далмеринге действительно было зло. И это зло таится в вашем сердце!

Сандра Борн подняла голову.

— Будьте вы прокляты, — процедила она. — Будьте вы прокляты. Вы все знали с самого начала!

В ярости она бросилась вперед.

— Берегитесь, Пол! — прозвучал возглас Трмейна, резкий как удар хлыста.

Пол Расселл отреагировал мгновенно: отшатнулся и одновременно выбросил поднятую левую руку в сторону женщины, в руке которой зловеще блеснул нож. Ее новой попытке нанести удар помешал быстрый топот бегущих ног за сценой. Словно загнанная в угол бестия из ада, Сандра Борн кусалась,

шипела, визжала, но ее сопротивление было подавлено усилиями Джонатана Бойса и двух его подчиненных.

— У меня есть ордер на ваш арест по обвинению в умышленном убийстве, — объявил инспектор. — Предупреждаю: все сказанное вами будет принято во внимание и использовано в качестве свидетельства.

Мордекай Трмейн облегченно вздохнул.

— Думаю, именно это вам требовалось. Верно, Джонатан?

Инспектор Бойс кивнул:

— Да, именно это.

Растрепанная, с упавшими на искаженное яростью лицо волосами, Сандра Борн уставилась на них.

— Ладно, — заявила она, — да, это сделала я! Я убила их! Я все заранее продумала, как вы и сказали! Я их ненавидела. Мечтала увидеть, как они корчатся в муках. Хотела уничтожить все их самодовольство, их благодушную, устроенную жизнь! — Сандра Борн рванулась из рук детективов, державших ее, и запрокинула голову. От прежней старательной маленькой женщины, которую знала деревня, не осталось ничего. Она превратилась в злобную фурию. — Ненавижу вас всех! Всех вас, слышите?

И она выплюнула гадкое слово. Мордекай Трмейна слегка заташнило, и он отвернулся. Джонатан Бойс подал знак подчиненным.

— Уведите ее, — негромко распорядился он.

Долгое время все молчали. Потом Пол Расселл тихо промолвил:

— Спасибо, Мордекай. Она ведь не шутила, она действительно задумала убийство. Меня спасло лишь ваше предостережение. Не знаю, как вам удалось так быстро сообразить, что она нападет на меня.

— Я объяснял, что Сандре Борн пришлось поменять свои планы, когда она убила Эдит Лоррингтон. В качестве третьей жертвы поначалу она наметила другого человека.

— Вы хотите сказать, что следующим в ее списке был я? — воскликнул Расселл.

— Косвенным образом — да. Вы — часть пьесы «Для

убийства есть мотив», Пол. В ней вам предстояло убить актрису, потому что она бросила вас ради другого мужчины, после того как вы долгое время распоряжались ее жизнью. — Тремейн многозначительно взглянул на Полин Конрой и Сержа Галески. — Возможно, вы уже поняли, что должно было случиться? Мисс Конрой погибла бы. И подозрение пало бы на вас. Не знаю, как именно вы оказались бы замешанным в этом деле, но, полагаю, Сандра Борн нашла бы способ связать вас с мисс Конрой. Все выглядело бы так, будто вы убили ее, потому что она бросила вас ради мистера Галески. Третья параллель осуществилась бы, и ее автор был бы отпущен трижды. Полин Конрой была бы мертва, вы предстали бы перед судом по обвинению в убийстве, и счастьем Джин тоже пришел бы конец.

Расселл с трудом пытался осмыслить его слова:

— Звучит невероятно, однако... нет, пожалуй, логично. Теперь припоминаю, что у нее была привычка сводить меня с Полин, в том числе на репетициях. В то время я об этом не задумывался, но сейчас мне кажется, что на то у нее имелась своя причина. — И он добавил: — Так вот что я принял за ваши подозрения в мой адрес! Вот почему мне казалось, будто вы следите за мной! Вы ожидали убийства Полин и считали, что, если будете рядом со мной постоянно, это обеспечит мне алиби!

Тремейн улыбнулся:

— Наконец-то вы немного оттаяли, Пол, — сказал он, и на лице его друга смешались растерянность и раскаяние.

— Простите, Мордекай, я думал...

— Вы думали, что я пытаюсь отправить вас на виселицу. И я вас не виню. У вас были все причины так полагать!

Полин Конрой внимательно слушала их разговор. Она казалась притихшей, непохожей на себя. Наконец она произнесла:

— Я тоже должна принести вам свои извинения. Я считала, что вы подозреваете меня, поэтому полиция и стала наблюдать за мной. Но на самом деле вы распорядились, чтобы детективы следовали за мной по пятам, потому что думали, что моя жизнь в опасности, и пытались защитить меня.

— Вам действительно грозила смертельная опасность, мисс Конрой. В сущности, я даже боялся, что если сильно разозлю сегодня Сандру Борн и вытяну из нее признание, то она предпримет последнюю попытку добиться своего и нападет либо на вас, либо на доктора Расселла. Но вы сидели далеко от нее, она не могла рассчитывать хотя бы ранить вас, прежде чем ее схватят, поэтому жертвой должен был стать доктор Расселл. Вот почему мне удалось предостеречь его так быстро.

Мордекай Тремейн обвел сидящих за столом пристальным взглядом и остановил его на Филлис Голуэй.

— Теперь вам уже незачем медлить с объявлением, — произнес он и подмигнул. — Наверное, вы уже поняли, почему я просил вас какое-то время умалчивать о нем. Если бы Сандра Борн узнала вашу тайну, от зависти она могла бы в очередной раз прибегнуть к насилию. Но сейчас эта опасность миновала.

— Спасибо вам! — с жаром воскликнул Джеффри Маннинг. — Боюсь, вам порой было со мной нелегко. Я постоянно помнил, что где-то рядом рыщет убийца, и сходил с ума от беспокойства за Филлис.

— Вы же влюблены, — промолвил Тремейн, — вот вам и оправдание. — И он продолжил: — Итак, мы знаем ответ на вопрос, который задавали себе. Мы пережили горестный и трудный период, но теперь преступления раскрыты. Больше вопросов нет, — он поискал взглядом Говарда Шеннона, — ни единого, — твердо добавил он, и упитанный мужчина вздохнул с облегчением.

На выходе из зала Мордекай Тремейна ждала Карен Хэммонд. Он знал, что она будет ждать. Она шагнула к нему из тени у дверей и нерешительно коснулась его руки:

— Вам известно... про нас?

— Да, — тихо подтвердил Тремейн. — Я виделся с его женой.

— И вы... не осуждаете меня?

— У меня нет права на это.

— Все потому, что я любила Филиппа.

— Я не сомневаюсь, что вы его любили. Именно поэтому вы сказали, что в ночь убийства Лидии Дэр он находился

дома, с вами. Вы знали: стоило вам признаться, что Филипп был в Лондоне, у него потребовали бы объяснений, и тогда выяснилось бы, что он провел это время с женой — со своей законной женой. Вы могли потерять его.

Карен кивнула. Он заметил на ее лице горестные морщины и понял, что в последнее время она много плакала. Не сумев найти слов утешения, достойных ее трагедии, Тремейн лишь спросил:

— Вы, конечно, уедете из Далмеринга?

— Да, завтра же. Я решила сделать это как можно скорее. Официально я еду на... похороны Филиппа. Они состоятся в Харфорд-роу. Обратно не вернусь. Я... только хотела поблагодарить вас за понимание и за то, что вы ничего не сказали.

— Меня незачем благодарить, — произнес он и взял Карен за руку. — У меня не было причин что-либо говорить.

Она высвободила свою руку, повернулась и двинулась прочь. Выждав несколько минут, Тремейн тоже вышел на улицу.

Через пять минут он увидел впереди Джонатана Бойса: инспектор Скотленд-Ярда уверенно шагал навстречу ему. Он курил трубку и имел вид человека, с души которого свалился тяжелый камень. В сущности, так оно и было.

— Ну что ж, Мордекай, — улыбнулся Бойс, — способ сработал. Получилось театрально, зато эффективно.

— Он сработал именно потому, что был театральным, — заметил Тремейн. — Все, что я сказал на этой сцене, — правда, но доказать это мне было нечем. Большую часть составляли домыслы. Оставалось одно: сделать вид, будто мне известно все, и надеяться, что у Сандры Борн не выдержат нервы. Риск был велик, конечно, но я наблюдал за ней и знал, что она на грани срыва. Рано или поздно она сорвалась бы.

Инспектор удовлетворенно попыхивал трубкой, выпуская дым.

— Признаться, у меня вплоть до последнего момента возникали сомнения на ее счет. В том, что эта женщина хладнокровно замыслила убийства еще несколько месяцев назад. С трудом верилось, что она способна на такое. До сегодняшнего вечера. Сегодня маска была сброшена.

— Женщина, одержимая завистью, способна на многое. Я же говорил, когда вы только приступали к расследованию: для убийства всегда есть мотив. Возьмите зависть, ненависть и женщину, — и вот вам мотив с невероятной взрывной силой.

— Теперь картина совершенно ясна, — заметил инспектор. — Кстати, как вы и предполагали, настоящее имя Говарда Шеннона — Герберт Ройдейл. Он отбыл срок и поселился здесь под вымышленным именем. Жил честно, но в постоянном страхе, что кто-нибудь выяснит, кто он на самом деле, и когда Хорнсби явился и устроил слежку за Филиппом Хэммондом, опасения Шеннона сбылись, причем худшим образом. Как говорил Энстон, Хорнсби не брезгует шантажом, когда представляется шанс, и едва он узнал, что Герберт Ройдейл, получивший пятнадцать лет тюрьмы за аферу с Трастовой компанией Ройдейла, живет в Далмеринге под фамилией Шеннон, то сразу взялся за него — вдобавок к своей деятельности детектива. Ройдейл, или Шеннон, не желал разоблачения — он неплохо устроился, встал на ноги и хотел остаться в Далмеринге, — поэтому согласился заплатить. Шеннон сел на лондонский поезд, словно туда и направлялся, но сошел в Колминстере, встретился с Хорнсби, заплатил ему за молчание, а на следующий день продолжил поездку. Так он провел вечер, когда убили Лидию Дэр. Сказать правду Шеннон не мог, потому что неизбежно выдал бы себя, и выдумал историю о деловой встрече. Вот почему он так нервничал.

В довершение его бед Мартин Воэн выяснил, что ночь убийства Шеннон провел в Колминстере, и решил сам предпринять расследование. Конечно, в то время Воэн старался справиться с потрясением после смерти Лидии Дэр, потому и вел себя так странно. Но не был ни в чем уверен, пока случайно не обнаружил, что Шеннон что-то скрывает, и счел его главным подозреваемым.

Когда после смерти Эдит Лоррингтон я отправился к нему и потребовал рассказать мне во всех подробностях, как именно он настоял на постановке пьесы «Для убийства есть мотив», Воэн в свою очередь попытался обратить мое внимание на Шеннона. Думаю, сотрудничать со следствием он отказывался отчасти потому, что был оскорблен в лучших чувствах и не

понимал, как окружающие могли подозревать его в убийстве Лидии Дэр, которую он любил.

— Кстати, о подозреваемых, — сказал инспектор. — По-моему, ваш друг врач по вашей милости пережил немало неприятных минут.

— Да, — кивнул Тремейн. — Бедняга Пол, он ведь все-рез поверил, что я заподозрил его. Но я просто не решался открыть ему правду, опасаясь, что она может случайно дойти до Сандры Борн и заставить ее насторожиться. Это наследство осложнило его положение, хотя и не имело никакого отношения к убийству. По замыслу Сандры, Мартина Воэна должны были повесить за убийство Лидии Дэр, а Пола — за убийство Полин.

Они приблизились к калитке «Страны роз». Инспектор остановился и произнес:

— Я представлю комиссару подробный отчет. Поблагодарить вас, Мордекай, я еще не успел, но вы знаете, как я вам признателен. И тот факт, что я рискнул своим положением, желая убедить всех этих людей прийти сегодня в деревенский клуб, служит доказательством, что я был в отчаянии. Никогда не забуду, что вы для меня сделали.

— Пустяки, — смутился Тремейн, зная, что Джонатана Бойса нельзя назвать эмоциональным человеком, тем не менее его чувства глубоки. — Это был просто блеф, который, к счастью, сработал.

Он пожелал инспектору спокойной ночи и толкнул калитку, открывая ее. Но в дом не вошел. Остановившись в саду, Тремейн запрокинул голову и засмотрелся на звезды, усеявшие ясное небо. На душе у него было беспокойно, он ощущал неудовлетворенность.

В призрачном свете молодой луны Далмеринг казался тихим и мирным. Воздух был неподвижен, слышался далекий шум прибора. Тремейну вспомнилась прелесть здешних окрестностей, какими он видел их в тот давний день, когда в маленьком автомобиле Пола Расселла въехал на гребень холма и взглянул сверху на раскинувшуюся у его подножия деревню.

Однако теперь Тремейн знал, что эта безмятежная прелесть лишь иллюзия, а под внешней красотой скрываются

зло и упадок. Алчность, ненависть и зависть, страх и убийства прятались за мирным, но ложным фасадом.

Ему вспомнилась истерически кричавшая женщина, которую под руки вывели из зала. Говард Шеннон, живущий в страхе, что соседи, уважающие его, узнают, что на самом деле по его вине разорились тысячи людей, и готовый откупаться от шантажиста, лишь бы сохранить свою тайну и по-прежнему жить в обретенном убежище под вымышленным именем. Полин Конрой и ее предосудительная связь с Галески. Филипп Хэммонд и прекрасная, но несчастная женщина по имени Карен, обреченная на душевные муки.

Все, с чем Тремейн соприкасался, под его рукой обращалось в прах. Его расследования выявили гниль под маской счастливой и мирной маленькой общины. Здесь обнаружались козни и интриги, ревность и безжалостные преступления. Неужели душа человека насквозь порочна, несмотря на внешнюю благопристойность?

Неожиданно легкая прохлада коснулась его лица. Тремейн распрямил плечи, словно стряхивая с себя уныние. Конечно, это был лишь ночной бриз, налетевший с моря: магической силой он не обладал, — но в голове Тремейна внезапно прояснилось.

Нельзя искать в мире одну красоту. Надо видеть и то, что уродует его, то, что есть в нем хаотичного и низменного. Такова жизнь. Жизнь не только прекрасное, чудесное и удивительное, но и неприглядное и безобразное. Приходится смотреть как на звезды, так и на грязную землю. Замечать грязь, не опускаясь до цинизма, оберегать идеалы, хранить веру в человеческую порядочность — вот подлинная цель жизни.

Тремейн медленно повернул обратно к дому и зашагал по негромко хрустевшему под его ногами гравию дорожки.

Содержание

УБИЙСТВО НА РОЖДЕСТВО. *Перевод Т. Осиной*. 5

ДЛЯ УБИЙСТВА ЕСТЬ МОТИВ. *Перевод У. Сапциной*. 217

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Дункан Фрэнсис

**УБИЙСТВО НА РОЖДЕСТВО
ДЛЯ УБИЙСТВА ЕСТЬ МОТИВ**

СБОРНИК

Ответственный редактор *Л. Качковская*
Художественный редактор *Е. Фрей*
Технический редактор *Н. Духанина*
Компьютерная верстка *З. Полосухиной*
Корректор *М. Мазалова*

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звёздный бульвар, дом 21, строение 1, комната 705, пом. I, 7 этаж.
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, Мәскеу қ., Звёздный бульвары, 21-үй, 1-құрылыс, 705-бөлме, I жай, 7-қабат.
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Интернет-магазин: www.book24.kz

Интернет-дүкен: www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан:
ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының екілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8(727) 251 58 12 вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

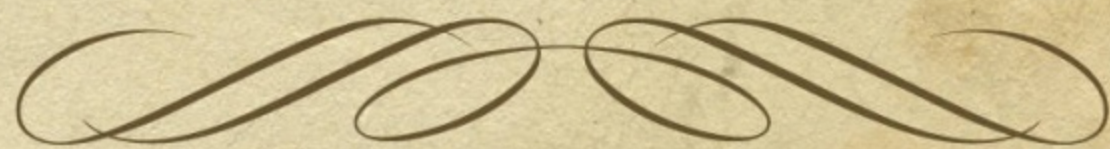
Подписано в печать 06.09.2018. Формат 84×108^{1/32}.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52.

Тираж экз. Заказ

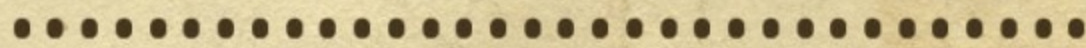

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

Мордекай Тремейн, человек тихий и одинокий, без особой охоты отправился на празднование Рождества в роскошном загородном доме Бенедикта Грейма, ведь он и знать не знал никого из присутствовавших, кроме хозяина и его секретаря. Однако долго скучать ему не пришлось – в рождественскую ночь под елкой обнаружился весьма неожиданный и мрачный подарок – труп в костюме Санта-Клауса. Что еще хуже, все указывало на то, что убийца по-прежнему в доме...

Мордекай Тремейн, приехав в тихую деревушку в гости к друзьям, внезапно оказывается втянут в расследование таинственного убийства, жертвой которого стала очаровательная Лидия Дэр. Поначалу полиция подозревает влюбленного в жертву известного археолога, с которым Лидия внезапно порвала незадолго до своей гибели. Но очень скоро за первым убийством следует и второе, причем преступник словно бы черпает вдохновение в мрачной пьесе, которую ставят на любительской сцене местные театралы...

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-102226-6

9 785171 022266